

*СПІРАНИЦЬ
МИЛЛБУРНСЬКОГО
КЛУБА, 11*

*The Annals of the Millburn Club, 11
Slava Brodsky (ed.)*

2021

**Марина
Рачко**

**Александр
Бродский**

**Слава
Бродский**

**Майкл
Голдшварц**

**Борис
Гулько**

**Наталья
Зарембская**

**Петр
Ильинский**

**Ада
Кане**

**Зиновий
Кане**

**Яна
Кане**

**Игорь
Мандель**

**Лазарь
Мармур**

**Александр
Матлин**

**Зоя
Полевая**

**Юрий
Солодкин**

**Эльвира
Фагель**

**Владимир
Шнейдер**

**Аркадий
Шпильский**

**Бен-
Эф**

*СТРАНИЦЫ
МИЛБУРНСКОГО
КЛУБА, 11*

*The Annals of the Millburn Club, 11
Slava Brodsky (ed.)*

*Под общей редакцией
Славы Бродского*

Manhattan Academia

Страницы Миллбурнского клуба, 11
Слава Бродский, ред.
Анастасия Мандель, рисунок на титульном листе

The Annals of the Millburn Club, 11
Slava Brodsky (ed.)
Stacy Mandel, drawing on the title page

Manhattan Academia, 2021
www.manhattanacademia.com
mail@manhattanacademia.com
ISBN: 978-1-936581-30-6
Copyright © 2021 by Manhattan Academia

В сборнике представлены произведения членов Миллбурнского литературного клуба. Его авторы – Александр Бродский, Слава Бродский, Майкл Голдшварц, Борис Гулько, Наталья Зарембская, Петр Ильинский, Ада Кане, Зиновий Кане, Яна Кане, Игорь Мандель, Лазарь Мармур, Александр Матлин, Зоя Полевая, Юрий Солодкин, Эльвира Фагель, Владимир Шнейдер, Аркадий Шпильский и Бен-Эф.

This collection features works by members of the Millburn Literary Club: Aleksander Brodsky, Slava Brodsky, Ben-Eph, Elvira Fagel, Michael Goldshvartz, Boris Gulko, Pyotr Ilyinskii, Ada Kane, Zinovy Kane, Yana Kane-Esrig, Igor Mandel, Lazar Marmur, Alexander Matlin, Zoya Polevaya, Vladimir Shneider, Arkady Shpilsky, Yuri Solodkin, and Natalie Zarembsky.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА	5
АЛЕКСАНДР БРОДСКИЙ	
О МУЗЫКЕ, ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ.....	8
СЛАВА БРОДСКИЙ	
С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА	49
МАЙКЛ ГОЛДШВАРЦ	
...В УГОЛ, НА ПРЕДМЕТ	76
БОРИС ГУЛЬКО	
К СТОЛЕТИЮ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА СМЫСЛОВА	115
НАТАЛЬЯ ЗАРЕМБСКАЯ	
СОВРЕМЕННОКИ – О БУЛГАКОВЕ	122
ПЕТР ИЛЬИНСКИЙ	
ДЕТЕКТИВ С НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ РАЗВЯЗКОЙ, ...	149
АДА КАНЕ	
Хэппи	166
ЗИНОВИЙ КАНЕ	
ВАСЬКА.....	172
ЯНА КАНЕ	
ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ	177
ИГОРЬ МАНДЕЛЬ	
ЗАСТОЛЬНАЯ БЕСЕДА	191
ЛАЗАРЬ МАРМУР	
СТИХОТВОРЕНИЯ.....	199
АЛЕКСАНДР МАТЛИН	
РАССКАЗЫ	205
ЗОЯ ПОЛЕВАЯ	
СТИХОТВОРЕНИЯ.....	219
ЮРИЙ СОЛОДКИН	
ВАРЛЕН.....	223
ЭЛЬВИРА ФАГЕЛЬ	
ПОВОДЫРЬ	254
ВЛАДИМИР ШНЕЙДЕР	
ИИСУС ХРИСТОС – ЧЕЛОВЕК	259
К СТОЛЕТИЮ ГИБЕЛИ РОССИИ	279
АРКАДИЙ ШПИЛЬСКИЙ	
ИЗ ЛИРИКИ СЕРГЕЯ ЖАДАНА*	292
БЕН-ЭФ	
СТРАТЕГИЯ НАЦ. БЕЗОПАСНОСТИ	298

Предисловие редактора

Мне приходится начинать свое предисловие к одиннадцатому выпуску сборника «Страницы Миллбурнского клуба» с печальных слов. От нас ушла Марина Ефимова (Рачко).

Почти десять лет тому назад они с Игорем Ефимовым присоединились к Миллбурнскому клубу. И с этого времени стали активно участвовать в его работе. Игорь выступал на заседаниях, публиковался в ежегодниках клуба. Марина тоже участвовала в заседаниях, и в третьем выпуске сборника были напечатаны отрывки из ее повести «Через не могу», опубликованной ранее в их с Игорем издательстве «Эрмитаж». Повесть Марины – воспоминания о ее бабушке и о пережитых годах блокадного Ленинграда – единственная публикация Марины в нашем сборнике. Мы обсуждали и возможность других публикаций у нас, но Маринина занятость на «Радио Свобода», где она работала с 1989 года, и обязательства перед другими издателями не позволили нашим планам осуществиться. Марина говорила о себе, что она журналист, редактор и переводчик. Но думаю, что только одна ее повесть «Через не могу», которую я бы смело отнес к разряду литературных шедевров, ставит ее в ряд замечательных литераторов современности.

Так получилось, что наш дом в Пенсильвании оказался на обозримом расстоянии от дома Ефимовых. И мы стали гостить друг у

друга летом. Чаще они приезжали к нам в Голдсборо. Игорь обычно садился на пару часов порыбачить на нашем озере. А мы с Мариной гуляли по окрестным паркам. Потом возвращались и проверяли улов Игоря. Сохранились две фотографии тех времен (присланные мне Игорем Манделем). На одной из них

Игорь и Марина Ефимовы на верхнем деке нашего дома. На другой мы стоим как раз там, где Игорь любил рыбачить. Слева – Игорь и Марина, справа – Игорь Мандель, в центре – Наташа, я и наш песик *Mitt* (Митя).

Все это было, казалось, совсем недавно. Все выглядели почти молодыми. Во всяком случае – не очень уж старыми. И я тогда думал, что это все будет продолжаться вечно.

После смерти Игоря Марина решила продавать их дом и перебираться к дочери. Стала наводить порядок.

Обнаружила массу книг. И вот в начале этого года она послала в подарок членам Миллбурнского клуба несколько ящиков с книгами. В основном это были издания «Эрмитажа». Книги благополучно прибыли и... осели у меня дома. Идет уже второй год с тех пор, как вирус загнал нас в подполье. Второй год заседания клуба проводятся виртуально. Но я надеюсь, что книжные подарки Марины скоро дождутся своих новых владельцев, при первой возможности встретиться по-старому в нашем Миллбурнском доме на очном заседании клуба.

Нынешний ежегодник «Страницы Миллбурнского клуба» содержит произведения 18 литераторов. В основном это авторы, знакомые читателю по предыдущим выпускам. Но есть и два новых имени. Это Ада Кане и Эльвира Фагель. Ада вместе с Женей Кане были при открытии Миллбурнского клуба в августе 2004 года и с тех пор, если и пропустили, то всего только несколько его заседаний. Они оказывают мне очень большую помощь в подготовке и проведении наших собраний. Эльвира же сыграла большую роль на начальном этапе публикаций ежегодного альманаха клуба. Она, хотя никогда до сей поры в наших сборниках не публиковалась, была редактором первых двух его выпусков. И мне доставляет особое удовольствие поприветствовать этих двух дебютантов.

Хочу напомнить читателям сборника о вебсайте Миллбурнского литературного клуба www.nypedia.com. Что там можно найти? Во-первых, общую информацию о клубе. Во-вторых, информацию обо

всех заседаниях клуба с момента его зарождения до настоящего времени. Ссылки на видеофайлы дают возможность желающим посмотреть как фрагменты выступлений, так и целые заседания. В-третьих, там представлены материалы ежегодника «Страницы Миллбурнского клуба» – альманаха, который непосредственно связан с работой нашего сообщества. В этом ежегоднике публикуются произведения членов клуба. Часто авторы представляют туда свои работы по материалам выступлений на заседаниях. И на вебсайте *www.nypedia.com* можно найти все выпуски альманаха, которые имеют там свободный доступ.

Кроме того, одна из рубрик вебсайта *www.nypedia.com* содержит информацию об издательстве *Manhattan Academia*, спонсоре клуба и его ежегодника. И еще: вебсайт содержит отклики на работу клуба. Там, в частности, можно найти интервью со мной Бориса Тенцера в программе «Контакт» на телеканале “*RTN-WMNB*”, где идет разговор о работе нашего сообщества. А также там есть ссылка на передачу «Живое слово» Надежды Брагинской, где она, Владимир Шнейдер и я рассказываем о нашем клубе и об одной из его сессий.

Над редактированием сборника в этом году работали Рашель Миневич и Эльвира Фагель. И мне приятно поблагодарить их за ту большую помощь, которую они оказали мне в процессе подготовки сборника к печати.

Слава Бродский
Миллбурн, Нью-Джерси
19 октября 2021 года

Александр Бродский -

родился в 1937 году. Окончил Ленинградский театральный институт по специальности «театроведение» в 1961 году. Работал на телевидении в Петрозаводске и Ленинграде, в документальном и научно-популярном кино. Написал более 80 сценариев документальных и учебных короткометражных фильмов. В 25 лет стал членом Союза журналистов. В Америке с 1977 года. Печатался в газетах «Новый американец», «Новое русское слово» и других изданиях. Книга литературных пародий «Извините за внимание» вышла более 40 лет назад. За последние три года вышло еще три книги. На пенсии. Женат, трое детей, пять внуков.

О музыке, поэзии и прозе...

Так случилось, что пишущий эти строки, не будучи музыкантом, работая на телевидении и в документальном кино, часто пересекался с музыкой, с историей песен, композиторами, живыми легендами легендарного балета, который «впереди планеты всей»... Первую легенду отечественной музыки я мог увидеть через неделю после своего рождения, когда меня привезли домой из Снегиревского роддома на личной машине Исаака Осиповича Дунаевского, приятеля отца. По понятным причинам это в памяти новорожденного не сохранилось, но осталось в семейных легендах.

Борис Гершт. Поэт и режиссер

Снова печальная новость, уже которая в этом коронавирусном 2020 году. Несчастливый год, полный горьких потерь. Умер Борис Гершт - поэт, режиссер, профессор Театрального института, называемого теперь... (хотя кого волнует, какую аббревиатуру используют для названия родного института на Моховой и его филиала на Исаакиевской площади). Ушел еще один ровесник. Боря Гершт остался в моей памяти студентом режиссерского товстоноговского курса, который вместе с другом и соавтором, актером Константином Григорьевым, принес в музыкальную редакцию ЛенТВ сценарий эстрадного обозрения и стихи, написанные ими.

В то время моим коллегой в редакции эстрадных передач был композитор Вадим Шеповалов. Мы делили с ним комнату, где стояли два стола и пианино. Вадим Михайлович был старше меня всего лет на десять, но казался мне пожилым человеком - может быть, из-за его аккуратности и всегда серьезного выражения лица. Он тогда уже

состоял в Союзе композиторов.

Стихи Гершта и Григорьева нам понравились, было в них какое-то юношеское очарование, музыкальная ритмичность, и Вадим передал пару страниц знакомым ленинградским композиторам и заказал им песни. Одну из них, «Алые паруса», написанную Михаилом Петровым (не путайте с Андреем Петровым!), спела Герта Юхина, певица эстрадного оркестра. Одну страничку Шеповалов унес домой. И утром на нашем редакционном фортепиано сыграл мне мелодию, которая стала популярной песней «Дождь на Неве».

Решение было мгновенным и общим – вызвать певицу Лидию Клемент и записать песню с ней. Лиде песня очень понравилась, ведь она была коренной ленинградкой, пережила блокаду! Через три-четыре дня была готова оркестровка, написанная, как обычно, Владимиром Федоровым. Я робко протестовал против выпадающего из общего ритма слова «го-о-лубоглазые», но Лида на записи спела фразу так легко, что сомнения отпали. «Дождь на Неве» сделал знаменитым молодого композитора Вадима Шеповалова, а песня вошла в лучшие песенные антологии.

Вадим выписал себе гонорар за музыку. Мне же, редактору, принявшему текст, хотелось помочь авторам стихов: Борис – студент, у Кости – крохотная ставка начинающего актера. Оказалось, что за текст песни можно платить не больше тридцати рублей. Тариф. Но мы включили один неиспользованный стишок, и студия заплатила Косте и Борису раза в три больше нормы. Дальше – уже история. Песня «Дождь на Неве» вошла в реальную жизнь и понравилась ленинградцам настолько, что нас просто засыпали просьбами повторять и повторять ее. Недавно я нашел на *YouTube* выступление инструментального ансамбля на Исаакиевской площади летом 2019 года с этой песней.

А мне авторы подарили ноты «Дождя на Неве» и поставили три подписи. Помню, Боря Гершт написал: «Примите, Саша, как значок нашей симпатии!» Получилось остроумно – в редакции знали, что я коллекционировал значки.

Костя Григорьев погиб много лет назад. Борис Гершт ушел в августе 2020-го...

Лидия Клемент. Мы помним...

Тут самое время рассказать о замечательной певице Лидии Клемент. Те, кто ее слышал, вряд ли смогут ее забыть.

Служа в эстрадной редакции, я встречал многих исполнителей тех лет. В нашей редакции бывали Эдуард Хиль, Мария Пахоменко, Зоя Виноградова, популярный дуэт Матусов – Копылов, композиторы Андрей Петров, очаровательный Слава Пожлаков, остроумнейший Александр Колкер. И все они восхищались Лидой Клемент, ее умением петь удивительно просто, с точным пониманием текста, с великолепной дикцией, – нынешним певцам не мешало бы послушать ее и поучиться. Была она обаятельной красавицей! Скромная, спокойная, никогда не повышала голос, умела слушать.

Вдруг мы узнаем, что у Лиды неоперабельный рак. Это был шок для всех, кто ее знал! Мне пришло в голову сделать ее творческий вечер по телевидению, чтобы как-то морально поддержать. Позвонил Лиде, она согласилась, но попросила репетицию и передачу сделать в один день. Тут-то мне бы насторожиться, но я подумал – почему бы и нет? Один день, всем удобно.

Я набросал сценарий, включив лучшие песни в исполнении Клемент: «На кургане» и «Звезды в кондукторской сумке» Андрея Петрова, «Карелию» Колкера и мою любимую «Дождь на Неве» Шеповалова. В назначенный час приехал за Лидой, дали мне старенький автобус. Если бы знал, в каком она состоянии, идею с этой передачей я бы отверг... (Жила Лида в коммуналке, в небольшой комнате. Она попросила немного подождать, вышла к соседке переодеться, потом поставила перед маленькой девочкой тарелку супа, я понял – это ее дочка. В комнате была простенькая мебель, большой неокрашенный шкаф. Почему-то этот фанерный шкаф я навсегда запомнил...)

Автобус, который мне дали, был кошмарный, страшно трясло, казалось, старый драндулет вот-вот рассыплется. Да и улицы питерские тогда нечасто ремонтировали. Лида сидела со стиснутыми зубами, я видел, как ей плохо...

Репетицию провели очень быстро и без подсветок: Лиду утомляла жара от софитов. Вдруг меня прямо с репетиции вызвал к себе в кабинет замдиректора Струженцов, редкостная гадина, пришедшая на студию из определенных органов. Народ его ненавидел. Струженцов стал на меня кричать: почему репетиция идет в полутьме?! В его кабинете стояло несколько экранов-«подсмотров» из рабочих павильонов. Я пытался объяснить, но он и слушать не хотел.

Передача пошла в эфир через час. И Лида преобразилась! Она

легко двигалась, пела под фонограмму: оркестр не был предусмотрен сметой – обычное дело тех лет. Она была великолепна!

Ее отвезли домой на другой, директорской машине...

Через две недели Лида умерла. Гроб певицы стоял в Театре эстрады, на улице Желябова. Прощаться с ней пришли тысячи ленинградцев. Не было только человека, которого она любила. Узнав о ее болезни, он надолго уехал из Ленинграда на юг...

А теперь небольшое, но очень важное добавление.

Через – скажем, много-много лет – я нашел сайт памяти Клемент, созданный энтузиастами из разных уголков России, и узнал, что Наталья Борисовна Шафранова, дочь Лидии Клемент, которую я запомнил двухлетней крошкой, живет в Америке со своей семьей. И недалеко, в штате Нью-Джерси.

В тот вечер Нью-Йорк накрыла страшная гроза с порывистым ветром. Подумал – сорвется наша встреча. И все-таки Наталья и ее муж Игорь приехали. Я вышел их встретить, увидел издали – передо мной стояла красивая молодая женщина в облике Лидочки Клемент, только постарше. Если бы вы знали, как захолонуло сердце! Оказывается, прежнее очарование невозможно забыть! Наташа даже прядь волос поправляла таким же легким движением, как мама, и выглядела так же элегантно и очаровательно! По старой питерской традиции мы просидели за чашкой чая на кухне и проговорили весь вечер. Сколько нашлось общих знакомых и друзей! И было приятно, что у дочери любимой певицы такой обаятельный муж! С такими интеллигентными людьми хочется подружиться!

Оказалось, фильм о Лидии Клемент, который я видел на *YouTube*, был сделан двумя замечательными энтузиастами из Белоруссии. Они сняли кадры, связанные с жизнью певицы в Питере, с ее институтскими друзьями, возле дома, где она жила. В съемках принимала участие и Наталья Борисовна. И когда я увидел общий план – девушка идет вдоль улицы Подольской, – я вздрогнул, будто шла сама Лидочка... Фильм этот показали несколько лет назад в Доме актера в Санкт-Петербурге, и на премьере были сотни ленинградцев, для которых прелестная Лидия Клемент и ее голос остались незабываемым образом музыкальных шестидесятых.

Потом появились странички на сайтах "*Facebook*" и «ВКонтакте» – пленки звукозаписей, статьи и фотографии, тщательно собранные Еленой Соколовой и другими энтузиастами. Там есть интересные факты, связанные с творчеством Лидии Ричардовны Клемент. Таким

образом сотни россиян впервые приобщились к песням Клемент, к ее очаровательному голосу.

А в сентябре 2020 года у Натальи Борисовны Шафрановой появилась внучка. Значит, у Лиды Клемент появилась правнучка! Закралась сумасшедшая мысль – а вдруг она тоже станет певицей, которую полюбят миллионы? Говорят, у малышки громкий и звонкий голосок!

«Мистер Шоу пляшет и поет»

В конце пятидесятых в газете «Советская культура» появилась странная статья. Она называлась громко и весьма иронично: «Мистер Шоу пляшет и поет». Главная ирония автора относилась к постановке пьесы «Пигмалион» Джорджа Бернарда Шоу, сделанной в Англии в жанре мюзикла, в тогдашнем СССР жанра неизвестного. То ли с юмором, то ли сердито, – но тон статьи не был понятен: зачем автор прошелся тяжелым катком по музыкальной инсценировке знаменитого «Пигмалиона»? Главная идея статьи – нехорошо так поступать с великим Шоу!

А вскоре в Ленинград на гастроли приехал театр из сибирского города Кемерово и привез «Моя прекрасная леди». Какой восторг! Какая музыка! Хотя и средней руки провинциальный театр, и в постановке не было ничего, что запомнилось на всю жизнь. Но как прекрасно мистер Шоу пел и плясал! Тогда на спектакль пришли известные питерские музыканты! И был полный зал! Мир принял новую форму – этот самый мюзикл! И за несколько лет «Моя прекрасная леди» стала классикой музыкальной комедии! А потом в новом жанре появилось и «Укрощение строптивой»! Теперь уже Вильям Шекспир пляшет и поет! Позже в этот жанр ворвались и старичок Лопе де Вега, и папаша Дюма с мушкетерами! «Пора-пора-порадуемся!..» А как же Штраус, Кальман, Легар, Оффенбах?.. А что насчет Дунаевского? В детстве я по ночам перечитывал под одеялом с фонариком машинописную копию «Вольного ветра», до сих пор помню: «Чертову дюжину детишек растила дома матушка моя. Ровно шесть девчонок, ровно шесть мальчишек, и один чертенок – это я!» Да, драматургия оперетты, честно говоря, обветшала, но искрометная музыка осталась в памяти. Нет, жанр оперетты не забыт. Пусть все пляшут и поют! Как говорил кто-то из классиков, – все жанры хороши, кроме скучных!

И даже до Библии добрались авторы мюзикла! Вот, получите: «Иисус Христос – суперзвезда!». Кто следующий? Что следующее?

Предлагаем – балет в сопровождении звуков поющей и свистящей атмосферы Марса. А можно – детсадовский рэп на встроенном в песочник айпюде.

Нет, сюжеты не заканчиваются. Музыкальная трилогия по пьесам русского классика А. Сухово-Кобылина – «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина» – на музыку Александра Колкера идет в России больше двадцати лет!

А у Александра Журбина число мюзиклов добралось до тридцати – на сюжеты О.Генри, Чехова, Пастернака, прочих классиков и неклассиков. Вот это прорыв!

Да здравствует мюзикл!

Строить и жить помогает

О, эта неумная память! Помню статью – кажется, в «Советской России». Возмущенный автор публично обвинил композитора в том, что тот продал режиссеру мелодию для кинофильма по телефону. Возмутительно, правда? По телефону! Халтурщик!

Речь в статье шла о песне Соловьева-Седого для документального кинофильма о Спартакиаде народов РСФСР. Называлась песня «Ленинградские вечера», в Ленконцерте ее не приняли из-за слабенького текста и невыразительной музыки. Худсовет еще и обругал авторов за непрофессионализм в песенном творчестве. Валялись ноты у композитора в столе.

А тут создатели официального фильма решили разбавить его песенкой, и Василий Павлович, которого в дружеском кругу звали ВПСС (ассоциаций с КПСС не надо!), вспомнил старенькую мелодию. Сыграл и спел режиссеру по телефону. Тому понравилось. Название поменяли на «Подмосковные вечера».

Действительно, текст не совсем логичный – «речка движется и не движется». И потом – «Что ты, милая, смотришь искоса, низко голову наклоня...» Помню, как на этих стихах повеселился сатирик Михаил Задорнов. Если вдуматься, звучит по меньшей мере странно, и придиричивый к текстам Марк Бернес записывать песню отказался. Хорошо хоть нашелся Владимир Трошин, поющий актер МХАТа. Он напел «Подмосковные вечера», его и записали. Чем он прославил и себя, и песню.

Прошло почти семьдесят лет. Весь мир до сих пор поет «Подмосковные вечера»! А кто-нибудь помнит тот документальный фильм про спартакиаду?

Как это было, мне рассказал много лет спустя известный питерский музыкант Владимир Федоров, который за ночь расписал оркестровку для ансамбля. Проводнику поезда Ленинград-Москва заплатили, чтобы он отвез ноты и передал в руки режиссеру. Владимир Александрович Федоров играл на трубе в эстрадном оркестре Ленрадио, которым руководил Анатолий Семенович Бадхен, и сам создал ансамбль при Театре комедии. Когда надо было срочно записывать новую песню, вызывали Федорова, и он делал оркестровку для звукозаписи. Поэтому часто бывал в музыкальной редакции на ТВ. Славный, улыбочивый, он относился ко мне с симпатией, может быть потому, что я был для него другом Бадхена. А для Федорова Анатолий Семенович был абсолютным авторитетом!

Однажды я попросил Федорова подарить ноты какой-нибудь известной песни, которую он аранжировал. Он зашел в редакцию и вручил мне переписанный клавир польского шлягера «Раз, только лишь раз, был тот солнечный час...» С этой песней Эдуард Хиль выиграл вторую премию на конкурсе в знаменитом польском Сопоте. Эту мелодию я до сих пор помню. Потом Эдик Хиль забежал и поставил на нотах свой автограф. Он тогда вернулся из гастрольной поездки в Венгрию и привез мне в подарок дюжину одинаковых значков с эмблемой тамошней компартии. Эти значки ему дарили в каждом венгерском городе партийные вожди.

* * *

В шестидесятых годах на «Леннаучфильме» снимали короткометражный фильм о Василии Павловиче Соловьеве-Седом. Смотрим мы на худсовете материал, вдруг вскакивает взволнованная редактор картины Валентина Матвеева, и обращаясь к молодому режиссеру, кричит: «Зачем вы сняли это? Какой ужас! Как вы могли!» На экране крупным планом нога Василия Павловича нажимает педаль на рояле. Ноги в рваных шлепанцах, из которых выглядывает большой палец. Разгневанная Валя Матвеева продолжает: «Что народ подумает – у известного композитора на новые тапочки денег нет?..» Вроде неглупая дама Валя Матвеева... Но заставили этот кадр вырезать – вдруг народ о композиторе плохо отзовется...

А я бы эту деталь оставил. Может, эти тапочки – его любимые! Может, без них не включалось у ВПСС творческое вдохновение...

В конце девяностых кто-то распорядился архив киностудии «Леннаучфильм» уничтожить за ненадобностью. И представьте, собрали фильмы и устроили во дворе студии аутодафе! Сотни фильмов, работу тысяч людей за пятьдесят лет сожгли! И тот фильм

о композиторе тоже сторел. Об этой беспрецедентной экзекуции даже Би-би-си поведало.

А «Подмосковные вечера» выжили!

Недаром в другой советской песне пели – «Эту песню не задушишь, не убьешь!»

У самовара... Фанни Квятковская

1963 год. Подходит начальница Нина Титова и взволнованно говорит: сейчас к нам придет Квятковская. Спрашиваю: «А кто это?» Нина с изумлением:

– Ты не знаешь Фанни Квятковскую?! Это автор легендарного шлягера века – «У самовара я и моя Маша»!

Познакомила меня с невысокой худенькой женщиной. Мне Фанни Марковна показалась старенькой, хотя было ей всего около пятидесяти, одета очень скромно, чтоб не сказать бедно. Простенькое серое платье. Кофта, похожая на мужской свитер. Подкрашенные редкие рыжие волосы. Нина носилась с Квятковской как с живой легендой, восторгалась ею, но я не помню, чтобы какие-то музыкальные опусы Фанни Марковны в нашей редакции приняли. Возможно, что-то ей заплатили, потому что Титова очень хотела помочь бедствующей композиторше.

(Не могу не добавить: умница, добрейшей души человек, Нина Георгиевна Титова вскоре скончалась от страшной болезни и категорически запретила оповещать об этом Ленинградскую студию телевидения, где прослужила лет пятнадцать. Пока она болела, ее никто не догадался навестить. Ей было всего 39.)

Родившаяся в Ялте Фейга Иоффе, проживавшая в Польше после Первой мировой войны, публиковалась под фамилией отчима – Фанни Гордон. Яркая брюнетка стала известным и популярным композитором в варшавских варьете уже в юном возрасте. В тридцатые годы Квятковская написала чуть ли не сотню мелодий, тексты песен были по-польски, польские поэты стояли в очереди к юному музыкальному дарованию. Тогда же Фанни сумела попасть в Америку и даже получила гонорар за изданные песни. Только потом наивную и ставшую известной «У самовара я и моя Маша», написанную Фанни, когда ей было всего 17 лет, и ее же популярный фокстрот «Аргентина» записала немецкая компания звукозаписи. Судя по всему, неприятный русский текст «У самовара...» принадлежит самой Фанни, она прекрасно говорила по-русски.

Пластинку продавали в Риге, в Латвии, – там до Второй мировой жила большая колония русскоязычных эмигрантов. В тридцатых годах простенькую песенку запели чуть ли не во всем мире. Когда шлягер напел Утесов, автора музыки забыли указать на советской пластинке.

Фанни Гордон удалось выжить в Польше во время Второй мировой (кажется, муж был польским офицером), и в 1945 году она смогла уехать в СССР вместе с матерью как советская гражданка. Она руководила джаз-ансамблем в Подмоскowie. Ансамбль разогнали, джазистов посадили. Фанни скрылась, уехала в Ленинград. Только в семидесятых годах ей удалось зарегистрироваться в отделе авторских прав, и она стала получать гонорар за свои произведения. Учитывая, что авторский гонорар «капал» только за концертное исполнение, Фанни жила практически на гроши. Кто бы пел «У самовара я и моя Маша» в удушливые годы борьбы с космополитами?! Хотя она работала, написала пару оперетт в соавторстве с ленинградскими композиторами, переводила с польского, писала воспоминания.

После знакомства мы ехали с Фанни Марковной на метро до станции «Чернышевская». Оказались соседями. Она жила на Кирочной, тогда – улице Салтыкова-Щедрина, я – в Басковом переулке. Мы почти не разговаривали. Казалось, она чего-то боялась, ощущение страха было даже в ее позе. Еще бы – эмигрантка, бывшая польская подданная, бывала в Америке. Я стеснялся начать разговор, а ей-то – о чем со мной, тогдашним юнцом, беседовать.

Еще несколько раз она приходила в редакцию, подолгу разговаривала с Ниной и с главным музыкальным редактором. Но так и осталась Фанни Квятковская-Гордон автором одного, пусть и знаменитого шлягера, – «У самовара я и моя Маша».

Урок литературы от Ольги

Трудно объяснить, почему я проворонил талант Ольги Бешенковской. Может, потому что она – двоюродная сестра, поздняя дочь моей тетки Марии Ильиничны Бродской, – была на 10 лет младше. Однажды мои родители уехали, и меня на неделю отправили пожить к тете. Оля только что родилась. Ночью я проснулся, хотелось пить, и я выдул стоявший на столе стакан молока. Оказалось, выпил грудное молочко для Оли. Оставил будущую поэтессу без завтрака.

Не было в российской литературе трудностей, через которые в те годы не прошла талантливая и начитанная девочка. Ее первые

стишки, детские, наивные, публиковала пионерская газета «Ленинские искры». Я работал, у меня семья, ну что мне до этой малявки. А она росла, читала философские труды, книги по истории. Изучала труды русских мыслителей Соловьева и Бердяева, эстетику древнего и античного миров. Заочно окончила ЛГУ, занималась в известной литературной студии Даниила Дара. Когда Ольга стала настоящей журналисткой, когда начала писать и вышла замуж, я не заметил. Даже о том, что родила сына, узнал от приятеля ее мужа. Из-за глупой семейной ссоры лет десять не общались.

Стихи в ту пору меня не интересовали, я не читал советских поэтов. Служила Ольга в заводских многотиражках, свои стихи читала в компаниях, пыталась публиковаться, пока не обратила на себя внимание КГБ. И работать в советской печати ей сразу и навсегда запретили. Неприятие партийной диктатуры над творческим процессом было ее большим местом, этого она никогда не скрывала. Печатала Оля свои стихи в неофициальных журналах – «Часы», «Обводный канал» и других, которые ходили по рукам в ленинградском андеграунде. Стихи Бешенковской стали читающему народу известны:

Не могу отрешиться от горестной нашей судьбы...
 Поднял каменный лев волевою угрюмую лапу...
 Больно плакать и петь. Бесплезно идти к эскулапу.
 Как ты давишь, о, Рим, мы варяги твои и рабы.
 Что нам радости в том, что могучи твои колоннады.
 Только злее трещат под классической ношей хребты...
 Приходи же, о, Рим, поскорей в неизбежный упадок,
 В грязь лицом упади с высоты...

Казалось бы, основа русской поэзии – лирика, стихи о любви. Никакой любовной страсти и сантиментов в Ольгиных стихах не было. Не о Риме речь, это понимали даже малограмотные гэбэшники. Неслучайно она дружила с опальной поэтессой Еленой Шварц, которую уже публиковали в семидесятые годы на Западе и не признавали в СССР. Елена была дочкой легендарного завлита БДТ (Большого драматического театра, тогда он еще был имени Горького) Дины Шварц. Дину Морисовну, у которой я проходил практику весь второй курс, не выпускали с театром за границу из-за опальной дочери, несмотря даже на просьбы самого Товстоногова. Мстили: «Плохо дочь воспитываете!»

В предисловии к своей первой книжке Ольга написала: «Мы, дети, царили в александровских креслах ленинградского Дворца пионеров, где среди прочих кружков особенно славился Клуб юных поэтов, и никто не взимал с родителей плату за износ позолоты и мрамора и

даже за обучение... Дворец пионеров был, если так можно выразиться, "поэтической Снегиревкой": здесь благодаря отеческой заботе советской власти родилось целое поколение противостояния ей».

Жить на пенсию престарелых родителей Оля не желала. Устроилась кочегаром в газовую котельную. Сутки – работа, три – отдых. Впрочем, отдыха у нее не было. Она училась сама и учила других – молодых, начинающих поэтов. Но писать стихи после истории с известным романом Бориса Пастернака стало делом опасным. За вольную литературу начали сажать. За книги, изданные за границей, посадили Даниэля и Синявского – стандартное обвинение в антисоветчине.

Тот период 60–70-х мы пережили и хорошо помним. Тюремный срок, психушки стали неотвратимой судьбой писателя, не согласного с методом социалистического реализма. И тогда литераторы и художники неофициального искусства открыли для себя выход – вернее, уход – «уход в катакомбы». Такими «катакомбами» в больших городах стали котельные, бойлеры. Тогда образовалось, как кто-то верно сказал, «бойлерное поколение» русской литературы.

Главным выразителем мыслей «бойлерного» поколения стала Ольга Бешенковская. Она организовала беспрецедентный самиздатовский журнал «ТОПКА» – Творческое Объединение Пресловутых Котельных Авторов...

Эти черточки, точки, черты
Грустной Родины...
Взгляд запрокиньте:
Крылья чаечьи – черные рты,
Что размножены на ротапринте.
И оберточный серый туман
(Изомнется, пропитанный влагой)...
Это все – нелегальный роман,
Осужденный остаться бумагой.

«Пожалуй, никто из диссидентов так горько и несамооправдательно не исповедался, как Ольга Бешенковская. Она это сделала за них за всех. Она, в сущности, была диссиденткой нравственной, то есть просто жила не по лжи, не участвуя в конспиративно-организационной деятельности, в громогласных "акциях протеста", куда заранее приглашали иностранных корреспондентов. Само дыхание нравственных диссидентов, даже если они так себя не называли, составляло все уплотнявшийся воздух духовного сопротивления» – написал об Ольге ленинградский поэт Виктор Кривулин.

Она изредка выступала. Ее не публиковали. Рукописи складывались в стол. Хотя стихи ее заметили – ведь их пускали по рукам, как запрещенную литературу. Об Ольге узнали и с похвалой

отозвались Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский.

Ольга пишет письмо другу, литератору Льву Волохонскому, осужденному на пять лет лагерей и четыре года ссылки только за то, что он упомянул в разговоре известную статью «Просуществует ли СССР до 1984 года» осужденного Андрея Амальрика:

Письмо в зону

Я напишу тебе, как начинается осень,
Как заржавели колочие наши деревья...
Лающий ветер сигнал о побеге разносит,
Утка* на блюдо слетает с пучком сельдерея...

Контурсы счастья темней, чем пуктир пулемета,
Чувства устали. Осталось и теплится – меры.
Так и живем: вдохновенье, зарплата, суббота
До воскресенья – Любви, и Надежды, и Веры...

Так и состаримся в этом октябрьском загоне,
Не наблюдая курантов на праздничной вышке,
Где за поэтом следят, как за вором в законе,
Звезд нахватав, уж, конечно, не с неба, мальчишки...

-----
*Утка – ложное обвинение.

И почти двадцать лет поэтесса проработала кочегаром в котельной. «Я другой такой страны не знаю...», где бы женщины-поэты служили в котельных.

Мать убеждала дочь подписываться фамилией Бродская. Оля возражала – один Бродский в поэзии уже есть. Не пожелала отказаться от длиннющей отцовской – добрейший дядя Юра, прошедший войну с первого до последнего дня, был ее героем. В сорок пятом году капитана Бешенковского назначили комендантом немецкого городка. Через месяц его с треском выгнали из армии: он приказал накормить солдатской кашей голодных немецких женщин и детей. Может, поэтому тихого отца Ольга любила больше, чем взбалмошную мать.

Папа видел Берлин в 45-м году
И с тех пор никогда не хотел за границу.
По горячим камням, не касаясь, иду,
И темнеют готически острые лица.
Мы похожи с тобой на дневных мертвецов,
Что слоняются между жующих сосиски...
Выпьем, брат мой немецкий, за наших отцов
И за их холодящие кровь обелиски.

Даже в восьмидесятые годы держать дома собственные неподцензурные стихи было опасно. Я долго хранил архив Оли,

присланный мне в Нью-Йорк. Иногда Оля присылала письма, праздничные открытки. Не все сохранилось. Теперь жалею.

Началась перестройка. Бешенковскую понемногу стали публиковать журналы, которые мы по инерции еще считали официозными, черносотенными, – «Октябрь», «Звезда», бывший либеральный «Новый мир». Наконец, последними приняли ее стихи питерские «Нева» и «Аврора». Это породило горькие прозаические строки, написанные так же выразительно, как и ее стихи:

«Я предвижу злорадство “писателей”, укравших у меня литературную жизнь (писателей в кавычках и скобках, потому что писатели без кавычек и скобок могут слямзить библиотечную книгу, но не чью-то судьбу) и обиженных на то, что им об этом сказали. Не обольщайтесь! Мы, уехавшие последними, угодившие в “колбасный вагон” и не слишком радуиную атмосферу переполненного дармоедами капитализма, еще скажем свое слово. И о себе, и о вас, и о мире, который все же увидели. А ведь могли и помереть с необъяснимой ностальгией по Западу. Необъяснимой, потому что не только мы, но и заранее заготовленные для нас судьбой гены там не бывали...»

Эти горькие слова она написала тогда, когда уже не оставалось выбора. Все подталкивало – пора уезжать: из-за самого настоящего голода, болезни сына, неустроенности и тоски новых времен. И даже обитать негде, оставалась единственная комната в коммуналке, где все дышало памятью о родителях и ненавистью соседей к этим интеллигентам. Век заканчивался десятилетием тревог, событий в Европе и на Ближнем Востоке, взрывами бомб, афганской войной и болью за погибших мальчиков...

Виновато ль созвездье Рака? –
Слышу плач матерей Ирака,
Израэля и шепот «пить»...
Боже, дай мне беруши в уши,
Я хотела бы бить баклуши,
Я устала тревогу бить...

Наступила сомнительная российская демократия. Но какие горькие слова нашла Ольга для прошлого страны! История России, история чего? Вечных ошибок, перекрученных и сомнительных идеалов? Удивительный, сквозь боль и иронию критический взгляд на эту вечно искаженную враньем отечественную историю... Не знаю, написал ли кто-то в постсоветской публицистике о народнической, а потом социалистической и коммунистической идее лучше, чем эти злые строки поэтессы, страдающей за свою больную и постоянно несчастную страну:

Ну что, народники, жалевшие народ
 На осмеяние народу...
 Смотрите, как улучшил их породу
 Руля истории скрипучий поворот...
 Ну что, народники, листовками соря,
 Не знали вы, куда ведет крамола, –
 Что правде лучше быть наложницей царя,
 Чем проституткой комсомола...

А вот и о поэзии будущего. Или о будущей примитивности жизни? И пишет Ольга наперекор советской поэтической классике и вопреки заезженным цитатам:

Не дай-то Бог, чтобы к штыку,
 К щиту – и так унижить Слово,
 И муки светлые в муку
 Перемолоть для нужд столовой.

Не пропадет наш скорбный труд:
 На нем и так повеселятся,
 И Серафима перельют
 На шестикрылый вентилятор...

Не сказать о собственной вынужденной эмиграции она не могла. Горькие слова, обида за подневольную жизнь, за работу в стол, когда рукописи годами лежат без надобности и покрываются угольной гарью и пылью:

В нелюбимом городе жить,
 ненадежные руки жать.
 А во сне – над страной кружить,
 из которой мечтал сбежать.

В начале девяностых Ольга писала мне: *«Последняя весть от тебя – новогодняя открытка. Прости за нескромный вопрос: где восторги по поводу моей новой поэмы? (А я машинописную, еле видимую третью или четвертую копию, прочитав поленился. – А.Б.) Мне подарили «Грани» (за стихи, опубликованные там, еще можно было получить срок! – А.Б.), говорят, что-то вышло в «Континенте» (с ума сошла! у этих эмигрантов?! – А.Б.). Хочу провести отпуск в Англии. Но боюсь, что там тоже что-нибудь произойдет. Например, старушка Тэтчер отобьет у Раисы нашего Горбача, и тогда исчезнет все, в том числе и авиабилеты...»*

В другом письме она описала свой контакт с еврейским журналом для юношества. Это уже во времена начала перестройки: *«Меня попросили. Я стихи дала. А раввин велел рассыпать набор. Это не еврейские стихи, – сказал, – а православные. Такая у нас цензура даже здесь. Пришлось ответить экспромтом:*

Патриоты российских равнин
 Здесь печататься мне не давали.
 А в еврейском журнале раввин
 Утопил, как в Суэцком канале.

На всякий случай – с Новым годом. У вас он будет, надеюсь, более радостным. Здесь положение стремительно ухудшается. Ленинград переходит на продовольственные карточки. Нам не привыкать. В России все оборачивается трагедией. И демократия – тоже». Замечательно сказано, правда? Давным-давно обратил я внимание на одну строчку в Олиных стихах, она сразу зацепила и запомнилась навсегда – «аникушинский сталинский Ленин». Это об очередном монументе в Ленинграде. В трех словах – точная оценка.

Приехав в США и забрав свой архив, Оля подарила и подписала мне с трогательной надписью «Дорогому брату с заокеанской любовью» свою первую книжку – «Подземные цветы» – о жизни в котельной. При этом тщательно исправила многие опечатки.

В 1992-м Ольга уехала в Германию, надо было лечить сына. Так и осела в Штутгарте. Поселилась на улице *Rotweg* (Красный путь!). О чем тут же написала иронические строки:

Я живу на ROTWEG 43:
 Красный путь – колхоз, а не Европа...
 Адресок хорош для агитпропа
 И тревожен, что ни говори....
 Мой приятель, местный коммунист
 (слава Богу, только в воскресенье,
 С кружкой пива, благостен и чист)
 Видит в этом родины спасенье...

Ольга организовала в Германии журнал русскоязычных писателей «Родная речь». Выступала на «Свободе», на Би-би-си, рассказывала о неподцензурной литературе западным и российским слушателям. Писала стихи по-немецки и переводила для немцев свои собственные. Говорят, немецкий язык изучила в совершенстве. Возможно, поэтому Бешенковская стала первой русскоязычной писательницей, принятой в общегерманский союз писателей. Потом ее стали печатать в России, я многое нашел в «Журнальном зале», где в алфавитном списке авторов можно найти Олины стихи в разных изданиях.

Наконец, выехав на Запад, побывав в нескольких странах, она увидела свою давнюю мечту – Италию. И пишет строки, впервые вспомнив о таинствах религии, для нее прежде неизвестной:

Расскажу, что грозы накопилось в природе,
 что на брата – по-прежнему – брат...
 Но сандалии римские все еще в моде,
 и течет золотой виноград
 по щекам, по рукам, по древесному телу –
 здесь, на склоне, замру и врасгу...
 Нету сил добираться к иному пределу
 и судьбы – на другую мечту.
 Растопырены ветки, со словом не сладить.
 (Хорошо хоть – жила налегке...)
 Бог услышит меня из моих германландий
 и на русском поймет языке...

Не всякий россиянин, побывавший в Праге, мог бы написать трагически-горькие строки в память чешского студента Яна Палаха, сжегшего себя в знак протеста против советского вторжения в Чехословакию:

Прага, я не могу на твоём не споткнуться пороге:
 Здесь брусчатка, как реквием, скорбно звучит под ногой,
 Чешский мальчик горел, а у нас проступали ожоги,
 Будто Ян – это я, это я, а не кто-то другой...
 Мы познали тогда: нет стыда безнадежней и горше,
 Чем за Родину стыд ... (Как ломило ночами висок...)
 И мерещилась тень: по камням, как по клавишам, Дворжак –
 Танкам наперез, темной площади – наискосок.

Как попала ко мне изданная в Нью-Йорке малоизвестным «Александрия Пабблишинг» последняя книга Ольги «Беззапретная даль», не помню. Да и брат Слава Бродский, который с Олей поддерживал братские контакты чаще, тоже не помнит. Книга вышла в 2006 году – и в том же году Оля умерла от рака легких. Было ей всего пятьдесят девять. Курила Оля всегда безобразно много. Тетя Мура жаловалась: «Ольга с этим своим “Беломором”...» Кому курение, кому спиртное, – творческая необходимость русских поэтов, что ли? Из поэтического наследия Бешенковской остались три книжечки да парочка стихов эпохи перестройки в писательском альманахе, напечатанном на грязно-серой бумаге.

Однажды в литературном клубе в Нью-Джерси у Славы Бродского выступала талантливая поэтесса Наталья Резник. Мы говорили о поэзии и заметили, что Ольга Бешенковская – наша кузина. Наташа с уважением сказала:

– О, Бешенковская – это наша классика!..

Цитировать бесконечно стихи Оли не могу. нравятся многие. Но во всех книжках Оли обязательно будет вот это:

Ночное дежурство

Как торжественна музыка в 24 часа...
 Даже можно поверить, что злосчастное время
 Называют великим... что были и мне голоса
 И утешно взывали тянуть эту лямку со всеми.
 Где еще так пирует, как в нашем раю, нищета!
 Польхает судьба в закопченном подвальном камине.
 Мы свое отгорели. Нам черные риски считать...
 И котельных котят неприрученной лаской кормили...
 Что российским поэтам на ярмарке медных карьер,
 Где палач и паяц одинаково алы и жалки...
 О, друзья мои гении: дворник, охранник, курьер,
 О, коллеги по Музе – товарищи по кочегарке!
 Что играют по радио? Судя по времени – Гимн...
 Нас приветствует Кремль в преисподних ночных одиночках...
 Мы уснем на постах беспробудным, блажным и благим,
 И слетятся к нам ангелы в газовых синих веночках...

И все-таки в России Ольгу прочитали. И приехав ненадолго из Германии в родной Питер, она ожила словесно и физически:

«Приезжая, радуюсь: вместо очередей за колбасой – очереди в Эрмитаж! Там, где все восхищаются Растрелли, как правило, не расстреливают. Это, конечно, каламбур, но также одна из примет погоды в обществе».

Впрочем, сохранилась ли погода, устоялась ли, что пришла в Россию в начале века? Видела бы она страну сейчас... сомнительно, чтобы радовалась.

За три недели до смерти она написала пронзительные строки:

Я в белый коридор вступила, шелестя,
 Отметив на ходу, что здесь не мел, а мрамор...
 Один порыв – туда, где сын, еще дитя,
 Второй – туда, где ждут, обнявшись, папа с мамой.
 Вот так бы и застыть: ни взад и ни вперед...
 На этой высоте – дыханье с перехватом...
 Невидимый другим пронзительный полет,
 Где чувствуешь себя смертельно виноватым.

Прости, Оля! За то, что мы тебя в нужное время не поддержали, не оценили...

В антологии «Строфы века» Евгений Евтушенко назвал Ольгу Бешенковскую одним из сильнейших русских поэтов-женщин нашего времени.

Скульптор Роберт Таурит

Как только в России начинают очередной официальный бум по случаю Дня Победы, непременно показывают Пискаревский мемориал в Петербурге. Но мало кто помнит авторов этого яркого и

выразительного памятника мужеству великого города. И мне вспоминается человек, с которым я был знаком и о котором давно хотел рассказать.

Создатели фигуры Матери-Родины на Пискаревском кладбище – Роберт Таурит и Вера Исаева.

Об Исаевой есть множество статей и даже книга, она автор нескольких памятников в соавторстве с коллегами. Скульпторы работают с трудным материалом – глиной, гипсом, камнем, гранитом, мрамором. А это тяжелейшая работа! Нужны крепкие руки и большая физическая выносливость. В Википедии есть о Vere Исаевой большая и обстоятельная статья. О Таурите – практически ничего. Между тем в истории советского искусства скульптуры Роберт Карлович Таурит занимает заметное место – он известный скульптор, профессор, мастер, воспитавший достойных художников, чьи работы украшают многие города России. Например, в Витебске ученики Таурита возвели полтора десятка памятников героям Великой Отечественной.

Роберт Таурит – из русских латышей, попал в знаменитую школу Шагала в Витебске в начале тридцатых годов. Во время Отечественной войны вместе с группой художников маскировал городские здания Ленинграда, скрывая их от вражеских бомбардировок. Потом восстанавливал по крупицам сгоревший Павловский дворец. Преподавал в знаменитой Мухинке – художественном училище им. Мухиной. Его работы (в основном портреты советских вождей – главный заработок куска хлеба тех времен) есть в музеях и частных собраниях. А еще в интернете есть фото – фарфоровая фигурка наркома Ворошилова работы Роберта Таурита, ее выпустили на продажу. Многие в те годы коллекционировали фарфоровые фигурки – балерин, вождей, лошадей, клоунов.

Есть и веселая история, как же без нее. В начале пятидесятых Таурит и его коллега скульптор Пинчук по приказу начальства от искусства слепили памятник – «Ленин и Сталин в Горках». Ленин сидел на скамье, а Сталин стоял справа, опираясь на подобие балюстрады. За это в 1950 году авторы получили Сталинскую премию второй степени и спаслись от голода и безденежья. Памятник наваяли в большом количестве и рассылали по городам радовать граждан. И однажды питерский скульптор, приятель Таурита, приехал по делам в Киргизию. Проезжая одну площадь, он увидел памятник – сидящий на скамье Ленин. Было впечатление незавершенности, чего-то явно не хватало. Чего – он понял на другой

площади. Там стоял Сталин, опираясь на часть балюстрады: разумные киргизы распилили памятник на две половины – одним монументом заняли две площади!

Я тогда дружил с дочерью скульптора, пианисткой Ритой Таурит. Была у нас веселая компания музыкантов, собиравшихся в доме моей кухни Карины, тоже пианистки. А Карина и Рита были близкими подружками. Поэтому нас с Кариной пригласили праздновать день рождения Риты. Семья Таурит жила в небольшой комнате в самом начале Невского проспекта. В те далекие времена дети (хотя мы были студентами) отмечали праздники дома. Так я познакомился с родителями и братом Риты. Семья славная, дружная, приветливая. Комната небольшая, тесновато даже за праздничным столом. Я знал, что Роберт Карлович Таурит – скульптор, и это было интересно само по себе, потому что до того времени я никогда настоящего художника не видел. Высокий, седовласый, красивый, с добрым взглядом. Натруженные, очень широкие ладони – это сразу бросалось в глаза. Я знал, что он лауреат Сталинской премии из далеких пятидесятых, но в годы оттепели это звание уже не вызывало особого пиетета. Я попросил разрешения прийти к Роберту Карловичу в мастерскую, получил согласие, но... приглашением ни разу не воспользовался. В молодости мы не задумываемся над тем, с кем нас сводит судьба. А то, что отец работает над Пискаревским мемориалом, посвященным жертвам блокады, даже дети не знали.

Решение поставить памятник погибшим ленинградцам было принято в далеком 1947 году. Объявили конкурс, его выиграла Вера Васильевна Исаева, Роберт Карлович Таурит и группа молодых архитекторов. Но началось кошмарное «ленинградское дело», руководителей города уничтожили, проект на долгие годы отложили. И только в начале пятидесятых скульпторы вернулись к работе. Однако Вера Исаева уже была очень больна. Она только вылепила голову центральной фигуры, упростила скуластое лицо, намеренно сделав его ни на кого не похожим, нейтральным. Таурит взялся доводить главный монумент до отливки в бронзе.

Авторы закончили центральную фигуру, но чтобы завершить детали, требовалась натурщица. И Таурит нашел женщину, фигура которой поразила его своей необыкновенной и горделивой женской статью. Это была Елена Сидорова, профессиональная натурщица Мухинского училища, пережившая блокаду и, что особенно поразило скульптора, – поседевшая юной, во время войны.

Работа продолжалась около года. Натурщице тогда платили копейки за позирование, но Таурит платил ей рубль в час из своего

кармана. Вместо лаврового венка Сидорова держала в руках вафельное полотенце, чтобы автор смог схватить правильное положение рук. Сидорова вспоминала: когда работа над фигурой была наконец завершена, скульптор и его модель выпили по бокалу шампанского. Вот и весь ее гонорар.

Мемориал на Пискаревке открывали 9 мая 1960 года. Собрались десятки тысяч людей – слишком тяжела была память о военных годах практически в каждой ленинградской семье. Никто не представил Елену Ильиничну, стоящую в толпе. Хорошо хоть пригласить не забыли. На открытии памятника одного из соавторов не было: Вера Васильевна Исаева скончалась за три недели до завершения главного дела своей творческой жизни – блокадного мемориала.

Памятник именовали «Мать-Родина». (Впрочем, так называют все мемориалы. Мне казалось бы более уместным для Пискаревского монумента мелькнувшее в какой-то статье – «Родина Скорбящая».)

Через пару лет я встретил Риту Таурит, она пригласила меня на обед в их новый дом. Представьте: вас приводят на Дворцовую набережную возле Эрмитажа, где высится роскошное палаццо – в прошлом то ли итальянское, то ли французское посольство. А внутри – дворик и одноэтажный особнячок, где, видимо, обитала посольская челядь. Меня поразил размер кухни. Здесь готовили еду для посла и его гостей, здесь же столовались слуги. Кухня превышала бывшую комнату Тауритов раза в три. И несколько комнат вокруг. Комфортно жила прислуга, в удобных апартаментах. А теперь в особнячке поселили семью скульптора.

Совсем недавно я попытался найти следы большой семьи своей кузины Карины. Никаких намеков. Неужели практически все исчезли? Не нашел также никаких следов большой семьи Таурит. Правда, – возраст, время. Все, что нашел: мужем Риты оказался тоже музыкант, трубач. Он будил экзерсисами кооперативный дом, где жили впоследствии Тауриты. Больше интернет ничего не раскрыл.

Но вот что обнаружилось: Вера Исаева прожила всего 62 года, Роберт Таурит – 63. Похоже, жизнь скульпторов-грузеников не всегда бывает очень долгой...

Слово о Глебе Романове

Я еще ходил в школу, когда друг семьи, дирижер Анатолий Бадхен, позвал меня на концерт Глеба Романова.

Имя этого актера сегодня забыто. Между тем киноактер и певец Глеб Романов учился во ВГИКе, на курсе с ним учились Нонна

Мордюкова, Сергей Бондарчук, Клара Лучко, Муза Крепкогорская, Инна Макарова и другие будущие звезды советского кино. Весь легендарный курс Сергея Герасимова снимался в фильме «Молодая гвардия», который получил Сталинскую премию и прошел по всем киноэкранам необъятной страны. Глеб Романов играл Ивана Туркенича, командира молодогвардейцев. Фильм показывали в каждом кинотеатре по меньшей мере два-три месяца. Нас, школьников, водили в кино всем классом – воспитывали патриотизм...

Став известным, Романов поступил в Театр-студию киноактера, где актеры иногда играли спектакли, а чаще ездили с концертами по стране и зарабатывали приличные деньги. Имена молодых, известных актеров собирали полные залы.

И оказалось, что Глеб Романов очень музыкален. Он не только хорошо танцевал, но и прекрасно пел. А тогда, в самом начале пятидесятых, на эстраду осторожно стали проникать мелодии других стран. После сталинского железного занавеса легкая музыка была первой, преодолевшей этот занавес. И мы услышали мелодии французские, испанские, итальянские. И даже... кто бы мог подумать, – американские, которые привез в СССР Поль Робсон.

Глеб Романов не просто пел песни разных стран. Он первым на эстраде стал исполнять их на языке оригинала, иногда с русским переводом. Даже танцевал в стиле национальных традиций страны, откуда пришла песня. Помню, «Дуэ сольди – два гроша» он пел по-итальянски, мексиканскую «Беса мэ мучо» – по-испански. Даже популярнейшую «Страна Индонезия» – по-индонезийски. Тогда запустили наивные индийские фильмы, в которых играл и пел знаменитый Радж Капур. И индийские песни Глеб Романов тоже пел, и пел вполне достойно.

Это было, если угодно, новое слово на советской эстраде. Сколько нас, мальчишек, в те годы приобщилось к западной музыке, слушая популярные песенки по радио! Магнитофонов еще не было, песни выпускали на пластинках, патефоны крутили в большинстве домов, мы танцевали и пели музыкальные весточки далеких стран. Мелодии неведомых краев открывали нашему поколению другой мир. Много позже появились Битлз, АВВА, Том Джонс, Челентано, Ив Монтан. А в самом начале пятидесятых мелодии Запада одним из первых принес на эстраду Глеб Романов.

Его выступление в Ленинграде шло в сопровождении оркестра Анатолия Бадхена. Концерт записали в неудобный зал Капеллы, с

небольшой эстрадой, где сбоку теснился оркестр, и на танцы Романову оставалось всего метров пять. Но артист довольно успешно освоил пространство, уверенно двигался и при этом пел свои песенки разных стран.

Помню, в антракте Бадхен пожаловался мне с иронией и досадой: «Романов передо мной в белых портках скачет, а мне почему-то велено дирижировать во фраке с бабочкой». Тем не менее концерт был успешным! Голос Глеба Романова остался на небольших пластинках – пара песен на каждой. Их записали в сопровождении оркестра п/у Бадхена (п/у означало – под управлением). Первые пластинки Романова выпустила странная «Артель Пластмасс». Пластинки раскупали, и голос Глеба Романова на итальянском или на хинди звучал из открытых окон разных городов. Певец стал очень популярным. Говорят, фабрики грампластинок выпустили семьдесят дисков Глеба Романова.

Потом случилась странная история в гостинице: выброшенная в окно бутылка шампанского, упавшая на голову случайного прохожего. Как обычно, посыпались разблачающие фельетоны о зазнавшемся певце. Тюремный срок. За актера вступились известные деятели искусства, один из первых – его учитель, Сергей Аполлинариевич Герасимов. Романова выпустили через год, здоровье его было подорвано. Слава актера быстро пошла на убыль. После этого заговорили о его хронической астме (это у певца-то!). По слухам, он неожиданно начал задыхаться на улице в Ленинграде и упал. Прохожие вызвали «Скорую», но актера не спасли. Глебу Романову было всего 46.

Как я был советским безработным

В периоды безработицы – а такое тоже бывало в моей журналистской судьбе – пришлось попробовать себя в разных жанрах. Я познакомился с Юрием Погорельским. Юра был поэтом-профессионалом. Его любовница служила в партийной газете «Ленинградская правда» и заказывала Юре стихи к праздникам (помните, у Ильфа и Петрова – «Служил Гаврила хлебопеком...»). К примеру, если близилось восьмое марта, Юра писал стишок о трудовых успехах советских женщин. В такой день творения помещались на первой полосе. Советских праздников в календаре хватало, и Юрины опусы появлялись 1 мая, в День Победы, в День Военно-Морского Флота, День милиции... дальше считайте сами. Вот Юра и кормился таким образом. Много за его творчество не

платили, но и тридцатник на дороге не валяется.

Мы с Погорельским взялись написать частушки для популярных эстрадных артистов – Рудакова (он играл на концертино, редкий ныне инструмент) и Нечаева (гитара), но успеха это нам не принесло. Наши куплеты мастера эстрады отвергли. Помню лишь четыре строчки:

Мы гостям открыли двери,
Мы их любим, мы им верим.
Потому-то, оттого-то
Им «Зенит» раскрыл ворота.

Конечно, бездарно. Но и остальные куплеты мастеров были на таком же уровне. Помните куплетиста из «Покровских ворот»? Вот так люди подрабатывали.

Кто-то решил представить Погорельского великой Клавдии Ивановне Шульженко. Приехал Юра в Москву, явился на квартиру к певице точно по договоренности (почему-то в девять утра). Он потом рассказывал мне в деталях, как выглядела ненакрашенная, полуодетая знаменитость в это неурочное время. В ответ на слова сопровождающего: «Вот, Клавдия Ивановна, это молодой поэт, он песни пишет...» – они услышали: «Мне сейчас не песни, мне сейчас мужик нужен!» Я несколько пригладил, потому что вместо «мужика» Шульженко употребила другое слово. И аудиенция была окончена.

Завершая эту историю, Юра сказал: «Мне почему-то так стыдно было... Я оттуда пулей вылетел!»

После неудачных опытов с современным куплетным творчеством познакомился я с автором оперных либретто, Юрием Михельсоном. Он решил создавать либретто по романам советских писателей. Идея представлялась ему социально нужной и исключительно денежной. Требовался соавтор-редактор в одном лице. Я пришел к оперному либреттисту. В полупустой комнате сидели три красивые девушки – две на стульях, одна почему-то на столе. «Познакомьтесь, – сказал будущий коллега по написанию золотых либретто. – Это моя бывшая жена, а это – нынешняя. А на столе – скорее всего, будущая».

Соавтора из меня не вышло, я нашел работу на киностудии, к таинственному миру оперы не приобщился. Юра, однако, преуспел. Его первое оперное либретто было написано по роману Павла Нилина «Жестокость», а потом он накатал целую гору текстов для опер и оперетт, в том числе мюзикл «Орфей и Эвридика». Пошел на самый верх, молодец! Официально стал Димитровым. Я в золотоносную жилу не попал. Средство обогащения, как всегда,

прошло мимо!

Однажды встретил Михельсона на Невском, он шествовал в роскошном, кремового цвета пальто. С девушкой. Это была его третья жена. Творческий процесс, знаете...

Дочь Кубы в Карелии

Когда «наш Никита Сергеевич» завел дружбу с бородатым Фиделем, в СССР стали наезжать кубинцы.

Однажды в Петрозаводск привезли кубинскую гостью. Звали ее Анхела Алонсо, она считалась кубинской национальной героиней. Привезли героиню в крутые карельские морозы! Случай особый – музыкальный театр ставил оперу Константина Листова «Дочь Кубы». Трогательный сюжет о героине революции Анхеле, в нее влюблен бородатый революционер, которого мучают в застенках палачи американского агента диктатора Батисты, и в этой героической борьбе наш революционный герой погибает. Кубинская драма под советскую оперную музыку. Опера была не ахти, прошла в трех-четырех театрах, но какая современная тематика! «Куба – любовь моя!» – пели солисты и хоры всей эсэсэрии.

Принимали дочь кубинской революции с помпой. Она оказалась хорошенькой пухленькой брюнеткой с живыми глазами. Митинг советско-кубинской дружбы в горсовете, ликование с пионерами, красный галстук – как иначе! Выступила у нас на телестудии, уставшая переводчица отбарабанила заученный текст. Есть общая фотография, где мы все в полном восторге приветствуем Анхелу Алонсо.

Из студии Анхелу повезли в театр. Усадили в ложе близко к сцене. Идет опера. То ли ей не рассказали сюжет, то ли она слишком эмоциональной оказалась, но когда по сюжету героя начали бить, она зарыдала в голос на весь зал! Кажется, дирижер вздрогнул и перестал размахивать палочкой. Вот она – сила искусства! Алонсо быстро увели из театра и посадили на московский поезд.

Было это в декабре 1962 года. Мороз, поэтому я в театр не пошел. Передаю, что слышал от приятеля, ассистента режиссера Вити Аврутова. Его, красивого и молодого парня, попросила посидеть рядом с ней в ложе сама Анхела.

Как поется в известной песне – «Хоть поверьте, хоть проверьте...»

Куба – любовь моя

Еще немного о Кубе. Одной из первых делегаций, которая поехала развивать отношения с братскими бородачами, была группа советских деятелей искусства.

В Ленинградском Дворце искусств, вернувшись после поездки, выступал Георгий Александрович Товстоногов. Он делился своими впечатлениями о Кубе и Фиделе Кастро. Делегации пришлось провести под палящим солнцем на митинге советско-кубинской дружбы несколько часов. Фидель выступал без бумажки и вдохновлял кубинцев пламенными лозунгами. Товстоногов, помню, с восхищением сказал: «Вы не представляете, это такой потрясающий актер! Так держать публику речами несколько часов! Большой талант!»

Если вам доведется быть на Кубе, желательно знать некоторые местные обычаи, чтобы не оказаться в затруднительном положении. Допустим, вы сказали кубинцу или кубинке что-то очень теплое, показали личную симпатию, – вы попались. На Кубе это равно признанию в любви.

Вот подлинная история. На Кубу прибыл пароход с группой советских граждан. Переводчица Ольга, которая была на Кубе впервые, переводила нашим речь Кастро на традиционном митинге. Не сдержав эмоций, стоя близко к Фиделю, она сказала с энтузиазмом: «Какой ты замечательный! Я тебя обожаю, Фидель!» Фамильярно, скажете? На Кубе не принято обращаться на «вы», все на «ты», все – братья революции. Лидер революции тут же отреагировал: «Ты мне тоже нравишься! Вместе уйдем после митинга?» Тут Оля поняла свою глупость. Покраснела: «Я не могу... Я переводчица...» – «Ну и что, тут у вас другие есть...» – «Но наш пароход отплывает через час». – «Пароход задержим на сколько хочешь!» – «Но я замужем, Фидель! И муж тоже здесь, с делегацией...» – вовремя придумала Оля. «Это другое дело, – сказал Кастро с искренним сожалением. – Понимаю».

Эту историю рассказала Таня Н., вторая переводчица делегации, приятельница и свидетель на нашей свадьбе.

«Служить народу, а не раздражать его»

Главный режиссер музыкальной редакции ленинградского ТВ Теодор Абрамович Стеркин был ветераном советского телевизионного вещания. Он начинал в старом телецентре, где передачи шли из маленькой студии с двумя телекамерами. Стеркин

был милейшим и образованным человеком, но когда что-то шло не так, начинал сильно заикаться. Впервые в советской телевизионной истории Стеркин вел прямую трансляцию из театра. Разумеется, для исторического события начальство выбрало балет Кировского театра «Лебединое озеро». По странным причинам репетицию спектакля с телекамерами театр не разрешил. Стеркин все обговорил с операторами, наметил все точки съемки, все согласовал по минутам.

Но не все. В одной сцене на заднем плане, как известно, должна пролететь стая лебедей. И тут Теодор Абрамович сообразил, что эту деталь они не обговорили и операторов не предупредили. И сидя в автобусе ПТС (передвижной телестудии), по так называемой тихой связи он закричал в наушники старшему оператору Валерию Чуркину: «Ввв-валера... ссейчас... ллллебеди... шшполетят!» А Чуркин тоже замечательно заикался. Спрашивает: «Где, где шшполетят?» Ответ Стеркина вошел в историю ленинградского телевидения: «Ужжже шшпролетели...»

Мне довелось пару раз быть редактором ленинградского «Голубого огонька». После передачи нам приносили мешки писем. Советские граждане считали своим долгом учить нас, как надо снимать, кого приглашать, как одеваться ведущим «Огонька», как петь актерам, которые бродили между столиками студийного кафе и открывали рот под громко звучащую фонограмму (что выглядело иногда глупо). Письма эти никто не читал, но все записывалось в амбарную книгу. Одно письмо я сохранил. Разгневанный шахтер из Донбасса на двух страницах выразил свое возмущение слишком открытым декольте певицы Эдиты Пьехи. Он переделал хрестоматийную цитату теоретика по искусству тов. Ленина и объяснил нам – дилетантам: «Искусство должно служить народу, а не раздражать его!»

Фразу эту я написал черной краской на большом листе фанеры. Афоризм долго висел в редакции, вызывая всеобщий восторг.

После одного «Огонька» у меня дома собрались участники передачи, и певица, остроумная красавица Маша Пахоменко сказала мужу, композитору Саше Колкеру, уронившему салат на брюки: «Я тебе говорила! Садись есть – снимай штаны!» Эта фраза навечно осталась в моем доме.

«Для нашей Челиты все двери открыты»

Случайно наткнулся на сайт с песнями Клавдии Шульженко. И вдруг слышу – «Челита». Запись 1939 года. Тут особое воспоминание. Нет, это не про Шульженко.

Когда мы всей семьей отправились на теплоходе в путешествие по Карибским островам, еще не плавали по морям и океанам гигантские 12-палубные города на воде. Не было зеленых парков внутри судна-монстра, не было катков, десятка бассейнов и развлечений большого города. Подобные великаны, берущие на борт 5–6 тысяч пассажиров и пару тысяч команды, поплывут только через 20–25 лет. Но и 30 лет назад путешествие на теплоходе – удовольствие. Пароход подобного рода – даже в те годы – казался настолько большим, что требовалось время, чтобы освоить переходы, коридоры, этажи и места развлечений. Главное – запомнить лифт, идущий на твой этаж (пардон, на твою палубу), номер каюты и ваш стол в ресторане.

Так случилось, что наш с Анютой день рождения пришелся на середину круиза. Я спросил менеджера ресторана, в котором нас откармливали, нельзя ли заказать торт для нашей дочки по такому случаю.

– Разумеется, сэр, мы будем счастливы это сделать, – радостно воскликнул менеджер, получив свою десятку.

Ужин. Я посматриваю на менеджера, он кивает – мол, да, я помню. Заканчивается последнее блюдо, раскрываются огромные двери ресторана и входят восемь официантов. Португалец, что нас обслуживал, идет первым и несет большой торт-мороженое. Остальные несут зажженные свечи и поют по-испански милую песенку. Ту самую «Челиту», что когда-то напела Шульженко по-русски. «Для нашей Челиты все двери открыты, она весела и прекрасна...»

Весь ресторан захлопал, оторвавшись от тарелок! Мой заскучавший ребенок при виде такого шествия расцвел, задул расставленные свечи. А уж как растаяли родители! Растроганный папа (сами понимаете!) опустошил значительный запас валюты в карманы приветливых «поздравленцев».

Поначалу мы думали, что «Челита» – испанский аналог американской *“Happy birthday to you!”* Но интернет все знает и нас поправил. Нашлись реальные истоки.

В Википедии «Челита» названа песней народной, хотя на самом деле мексиканец Мендоза-Кортес написал ее в 1882 году. А в Союзе ее исполняли иначе, в другом темпо-ритме и с другими словами, все изменившимися. Подсуетились авторы нашей эстрады. Песню переделали, чтобы советская цензура не придралась. Появился социальный мотив – у бедной девушки «ни денег нет, ни нарядов».

Официально музыку обработал Моисей Феркельман, русский текст настрогал Наум Лабковский, а пение Шульженко записали с джазом Якова Скоморовского.

Молодцы! Мексиканцы вы наши!

«Континент» Иверни

Рассказ этот родился случайно. Начал записывать «Музыкальные истории» – заметки о музыкантах, которых встречал за годы работы на телевидении и в кино. Читаю в Википедии о певице Марии Пахоменко, которую знал, дружил с ее мужем, Сашей Колкером. На сайте Пахоменко неожиданно нахожу неизвестную песню «Принцесса и синяя страна», музыка Колкера, а слова Виолетты Иверни. Песню нашел. Милая, немного похожая на «Маленького принца» Таривердиева, песню шестидесятых. Но больше нигде «Принцессу» не нашел – значит, народу не понравилась. Да и мне песня показалась простенькой, детской. Виолетта Иверни... Это же Вета Хамармер! Это же наша однокурсница!

Для справки: Иван Никитич Толстой. Печатается с 1985 года (около 500 статей и обзоров в русскоязычной периодике Германии, России, США и Франции). Ведет на российском телеканале «Культура» программу «Исторические путешествия Ивана Толстого».

Беседуя с известным музыкантом Андреем Гавриловым, Толстой неожиданно рассказал о Виолетте Хамармер:

«Виолетта Иверни, – под этим именем она известна как поэт. Виолетта Исааковна Иверни, урожденная Хамармер, одно время была женой поэта, сотрудника Радио “Свобода” Василия Бетаки. Она была театроведом по своему образованию, в Париже работала ответственным секретарем журнала “Континент” у Максимова, сотрудничала с Радио “Свобода”, писала рецензии, выступала на театральные темы.»

(Долгие годы сидело во мне неусыпное желание отыскать моих однокашников, студентов нашего театроведческого, с которыми просидел рядом пять лет. Закончили мы институт и разбежались. И как найти вас, ребята, через 60 лет? Кого-то нашел, и теперь могу поболтать с Верочкой Соминой, Тасей Каменир. С актерами – Гелием Сысоевым, Наташей Латышевой, Костей Ковалем – тоже говорим по телефону. А кого-то с нашего курса мы потеряли: Костю Палечека, Валю Галахову, Бориса Довлатова, Наташу Свищеву... Недавно ушла Римма Шантур-Шидловская, художница, с которой еще копали картошку на целине. Только и успели пару раз поболтать... А кого-

то уже и не разыщешь...)

С Виолеттой Хамармер я познакомился на консультациях в Театральном институте, куда оба собирались поступать. Оказалось, просто так экзамены не сдашь, надо прочитать массу специальной литературы. Нам рекомендовали разбиться на пары, чтобы помогать друг другу. Мы с девушкой оказались соседями, и я предложил заниматься у нас дома. Девушка вроде ничего. И еще выяснилось, что наши отцы знакомы.

Вета приходила не очень рано, что меня устраивало, мы читали книги из рекомендованного списка. Классическая литература, театр. Позанимавшись, шли обедать. Моя мама однажды удивилась отполированным Веткиным ногтям и спросила, как она с таким ярким маникюром помогает своей маме. На что Ветка с гордостью сказала: «А я дома ничего не делаю. Мама мои руки бережет!» Похоже, она даже не заметила взгляда моих родителей между собой и в мою сторону. И мой интерес к этой девушке почему-то тоже пропал. Многовато помады, гордится накрашенными ногтями – это середина скромных пятидесятых. Что-то было не так – вроде симпатичная, но шокировала вульгарность. И еще выяснилось, что ей интересен не сам театр, а только окружение – актеры, художники, проще – богема. Судя по воспоминаниям однокурсников, не только мне так казалось. Хотя, если честно, не могу объяснить, почему искусство и богема – неразрывные понятия.

Я поступил на театроведческий в числе семи счастливиц-ленинградцев. Вету приняли кандидатом. Вскоре отчислили двух беременных туркменских девушек и малограмотного киргиза по имени Большевик Козубеков, и ее официально зачислили на курс. Проучились мы рядом пять лет, сдавали экзамены, ездили и в колхоз, и на целину, она была компанейской. Обожала посиделки с легким винцом, пела песни, не обладая слухом. Для всех – просто Ветка, свой парень.

Мы закончили институт. Я уехал в Карелию, где открыли телестудию. Вета с мужем пару раз навестили меня в Петрозаводске, они служили экскурсоводами на теплоходах, плавающих по Онеге и Ладоге. В 1972 году началась эмиграция. Ветка с дочкой Диной и вторым мужем, поэтом Василием Бетаки, уехала во Францию.

В своей книге «Снова Казанова!» Бетаки отмечает такой факт: когда он собрался уезжать, ни одна из его многочисленных пассий (он же Казанова!) ехать с ним не пожелала. Решилась только Вета Хамармер. Понятно почему. Жилось ей бедно, просто нищенски.

Первый муж – безработный актер, алименты не платил. Каково это – просить помощь у родителей-пенсионеров! (Недавно я нашел в интернете книгу Бетаки, где есть фото – Вета с дочкой и Вася на улице Вены, первый день эмиграции. Снимал их Женя Шлюглейт, кинооператор «Леннаучфильма», мой приятель, тоже эмигрант.)

Наши мамы пересекались в ближнем гастрономе. И Веткина мама рассказала детали ее отъезда. В то время советским гражданам приходилось платить за отказ от советского гражданства, да еще требовалось возвращать расходы на образование. Виолетта распродала все вещи, чтобы собрать деньги и откупиться от советской власти. Продала даже дочкины пальтишки. Бетаки от оплаты как-то отбилась. Ветке не удалось. Выплатила.

Бетаки и Виолетта попали во Франции в провинцию. Нуждались. Пришли сердобольные люди из христианской общины и предложили Ветке креститься. Религией она отягощена не была, и соблазнившись обещаниями лучшей жизни, согласилась. Вроде после этого им помогли деньгами, жильем, одеждой. Потом Вета и Вася перебрались в Париж, получили работу в журнале «Континент», детище писателя Владимира Максимова.

Вот что написано в Википедии об этом журнале постсоветской эмиграции:

«Среди постоянных авторов и членов редколлегии “Континента” были четыре лауреата Нобелевской премии. Журнал выходил четыре раза в год. Рабочая редакция состояла из пяти человек: Владимир Максимов, Виктор Некрасов, Наталья Горбаневская, Василий Бетаки, Виолетта Иверни (год 1976)».

Лет через двадцать у Веты в Париже побывала наша однокурсница Наташа Корнблит. Вернувшись в Нью-Йорк, сказала так, будто это ей неприятно: «Да нечего говорить... Ветка как Ветка... все играет в богему. Бутылки, кругом грязно, дочка взрослая, на гитаре бренчит». Как я ни расспрашивал, Наташа продолжать не хотела. Точно так же впоследствии отказалась рассказывать Вера Сомина, тоже повидавшая Вету во Франции.

Но зато какие детали я разыскал о журнале, где Виолетта служила сначала секретарем, а потом заведующей редакцией! Она работала с Натальей Горбаневской, Виктором Некрасовым, встречала Александра Галича, Андрея Тарковского, Ефима Эткинда, Виктора Суворова, Владимира Буковского, получала и первой читала письма Сахарова, Бродского, Ростроповича. Это, знаете, не просто работа, это судьба, и это уже литературная история!

И все-таки найденная о Виолетте информация поведала немного. Зато продолжение рассказа Ивана Толстого («Беседы Ивана Толстого, 2018») о Ветке меня поразила:

«Была она очень отзывчивым человеком, большим общественным деятелем, одним из руководителей Сахаровского Свободного Университета в Германии вместе с Александром Народецким, который, в свою очередь, одно время был директором Украинской службы Радио “Свобода”. Они возглавляли этот институт, где читались лекции на тему русской цивилизации, русской культуры, русской истории, русской политики, и собирали они очень много студентов, людей взрослых. Это не университет первого этапа для молодежи был. В немецкой провинции, в прелестных местах, около прудов, озер, рек и лесов собирались под открытым небом, смотрели фильмы, изучали русский язык все те, кто прикипал к русской культуре и считал, что она есть одна из самых притягательных и очаровательных вещей на земном шаре.

И вот Виолетта Иверни в этом году ушла от нас...»

Знающие люди научили меня открыть сайт *imwerden.de*, что создан энтузиастами в Германии и поддержан любителями русской литературы. А на этом сайте столько книг! Многоводные реки, потоки творчества русскоязычной эмиграции! Оттуда и вышел подробный перечень того, что сделала за годы в «Континенте» наша Виолетта. Номера журнала с ее статьями датированы, приведены их названия. Ее анализы творчества поэтов, прозаиков, рассказы о вышедших книгах в эмиграции и в СССР, обширные, достойно написанные рецензии. Нашлась обложка ее единственной книги: «Виолетта Иверни. Стихи. 1976 год, Париж», с наивными иллюстрациями Дины, ее дочери.

Впервые стихи Виолетты вышли в 11-м номере «Континента», тогда она и взяла псевдоним Иверни. А уже через пару номеров она числилась секретарем редакции. О стихах Иверни я писать не буду, пусть их разберет настоящий специалист. Жаль только, что нет информации о Сахаровском Свободном Университете. Какой мог бы открыться пласт сведений о малоизвестном творчестве известных людей! И о самой Виолетте Иверни-Хамармер.

К примеру, «Континент» № 19 за 1979 год. В этом номере – интервью Владимира Максимова с драматургом Эженом Ионеско; замечательный обзор путешествий по Европе Виктора Некрасова; письмо академика Андрея Сахарова о движении за права человека, предваряющее трагический рассказ политзаключенного из советского лагеря; рассказ Сергея Довлатова; стихи Ивана Елагина;

воспоминания известного историка И. Гессена. И в том же номере – статья Виолетты Иверни «Зеркало памяти» – о потрясающей книге Варлама Шаламова «Колымские рассказы». Словом, Виолетта оказалась в достойной компании.

Ну вот мы и дошли до финальной точки в истории нашей однокурсницы Ветки Хамармер. Все это только доказывает, как важно найти свое место в мире и в жизни. Мне кажется, Виолетта Иверни свое место нашла и свой след в том времени оставила.

Пожалуй, добавить нечего, только очень жаль, – ведь могли мы найти ее раньше! Прожила наша Вета долгую и нелегкую жизнь, занималась делом, нужным сотням людей, а мы ее по-настоящему не знали, не оценили...

Еще раз о Довлатове, или Персональная просьба

Все началось необычно. Вышли у меня в Нью-Йорке довольно неожиданно для меня самого две мемуарные книжечки. Обрадованный автор разослал экземпляры книжечек родным и друзьям. И дочь попросила отправить один экземпляр в Санкт-Петербург ее школьному другу. Наверное, чтобы похвастаться – вот какой у меня папаша-литератор, кого он только не знал! И с Довлатовым больше тридцати лет дружил. И если только он один о Довлатове не написал, так потому, что не знал, интересны ли читателю частные отношения многих лет. Был уверен, что никому, кроме мемуариста, подробности не нужны. А тут вдруг письмо питерского корреспондента:

«Здравствуйте, Саша! Огромное спасибо за ваши две бесподобные книги (опустим комплименты – А.Б.). У меня просьба: ежели Вам несложно, напишите про моего любимого С. Довлатова! Быть может, поделитесь воспоминаниями о встречах с ним, которые не вошли в книгу? Ведь, как я правильно понял, Вы сотрудничали с ним в “Новом Американце”? Наверное, Вы общались и с П. Вайлем, и с А. Генисом? Это мне ужасно интересно!..

На ул. Рубинштейна, прямо против дома Довлатова, есть отличный ирландский паб. Я очень люблю сидеть там, смотреть на окна довлатовского дома...

Сергей Н. (Санкт-Петербург)»

Дорогой Сергей! Вы задали мне трудную задачу. Написать о Довлатове что-то новое, малоизвестное, не так просто. Но я

попробую.

Мы с Довлатовым не были очень близкими друзьями. Но добрые отношения и взаимное уважение сохранились с молодости практически до конца. До конца его жизни. В моих мемуарах несколько событий, связанных с Довлатовым, раскиданы по годам – встречи с Сергеем происходили часто, но записал я только то, что запомнил. Хотя в разговорах с ним запоминалось то, что он рассказывал.

Мы познакомились и перешли на «ты» мгновенно – ему лет семнадцать, я старше на три года, тут формальностей не бывает. Мы встретились, когда я зашел к своему однокурснику Борису Довлатову, с которым пять лет просидел, как говорится, за одной партией, в одной аудитории Театрального института. И жили мы близко друг от друга. Сергей приходил к своему кузену практически ежедневно. Меня поражало, насколько они были похожи. Просто как близнецы! Хотя их мамы – родные сестры – выглядели совсем по-разному (и отчества с годами поменяли: Нора Сергеевна и Маргарита Степановна). И от отцов сыновья разительно отличались.

От улицы Рубинштейна до Владимирского проспекта – три-четыре минуты ходьбы на длинных Сережиных ногах. Борис с женой Кирой жили в одной комнате, брат Киры с женой – в другой. Так что все свои, без родителей.

Меня удивляло пристрастие семейства к спиртному. Борис мог выпить немерено, не отставала от него и Кира. Сергей им подражал. Мне такое постоянное возлияние было не по душе, но когда вы в одной компании, – неудобно отставать. Иногда меня раздражало и необъяснимое поведение Бориса. Он мог пройти по знаменитому Соловьевскому гастроному, что на углу Владимирского и Невского, и спокойно схватить лимоны с витрины; это случалось у меня на глазах. Я был готов сквозь землю провалиться.

Я столько пишу о Борисе, потому что уверен: пристрастие Сергея началось с подражания брату... Но дальше их пути разошлись. Борис после института получил потрясающее место – завлита театра им. Ленинского комсомола (по благу: мама, Маргарита Степановна, была влиятельным редактором «Лениздата», дружила с известными писателями; никогда раньше не было такого, чтобы вчерашний студент стал завлитом). Через год его за постоянное спаивание актеров выгнали из театра.

Я работал в Петрозаводске, ничего этого не знал. Встретились мы через два года. Сергей вернулся из армии. Почему-то встречал его

часто – то в электричке по дороге за город, то в трамвае на Литейном, то в магазине «Старая книга» на углу Невского, однажды встретил в кинотеатре «Титан». А Борис опускался; вместе с группой аэродромных носильщиков его посадили за воровство из багажа финских туристов.

Сергею повезло. Может быть, он был умнее и видел дальше своего неумного кузена. Так случилось, что он попал в круг людей творческих. Тогда, в начале шестидесятых, в Ленинграде складывались творческие группы. Сергей начинал записывать увиденное в армии, ему было важно мнение литераторов, уже заявивших о себе. В той компании были Василий Аксенов, Евгений Рейн, Игорь Ефимов, появлялся Иосиф Бродский. Начал писать рассказы будущий кинорежиссер Илья Авербах. (Я учился на театроведческом факультете вместе с его женой, литовской красавицей Эйбой Норкуте. Подружился с ней потому, что с детских каникул помнил литовский язык. И мы с ней здоровались по-литовски, к удивлению студентов. Как-то летом я даже навестил ее в Вильнюсе.) Илья с женой жили на Моховой, в доме напротив нашего института. Мать Ильи, Ксения Владимировна Куракина, была известной питерской актрисой и преподавала сценическую речь в нашем Театральном.

Иосифа Бродского я видел только однажды, когда он приходил в редакцию «Леннаучфильма» после ссылки. Попросил его подписать договор на сценарий короткометражки, которую ему выбили, и спуститься в бухгалтерию за авансом. Бродский почему-то выглядел недовольным. Фактически нас и не познакомили.

А творческое общение с Довлатовым началось в Америке.

Однажды в «Новом русском слове» («НРС»), где я иногда публиковался, появилась новость: приехал знаменитый диссидент и писатель Сергей Довлатов. Никаким диссидентом Довлатов не был из-за собственного довольно закрытого характера. И писателем он себя отказывался считать. Его рассказы, написанные в Таллинне во время его тамошней службы в партийной газете, его книга, зарубленная партийной цензурой и выпущенная за границей, и последовавшая затем высылка из СССР не придали ему личной писательской и житейской уверенности. К тому же ехать ему было некуда, в Америке пришлось прибиться к жене, с которой до этого он расстался.

Тогда с помощью «НРС» я издал маленькую книжечку юмора и литературных пародий. И меня избрали вице-президентом Клуба

русских писателей. Нью-Йорка. Прихожу в Клуб (заседания проходили в Колумбийском университете), вижу в углу надушенного Довлатова. Думаю – узнает меня или нет? И слышу: «Саха (мое институтское прозвище), а ты что тут делаешь?» – таким тоном, будто мы только вчера виделись. То ли он знал, что я в Америке, то ли просто устал. Мне показалось – второе. Он выступил в Клубе, но я не помню, о чем говорил. Больше мы оба в этот Клуб не ходили.

Через несколько дней я забрал Сергея и Елену к нам. По старой традиции, сидели в нашей кухоньке, выпили много водки – в те годы мы еще могли себе такое позволить. Моя Галя утверждает, что тогда видела депрессию Сергея. Женщины более наблюдательны. А я внимания не обратил. Говорили о тех, кто остался «там». И потом я отвез Довлатовых на улицу, где они жили с дочкой Катей и мамой Сережи Норой Сергеевной. Я бывал у них несколько раз по разным случаям. Теперь это улица имени Сергея Довлатова.

В конце восьмидесятых стал назревать вопрос о новых изданиях. Однажды знакомый таксист даже предложил мне возглавить газету, он хотел вложить деньги в новое дело. Эмиграция ширилась, все читали ежедневное «НРС», думаю, что именно приезд Довлатова вызвал разговоры – нужно что-то действительно новое. Старая газета раздражала, особенно – архаичный русский язык, восхваление борцов против советской власти, среди которых фигурировали парижские друзья Андрея Седых – кадеты, эсеры, Керенский. Там вместо слова «кроссворд» писали «крестословица».

Мы начали общаться, зашел разговор об издании газеты нашей, так называемой третьей эмиграции. Первая была послереволюционной, вторая – послевоенной. Третья волна ширилась. Из СССР стали выпускать совграждан под давлением американского Сената и по закону Джексона-Веника (о еврейской и религиозной эмиграции). Я даже не заметил, когда возник «Новый американец» («НА»), главным редактором которого поначалу стал спортивный журналист Евгений Рубин. Довлатов пришел позже, когда Рубин разругался со всеми, и коллектив редакции от Рубина дружно ушел. Однако после этого зародилась «Новая газета», там-то Рубин надолго стал главным.

Я нашел в своем архиве самый первый экземпляр обновленного «Нового американца» – от 8 февраля 1980 года. Действительно, получилось совершенно новое издание. Парадный номер открывался статьей директора Бориса Меттера, но было ясно: ее

автор – Довлатов, главный редактор. Еженедельник набирал популярность стремительно! Стали давать рекламу, тираж увеличивался с каждой неделей. Быстро появились в штате сотрудники – Александр Батчан, Юлия Тролл, Наталья Шарымова, Алексей Орлов, Александр Генис и Петр Вайль, фотограф Нина Аловерт. Все писали энергично, современным языком, все стали популярными авторами. И в каждом номере на развороте – обширная колонка редактора. Довлатов писал о нас, об Америке, как мы ее видим и какими можем и должны быть в этой стране. Терпимыми, достойными, новыми американцами. Что-то публиковал в «НА» и я.

Довлатов перестал быть мрачным, его статьи читали и обсуждали. Он писал четко, хлестко, необычно. Такого стиля эмигрантская журналистика еще не знала. Честно говоря, мы читали, удивлялись, спорили, учились. Довлатов выступал на «Свободе», и его узнали в России те, кто прежде даже имени его не слышал. Старые литераторы держались возле «НРС». Довлатов в статьях всегда подчеркивал уважение к старшим. Поначалу осторожный, выжидающий Андрей Седых (он же Яков Моисеевич Цвибак) выдерживал нейтралитет, но потом начал совершать глупости. Первым делом уволил Елену Довлатову, лучшего корректора газеты. Перестал печатать рекламу «НА», что в Америке противозаконно (но кто же подаст в суд на старика). В самом «Новом американце» происходили странные события – то случился пожар в редакции, то пропала часть тиража, отправленная по киоскам. Об этом Довлатов напишет позже в горькой и одновременно смешной повести «Невидимая газета».

Еженедельник стал устраивать открытые встречи с читателями, это было внове, приходили сотни эмигрантов! Как-то Довлатов попросил меня посмотреть эстрадное обозрение, поставленное эмигрантскими юмористами, и написать свое мнение («Ты же театровед...»). Обозрение было очень скучным, непрофессиональным, и я написал для «НА» злую статью «Не смешно!». Подписался не своим псевдонимом А. Басков, а девичьей фамилией жены – не хотел обижать одного актера, старого приятеля. А потом я немного сцепился с признанными критиками Вайлем и Генисом. Вышел номер с их статьей, которая меня возмутила. Они считали, что мерилом успеха в русской литературе может быть только успех книги в СССР. А все здешние – законченные бездарности.

Личная обида взыграла: а мы что – лапти из амбара? Я принес Довлатову мою статью под ехидным названием «Следствие ведут знатоки», где протестовал против такой позиции. Что значит – за рубежом нет и не было достойных авторов? Ведь издавались и Бунин, и Куприн, живы были писатели разных волн эмиграции – Алданов, Адамович, Ржевский, поэты Елагин, Коржавин, другие. Освоились в Америке Солженицын и Бродский. Выходили журналы в Европе, в Израиле, где печатались прекрасные рассказы и повести. Статью вместе со мной подписал Саша Заяц, сатирик из Одессы.

Первой реакцией на наш выпад была редакционная статья – Довлатов высек Баскова и Зайца за резкий тон – правда, сделал это не обидно. Тон наших оппонентов был более резким. Довлатов никого не щадил, когда писал еженедельные обзоры. Началась полемика, большинство профессиональных критиков были против нас. Появилось несколько статей, шум стоял несколько недель, но потом все стихло без взаимных обид.

Тогда же я возил Довлатова по его делам. Он попросил научить его вождению. Я отказался: автоматическая трансмиссия предполагает водить машину одной ногой, переставляя ее с газа на тормоз. А я вожу двумя ногами, плохой я учитель.

Однажды звонит Довлатов: «Ты не мог бы помочь Грише Поляку?» Конечно, помогу. Издатель Григорий Поляк был феноменальным знатоком русской книги начала XX века. Он организовал издательство «Серебряный век», фирма одного работника. Этим работником был он сам. У Гриши появилась замечательная идея – печатать в Америке русских писателей, запрещенных или не издаваемых в СССР. Он переиздал давно забытых Константина Вагинова, Александра Чаянова, новый роман жившего в США Василия Аксенова. Переиздал сборник стихов Владислава Ходасевича. Подружившись с Довлатовым, первым издал его повесть «Компромисс».

Гриша не водил машину и плохо знал английский. И я стал ему помогать. Ездили в типографию, писали письма. Самое главное – Поляк издал сборник «Часть речи», посвященный творчеству Иосифа Бродского. Гриша гордился дружбой с Бродским и посвятил сорокалетию поэта целый сборник, который был разослан во многие русскоязычные издания по всему миру. Это было еще до присвоения поэту Нобелевской премии. Не помню, по какому случаю Грише пришло письмо из Англии от сэра Исаяи Берлина, но именно Поляк рассказал мне о месте сэра Берлина в истории российского

литературоведения XX века. От Гриши я узнал, как погиб Довлатов, но об этом не хочу говорить.

А через несколько лет Поляк серьезно заболел. Елена Довлатова возила Гришу на сеансы химиотерапии. Ему было всего 55...

Однажды я услышал – Довлатов восхищался умением Наума Сагаловского писать фельетоны в стихах. Наум жил в Чикаго, но исправно отсылал в «НА» веселые истории, написанные таким раешным стилем. Мне самому манера Сагаловского нравилась. И я сказал Довлатову: «Сережа, я попробую написать фельетон в таком стиле». И принес шуточный «Случай в ресторане». Это был анекдот о Брежневе. Тот восхищался евреем, которому помогают его дети-работяги: «Один шофер, другой чего-то строит». В конце оказывалось, что дети живут в Америке. Шутка пошла в набор, а когда номер вышел, я с удивлением обнаружил, что Довлатов приложил к моему фельетону-анекдоту шарж на Брежнева, похожего на старого моржа. Не уверен, что в эмигрантской литературе кто-то может похвастаться, что к его статье сам Довлатов добавил свое творчество. Шаржи Довлатов рисовал прекрасно – одним росчерком пера.

В начале 1981 года в НРС вышла моя статья «Мой босс – акула капитализма». По чистой случайности это произошло в день инаугурации президента Рейгана. Номер разобрали за час (вовсе не из-за меня, конечно!). Довлатов прочитал, характерно хмыкнул и тогда же напечатал в «НА» мой стишок. И тогда в НРС отказались печатать мою следующую пародию. Дверь «Нового русского слова» для авторов «Нового американца» закрылась навсегда.

Началась открытая война двух изданий. Довлатов предложил мне перейти работать в его журнал. Но я служил в фотолaborатории, остаться без стабильной зарплаты не мог: жена не работает, двое деток. Тем не менее, через пару недель Довлатов позвонил снова и спросил, не хочу ли я стать менеджером еженедельника.

Я растерялся. На работе моя смена была с часу дня до девяти вечера, я закрывал фирму на ключ. Тогда Довлатов поговорил с Меттером, и они предложили мне работать с восьми утра до полудня. Решать текущие проблемы. Конкретных обязанностей у меня не было – ремонт наборной машины, оргвопросы, чистота в редакции. Вроде работа завхоза. Но по секрету Довлатов просил меня проверять документы – куда идут деньги, ведь тираж продавался полностью! А деньги где? Прошло недель пять. Но когда я заикнулся о проверке документации, Боря Меттер, несмотря на давнее

знакомство и добрые отношения, мгновенно все понял. И тут оказалось, что 75 долларов в неделю для меня нет. И я из «НА» ушел.

Елена Довлатова напомнила мне, что во время своего недолгого менеджерства я уволил даму-разгильдяйку, которая не только плохо работала, но еще и сломала наборную машину. А я этого не помню! Не могу представить, чтобы я кого-то уволил. У меня вроде и прав таких не было. Но Лена помнит все прекрасно, и она описала мне эпизод в деталях.

Финансово газета вскоре прогорела. Народ рыдал, литераторы разбежались. Все займы и долги «Нового американца» суд повесил на Довлатова и Меттера. Но Борис Меттер подал в суд встречное заявление, и часть долга ему скостили. Какие-то суммы он все же выплатил. Но все остальное повисло на Сергее. Это висело на нем до самой смерти. Долг был больше 40 тысяч, его оплатил Иосиф Бродский, когда получил свою Нобелевскую премию. Об этом я узнал от Елены годы спустя.

А теперь немного того, что зовут ложкой дегтя в бочке меда. В книге Игоря Ефимова, которая называется довольно длинно, но понятно: «Сергей Довлатов. Эпистолярный роман с Игорем Ефимовым». Это многолетняя переписка двух писателей. В ней Ефимов приводит полностью многие письма Довлатова. К примеру, Сергей рассказывает о том, как плохо издают книги в Нью-Йорке. О том, что владелец НРС Вайнберг издает книги и постоянно их калечит: «До этого испортил дважды книгу некоего Баскова. Он же Бредов. Работал в научпопе»; конец цитаты – это обо мне.

Тут я удивился. Довлатов – он что, не знал, о ком пишет? Мы знакомы лет тридцать, возможно, вчера виделись. И сочетание – некто Басков, он же Бредов. Может, я ошибаюсь, но для меня звучит насмешкой. Будто сообщает о малоизвестном человеке. Очень давно я служил на «Леннаучфильме», была у студии кличка «научпоп» – что тут особенного? Почему – испортил дважды? Никто мою скромную книжку «Извините за внимание» не портил, никогда и никому я не жаловался. И сам Довлатов однажды эту книжку тепло упомянул в своей статье. Кстати, тем, кто мою книжечку сорок лет назад бесплатно набирал, я благодарен безмерно. То был мой первый опыт, никакого понимания, как книгу собрать, что надо знать, по каким правилам издавать, у меня не было. Друзья в «Новом русском слове» сделали что могли. И вот так Довлатов частенько с легкостью поминал персонажей своих писем, не заботясь о том, где правда, а где фантазия. Ладно, в данном случае это частная переписка писателя с

писателем. И все-таки... Несимпатично – о коллегах, о друзьях, о помогавших соседях, и «ради красного словца про родимого отца»... Была в довлатовских письмах какая-то неуважительность, что ли. И о себе самом – зачем он так себя выставлял? Такой бедненький, потерянный, неоцененный... Будто хочет, чтобы издатель Ефимов, а заодно читатели, пожалели неприкаянного... И все-таки это личная переписка, не для публикации. Хорошо ли выставлять частные письма для всеобщего прочтения? Вот почему семья Довлатова добилась по суду запрета на продажу книги Игоря Ефимова о Сергее Довлатове.

Лет двенадцать назад, перед своим печальным концом, «Новое русское слово» заполнило воскресную полосу моими мемуарами. Все, что я написал, напечатали. Только главку о Довлатове выбросили. Столько лет прошло, давно умер Андрей Седых, а странная обида на Сергея Довлатова в редакции НРС еще тлела. Живучая советская ментальность. И в том номере с моими воспоминаниями я случайно увидел крохотное объявление: встреча бывших читателей «Нового американца» с Еленой Довлатовой, которая расскажет, как работал самый интересный русскоязычный еженедельник Америки. Пришли человек сорок – значит, помнили «НА»! Я там тоже выступил, прочитал главу о Довлатове, которую выбросили в НРС. Оказалось, я единственный из бывших сотрудников «Нового американца», кто пришел на эту встречу.

Вместо заключения

На заре моей американской молодости, в период увлечения юмором, по случаю выхода моей книжечки «Извините за внимание» меня и юмориста Александра Зайца пригласили выступить в Нью-Джерси в музее неофициального русского искусства, созданном коллекционером Александром Глезером (какое, однако, редкое имя – Александр!). Мы приехали, но организаторы не явились, дверь закрыта на ключ. Выступление «известных юмористов», как нас объявили в газете, не состоялось...

Припомнил этот случай, чтобы показать, как меняются в эмиграции приоритеты. На встречу с нами пришло несколько человек. И среди них – пожилой мужчина, лицо которого показалось мне знакомым. Где-то я его видел...

- Возможно, – говорит, – меня зовут Донат Мечик.
- Конечно! Я вас знаю! Вы папа Сережи Довлатова!

Помню, как грустно улыбнулся Мечик:

- Видите, как изменилась ситуация. В Ленинграде Сережа Довлатов был сыном режиссера Пушкинского театра Доната Мечика. А здесь я всего-навсего папа Сергея Довлатова.

Нора Сергеевна и Донат Исаакович намного пережили своего единственного сына, писателя Сергея Довлатова...

Слава Бродский – выпускник

Московского университета (математического отделения мехмата). Автор многочисленных работ в области прикладной математической статистики. С 1991 года живет в Соединенных Штатах. Свою трудовую деятельность в Америке начал в небольшой компьютерной фирме штата Нью-Джерси, выполняющей заказы компаний Уолл-стрита. Через два года перешел в *Chase Manhattan Bank*. С тех пор работал в крупнейших финансовых компаниях Манхэттена. В 2004 году была опубликована его первая повесть «Бредовый суп». Затем вышли и другие его книги. Он работает также в

различных стилевых направлениях изобразительного искусства. Значительная часть таких работ относится к керамике, над которой он трудится в керамической мастерской своего дома в Миллбурне (Нью-Джерси). Его вебсайт – www.slavabrodsky.com.

Продолжаю публикацию отрывков из моей книги коротких рассказов «С первого взгляда» (Manhattan Academia, 2019). В сборник этого года я включил рассказы ее последней (третьей) части.

С первого взгляда

Банальная история

Он был в отказе. С работы его выгнали уже давно. И он с другими отказниками, которые не хотели уезжать на шабашку и подолгу жить вне города, сколотил бригаду. Они делали все, что подворачивалось под руку. Чинили телевизоры, холодильники. Шили одежду. Переделывали радиоприемники на коротковолновые. Наматывали трансформаторы для домашних кварцевых ламп. Продавали на улице арбузы. А могли и просто копать ямы или разгружать что-то в магазине.

Он познакомился с ней случайно в электричке. Они ехали около получаса в одном направлении. Разговорились. Обменялись телефонами. Она ему понравилась. Он ей – тоже. Но тогда он не захотел рассказывать о себе подробно незнакомому человеку. Поэтому сказал только, что заканчивал «Менделавочку», а потом работал в Карповском институте, занимался там химической кинетикой, работал над диссертацией. Что было чистой правдой.

Они стали встречаться. И он уже готов был рассказать ей о своей ситуации. Но тут узнал что-то о ее родителях. И ему стало ясно, что

они это знакомство не одобряют. Поэтому решил какое-то время обождать с объяснениями.

А она уже считала, что между ними все решено. Говорила, что любит его ужасно. И благодарит судьбу за то, что свела их в электричке.

Она все хотела познакомить его со своими родителями. Но он под разными предлогами откладывал это. А однажды посоветовал ей сначала хоть что-то рассказать им про него.

- А моя мама уже обо всем догадалась, - ответила она, - хотя видела тебя только один раз мельком.

- Как это - догадалась?

- А у меня волосы потемнели.

- Волосы потемнели? Это что - такой закон природы?

- А ты не знал? У тебя же волосы темные.

Он действительно не знал о таком законе природы и вовсе не был уверен, что то, что она ему поведала, имело какой-то смысл. Да и думал в это время совсем о другом. Они были знакомы уже около двух месяцев. Пора ему было бы рассказать ей все о себе. Но, по-видимому, он не ожидал от такого разговора ничего хорошего, поэтому все время откладывал его до следующего раза.

Однажды они были в гостях у ее друзей. Там собралась довольно большая компания. Как оказалось, там были люди, знакомые с его друзьями. Они, конечно же, слышали о нем и были в курсе его передвижений. И он уже решил, что прямо там должен ей все рассказать. Но потом подумал, что все-таки лучше рассказать ей обо всем не под нажимом сложившихся обстоятельств. Решил подождать хотя бы еще один день и надеялся, что за это время она сама ни о чем не узнает.

Но все вышло по-другому. На следующий день утром она не позвонила ему, как обычно. А когда позвонил он, она не подняла трубку. Он позвонил вечером. Тот же результат. На следующий день он опять позвонил ей. Она подняла трубку. Сухо поздоровалась.

- Ты обиделась на меня? - спросил он.

- Обиделась - не то слово, - ответила она.

- Это все потому, что я не нашел времени рассказать тебе о себе?

Он сбивчиво и торопливо пытался объяснить ей, почему не

сделал этого сразу. Почему откладывал это со дня на день. Говорил, что хотел вот прямо вчера рассказать ей обо всем.

– А если бы ты мне признался во всем, что бы изменилось? – спросила она.

Он не знал, что ответить, и переваривал это слово «признался».

– И вообще, – добавила она, – мои родители уже все знают. Знаешь, что сказал мой отец?

Он промолчал.

– Сказал, что убить тебя – было бы мало.

Он тихо повесил трубку.

Магнат

Было что-то особенное в путешествиях на поезде во времена без мобильных телефонов. Эти короткие часы, когда пассажир отрезан от всего на свете, я просто обожал. Поезд идет, постукивают колеса. И теперь можно собраться с мыслями и обдумать то, на что раньше не было времени. Можно спокойно вспомнить то, что произошло недавно или, наоборот, давным-давно. А можно просто сидеть, смотреть в окно вагона на мелькающие одна за другой картинки и не думать ни о чем.

Моим соседом по купе был грузный молодой мужчина, который оказался моим единственным попутчиком. Когда я вошел в купе, он уже завалился на верхнюю полку. Только поздоровался со мной и сразу заснул. Поспал, потом проснулся и спустился вниз. А когда я разложил на столике бутерброды и предложил разделить их с ним, он охотно согласился, достал из своего кожаного портфеля бутылку водки и две маленькие пластмассовые рюмки – это был его вклад в нашу трапезу.

Он сказал мне, что живет в Ташкенте. Но вот собрался навестить брата в Николаеве. А до этого провел три дня в Москве. Мы выпили по первой рюмке. И как только у нас в разговоре проскочила случайно какая-то женская тема, он стал жаловаться на свою жену. Говорил, что ему всегда, даже с самого начала, казалось, что она что-то скрывает от него.

Он хорошо говорил по-русски, но какой-то легкий акцент все равно чувствовался.

– Понимаешь, все было не так. Ведь я из-за нее свою первую жену бросил. А там у меня двое детей... Хотел с ней быть. Говорил ей,

чтобы она за меня выходила.

- Ну, а она что? – спросил я.

- Долго не хотела за меня замуж идти. Потом пошла, но не хотела мою фамилию взять. Я спрашивал, почему. А она говорила – не хочу, много бумаг менять надо. Она фамилию не поменяла, и ее друзья даже не знали, что за меня замуж пошла.

- Так это не так и важно. Правда?

- Нет, ты не понимаешь. То одно не так, то другое не так. Говорил, давай пойдем куда-нибудь, покушаем сегодня. Она говорила – не могу, голова болит. А вечером уходила. Говорила – дочка просила. Ее дочка.

- Ну а ты не звонил дочке? Не проверял?

- Не мог я ее дочке звонить. Мы с ней плохо дружили.

Мы выпили еще по рюмке. Потом еще по одной. Наш вагон приятно покачивало. Бутерброды у меня были большие, и мы не спеша с ними расправлялись.

- Иногда я приходил домой, когда она с кем-то разговаривала. А если я входил к ней, сразу замолкала. У меня нехорошее чувство было при этом.

- Может, это была ее подруга. У них такой разговор мог быть, что при тебе не хотела его продолжать. Подруги ведь о чем только не говорят.

- Да, конечно, могло так быть... Понимаешь, один раз она собиралась пойти куда-то. Говорила, по делам. Мне это не совсем понравилось. Говорил – давай тебя провожу. Но она не хотела, чтобы я ее проводил. Говорила – зачем провожать? А я сказал, что мне тоже туда надо ехать. А мне туда не надо было ехать. Тогда она сказала, что я должен ехать один, раз мне надо.

Поезд остановился на какой-то маленькой станции. Пока он стоял, мы молчали. Потом поезд пошел опять.

- А я ведь был магнат. Большой магнат.

- Магнат?

- Да, у меня весь Ташкент вот здесь был.

И он сжал свою руку в кулак.

- Большое дело было. Большой серпентарий был.

- Серпентарий? Ты разводил змей?

- Да. Ты знаешь, сколько много денег стоит яд?

- Значит, ты много зарабатывал?

- Конечно, много. А на эти деньги другие большие дела крутил. Очень большие дела тогда крутил. Говорю тебе, я был большой магнат. Не то что сейчас.

Мы опять помолчали немного.

- Каких же змей ты разводил?

- Всяких. Но больше всего - гюрзу. Чтобы получать яд, лучше разводить гюрзу.

Я спросил, кусали ли его когда-нибудь змеи. И он ответил, что если много лет разводишь змей, то когда-нибудь обязательно сделаешь ошибку. А это может плохо кончиться.

- Понимаешь, гюрза не предупреждает, когда атакует.

Он приподнял штанину, и я увидел его толстенную ногу, совершенно обезображенную, в шрамах и местами посиневшую.

- Видишь? Когда она меня ударила, у меня под руками был только нож. И я сразу отрезал большой кусок. Только так можно было.

- А сыворотки у тебя не было, что ли?

- Антигюрза? Была, была, конечно. Но тогда не близко была.

Он решил разлить то, что осталось в бутылке, но я сказал, что мне достаточно, и он с удовольствием допил все сам.

Мы долго молчали.

- Смотри, со змеями ты справился, а с женой - нет.

- Они хуже змей, - сказал он.

- Ну и что? - спросил я. - Ты все-таки выяснил, скрывает она от тебя что-то или нет?

- Нет, не выяснил.

- Может быть, тебе надо поговорить с ней? Может быть, тебе все это только кажется?

- Не могу поговорить. Ее уже нет.

- Она умерла?

- Нет! У меня с ней все пошло не так, и я велел ей уйти. Сказал, что у нас как-то все не получается. Тогда она ушла. А когда она ушла, я ее не обидел. Она ушла - а я рад. Сейчас еду к брату. Сказал мне,

что будем рыбу ловить. Познакомит с хорошей женщиной. Помогу ему там крутиться.

Мы еще посидели немного. А потом он опять залез на вторую полку. Кажется, сразу заснул. И когда я выходил на своей станции, он еще спал.

Грустные провода

Я познакомился с Кириллом давно. Оба мы были тогда в шестом классе. Его отец учился в школе вместе с моим дядей. И вот на каком-то дне рождения, где нам случилось быть всем вместе, они нас и познакомили. Потом мы заканчивали школу. Часто сидели у Кирилла дома и думали, что будем делать дальше. В Московском университете нас вроде бы никто не ждал, и Кирилл стал говорить, что придется нам, наверное, поступать в Рыбный институт.

Я до сих пор не знаю, был ли такой институт в Москве. Не думаю, что и Кирилл знал это. Но у Кирилла это стало такой навязчивой шуткой, что ли, – говорить про Рыбный. Ну и я тоже стал так говорить. И когда меня кто-то спрашивал, куда я собираюсь поступать, я с совершенно серьезным лицом говорил, что хочу попробовать в Рыбный.

В Рыбном нас все-таки не дождалось. Мы решили поступать в Московский институт стали и сплавов. Там открылась кафедра инженерной кибернетики. На приемных экзаменах там никто никого не заваливал. Ну и все еврейские мальчики и девочки со способностями к точным наукам туда потянулись. А для нас, мальчиков, самое главное заключалось в том, что там была военная кафедра. Это означало, что в армии нам служить не придется.

Там я познакомился со школьным товарищем Кирилла, о котором раньше только слышал. Кирилл жил с ним в одном дворе с самого раннего детства. Потом они сидели в школе за одной партой почти все десять лет. Обоим на выпускных экзаменах поставили по четверке за сочинение и по английскому языку, так что даже серебряной медали им не досталось.

И так мы все институтские годы дружили втроем.

На третьем курсе школьный товарищ Кирилла познакомился с девушкой со второго курса. Ее звали Софой. Они стали встречаться.

Софа была очень эффектна. И Кирилл считал, что его школьному товарищу повезло. Я так не считал. Потому что с самого начала она казалась мне довольно глуповатой. Никто этих моих убеждений не разделял. Да, по правде говоря, на такие темы у нас особых дискуссий никогда и не было.

Как это ни казалось мне странным, училась Софа довольно успешно. И даже по математике, где, как я считал, она не блистала, получала одни пятерки. Как-то она сказала нам с Кириллом:

- Главное в жизни - состояться.

- Как это? - спросил Кирилл.

- Это значит - стать кем-то. Ну, делать что-то выдающееся.

Я спросил ее, хочет ли она состояться. А если хочет, то как именно. Софа посмотрела на меня с изумлением и сказала, что, конечно же, имела в виду в первую очередь себя. И что она собирается стать выдающимся математиком. Вроде Софьи Ковалевской. На что я ей заметил, что она слишком много о себе думает. И что даже Колмогоров в ее возрасте никогда не говорил, что собирается стать выдающимся математиком вроде Софьи Ковалевской. Эта моя шутка очень понравилась всем нашим.

Почти все в нашей компании играли тогда в настольный теннис. Однажды и Софа присоединилась к нам, и мы провели за столами пару часов. После чего она сказала, что игра ей понравилась и она, возможно, станет этим заниматься серьезно.

- Что значит - серьезно? - спросил я.

И она сказала, что играть в теннис просто так она не собирается. Будет заниматься теннисом только для того, чтобы попасть на первенство Союза и потом играть на мировых чемпионатах.

По окончании института Софа и школьный товарищ Кирилла поженились. Софа нашла для себя хорошую работу, где имела довольно свободное расписание. Ходила на математические семинары в университет. Написала одну неплохую статью совместно с нашим общим знакомым. Но потом она, по слухам, несколько сникла. Наш общий знакомый, ее соавтор, выпустил еще несколько хороших работ. Но уже один. А у Софы где-то что-то забуксовало.

Мы с Кириллом после института стали работать в совершенно разных областях. Он пару раз менял работу. Потом надумал уезжать

из страны. Когда начальство на его последней работе обо всем узнало, у них закрутилась вся эта обычная история. И вскоре Кирилл выгнали оттуда. Он долгое время был в отказе. И вот в какой-то момент он позвонил мне, сказал, что летит в Вену, и позвал на провода.

На проводах Кирилл было и весело, и грустно. Все время приходили новые и новые люди. Народ расспрашивал Кирилла о его планах. Там, конечно, был его школьный товарищ с Софой. Она не отходила от Кирилла и все время о чем-то его расспрашивала. А на следующий день Кирилл пересказывал все мне.

- Смотри, не превратись там в овощ, - сказала ему Софа.

- Как это? - спросил Кирилл.

- Ну, найдешь там приличную работу, будешь хорошо зарабатывать, купишь дом, родишь детей, будешь учить их музыке, заниматься с ними спортом, играть в теннис, кататься на горных лыжах. Будешь ходить по музеям, на бродвейские спектакли, слушать музыку в Карнеги-холле, ездить в отпуск на Багамы...

- А разве это не называется - жить полноценной жизнью?

- Нет, так живут овощи. А ты должен состояться, - сказала Кириллу Софа.

Пока я раздумывал над словами Софы, Кирилл добавил, что когда, наконец, почти все уже ушли и они на минуту остались одни, она кинулась к нему со слезами и сказала:

- Прощай, мой хороший! Я не забуду тебя никогда!

- Значит, получается, что у нее к тебе были какие-то чувства? - спросил я Кирилла.

- Выходит, так.

- Более того, у нее определенно есть ощущение, что и ты тайно в нее влюблен. Очень в ее духе! Ну и что же ты ей на это ответил?

- А что я мог ответить?

- Я не знаю.

- Сказал, что тоже не забуду ее никогда.

- Молодец!

- Но это же ничего такого не означало?

Я пожал плечами.

С первого взгляда

Мы сидели в купе скорого поезда со зловещим названием «Красная стрела». Было раннее утро. Поезд подъезжал к Москве. И все уже готовы были выходить и бежать по своим делам. Но что-то произошло на самых близких подступах к вокзалу. Поезд притормозил и стал продвигаться медленно, с частыми остановками.

Два молодых парня из нашего купе слезли со своих верхних полок и, перебивая друг друга, рассказывали что-то про своих жен. Один из них вдруг ни с того ни с сего сказал, что женился он по расчету. И думает, что такие браки самые прочные. А во всякие истории типа любви с первого взгляда не верит. При этом он посмотрел на меня, как бы ожидая, что я присоединюсь к их разговору. А после того, как я никаким образом на это не откликнулся, он спросил меня о чем-то. Я ответил односложно. И они опять стали болтать друг с другом.

Среди нас была молодая женщина. Еще с вечера она, как мне показалось, была погружена в свои мысли. По этой причине или по какой-то другой, она не принимала участия в разговорах, которые обычны в поездах среди случайных попутчиков. Утром она тоже думала о чем-то своем и то и дело посматривала на часы.

– А вы верите в любовь с первого взгляда? – спросил я ее только потому, что болтовня этих ребят с верхних полок начала меня понемногу утомлять, и я просто хотел втянуть ее в общий разговор.

– Конечно, верю, – сказала она. – Мы с моим мужем влюбились друг в друга с первого взгляда.

Она замолчала, а я опять спросил ее о чем-то. Она ответила. Не знаю почему, но я почувствовал определенную симпатию к ней. И решил, что, по третьему закону Ньютона, и от меня к ней пошли какие-то невидимые лучи. И что следующие мои вопросы она не сочтет назойливыми. Видно, я оказался прав в своих предположениях. Она охотно отвечала мне. А потом, уже без всяких моих вопросов, стала тихо рассказывать свою историю. Рассказывала она ее вроде бы мне одному. Но как только она начала говорить, парни наши сразу замолчали и так до самого конца не издали ни единого звука.

Они познакомились на первом курсе института. Сразу понравились друг другу и стали встречаться. Так продолжалось два года. У него в институте не было военной кафедры, и все их

мальчики, у которых было все в порядке со здоровьем, загремели в армию.

Она ждала его, пока он служил. А когда он вернулся, роман их продолжился. Через полгода она вышла за него замуж. Она уже работала. Он учился и работал. Зарабатывали оба мало. А им приходилось снимать квартиру. Снимали они ее у знакомых его начальника по работе. Сдавать квартиру было не очень-то безопасным делом. Поэтому те, кто ее сдавал, в первую очередь предпочитали иметь надежных жильцов. Его начальник за них поручился, и квартплата была сравнительно невысокой. Но все равно на это уходили почти все их деньги. И поначалу жизнь их была нелегкой.

У ее отца был старенький «Запорожец». Отец уже был не в состоянии его поддерживать сам. Поэтому ее мужу пришлось взять на себя все заботы по уходу за машиной. Часто в их «Запорожце» что-то ломалось. А купить запасные детали было практически невозможно. Добывались они с большим трудом. Иногда ему приходилось чинить машины тех, кто имел доступ к таким деталям. Пару раз он договаривался со своими знакомыми, и они вытаскивали необходимые детали у себя на заводе. И несмотря на то, что он был довольно рукастый, это все равно требовало массу времени.

Зато пользовались «Запорожцем» в основном только они, и тогда жизнь их становилась более разнообразной. Квартиру они снимали на Щелковской. Летом ездили на «Опытное поле». Играли там в теннис, купались в пруду. Осенью – туда же, за грибами. Зимой, тоже по Щелковскому шоссе, уезжали кататься на лыжах. Проходили километров десять, делали остановку, съедали по яблоку и несколько кусочков сахара и шли еще десять километров обратно.

Потом он закончил институт, нашел очень хорошую работу и стал зарабатывать совсем неплохие деньги. И они уже планировали завести ребенка.

В этом месте рассказа она остановилась и спросила меня:

– Скучная история. Правда?

История и вправду была скучноватая. Но что-то заставляло меня все-таки слушать ее рассказ, и я спросил:

– А кто ваш муж по специальности?

– Он был наладчиком какой-то сложной аппаратуры.

– Почему «был»?

Она ответила не сразу.

- «Был», потому что действительно был.

- Что случилось?

- В прошлом году, уже в конце зимы, в субботу рано утром, он сказал мне, что поедет к приятелю в гараж. Чинить наш «Запорожец». Целый день его не было. Вечером я начала уже волноваться. Ближе к полуночи подняла тревогу.

- Что же случилось? - спросил я опять.

- Он был в гараже с моей близкой подругой. Они включили в машине печку. Заснули, отравились угарным газом и уже не проснулись.

В купе повисло тягостное молчание.

- Я не стала его хоронить, - сказала она.

В Гурзуфе

Я плыл на катере от Ялты до Алушты. Там, в Алуште, меня ждала вся наша компания. Там уже была и моя жена. Со своей дочкой и моим сыном.

Мы проплывали Гурзуф. Я смотрел на воду за бортом нашей лодки. На чаек, которые кружили над нами. На красивую береговую линию. На прибрежные скалы. И мне вспоминалось одно далекое жаркое лето в Гурзуфе.

* * *

Она была на десять лет моложе меня. Я уже был однажды женат, а она никогда не была замужем. Когда она сказала, что ждет ребенка, я был резко против. У меня уже были две дочки от первого брака. И я стал ей что-то долго объяснять. Говорил, что ужасно люблю ее. Что у меня никогда еще не было такой счастливой жизни. Но ребенок сейчас для меня совершенно невыносим. А она говорила, что все мои доводы не имеют никакого значения. И что счастливая жизнь без ребенка невозможна.

Несколько дней она пыталась как-то повлиять на меня. Но потом, по всей видимости, решила, что переубедить меня она не сможет, и сказала, что сделает так, как я хочу. И тут, совсем неожиданно для себя самого, я сказал, что она может оставить ребенка.

У нее были очень большие проблемы со здоровьем. Но роды прошли нормально. У нас родился мальчик.

Жизнь наша была трудной. Но мы были счастливы друг с другом. Иногда ссорились. Но всегда ненадолго. Потому что она не могла терпеть наших размолвок.

Как-то мы решили поехать в отпуск на три недели на Южный берег Крыма, в Гурзуф.

Сняли комнатку в какой-то лачуге. Считали, что близко от моря. К нему надо было спускаться по узкой тропинке около пятнадцати минут. Рано выходить к морю у нас не получалось. Поэтому даже эти пятнадцать минут приходилось идти под солнцем. Спускаться утром к морю было легко. А вот подниматься наверх в середине дня было намного труднее. И мы иногда отходили в сторону от тропинки и отдыхали в тени под деревьями.

Деревья эти, как я однажды понял, оказались оливковыми. Небольшие зеленые ягоды, которые росли на них, были оливки. Я вспомнил, что зимой мне как-то попались в магазине крупные черные маслины. Они были изумительны. И я все гадал, каким образом можно превратить те маленькие зеленые оливки, которые росли на дереве, в большие черные маслины. Сначала я подумал, что они еще не поспели. Но кто-то из местных сказал мне, что когда они поспеют и станут черными, то будут годиться только на масло. И что их нужно срывать зелеными. А темными они станут в процессе обработки.

Я собрал эти оливки, положил в небольшую баночку и залил уксусом. Потом пробовал их через день. И разочаровывался все больше и больше. Уже ближе к концу нашего пребывания в Гурзуфе я все это выбросил.

Быт наш там налачился почти сразу. С ребенком было трудно стоять в очереди в столовую полтора, а порой и два часа. Поэтому мы решили брать обед домой в судках. А на второй день наша хозяйка, увидев у нас судки, предложила сама приносить их, если мы будем платить за обеды прямо ей. И пообещала, что порции наши будут больше обычных.

Мы, конечно, согласились. И это упростило все кардинальным образом. На завтрак мы ели фрукты, которые покупали у хозяйки. А на ужин – тоже фрукты, овощи, остатки обеда и иногда рыбу, которую я приносил с моря.

За зиму я смастерил ружье для подводной охоты. Для начала у

меня был только гарпун. Но кто-то надоумил меня использовать вакуумные шланги в качестве пружины. Все остальное я сделал по своему разумению. И вот моя давнишняя мечта сбылась. Я плавал с маской и ластами. Охотился под водой. Приносил с моря добычу.

Пружина моего ружья оказалась довольно слабой. Поэтому подстрелить лобанов было очень сложно. Они не подпускали меня близко. А вот с бычками все было проще. Когда они сидели на дне, то можно было стрелять в них чуть ли не в упор.

Лето выдалось жаркое. Сыну было еще только четыре года. И то ли из-за того, что мы были недостаточно свободны, то ли из-за непривычной обстановки, то ли из-за того, что рядом не было никого из друзей, то ли из-за этой, порой изнуряющей жары мы стали все время ссориться.

Я раздражался необычайно. Вскакивал. Говорил, что терпеть это больше нет никаких сил. Выбегал из дома на улицу. Она принимала это вполне серьезно и бросалась за мной. Уговаривала остаться. Конечно, поостыв немного, я бы и сам вернулся. Ведь я не очень-то соображал, для чего убегал на улицу. Но я уже, видно, привык к тому, что она регулировала все наши ссоры и всегда первая искала пути к примирению.

Однажды, когда я посчитал, что она была абсолютно не права, я разозлился не на шутку. И мне даже показалось, что она испугалась, не перейду ли я какую-то опасную черту в нашем споре. Я увидел, как у нее округлились глаза. А я в сердцах сказал ей что-то резкое, и это обидело ее ужасно.

Но самые последние дни в Гурзуфе прошли мирно. Потом мы вернулись домой. И были счастливы по-прежнему.

А потом ее не стало.

* * *

Наш катер уже обогнул Аю-Даг. И постепенно гора эта стала исчезать из вида. А я мысленно все возвращался к тем нашим дням на Южном берегу Крыма.

У нас было много хороших лет. Но теперь я чаще всего возвращаюсь мысленно к нашему отпуску в Гурзуфе. Когда я остаюсь один, мне иногда становится очень тяжело. И я думаю, почему нам не было хорошо там, в то жаркое лето. А когда я вспоминаю те резкие слова, которые сказал ей тогда, ощущаю какие-то спазмы в груди. И мне становится очень и очень муторно.

А иногда в такие минуты мне хочется вспомнить что-то приятное из нашей жизни там, в Гурзуфе. И я перебираю в памяти какие-то смешные эпизоды.

Как-то я набрал несколько больших рапанов с морского дна. Они были очень красивые. Надо было только удалить оттуда моллюсков. И сначала мы пытались просто выковырять их маленькой вилкой. Но у нас ничего из этого не вышло. На следующий день кто-то сказал нам, что рапанов надо просто бросить в кипящую воду. Тогда моллюсков можно будет легко достать из раковины. А сами моллюски потом можно съесть. И мы, конечно, попробовали это сделать.

Моллюсков мы вытащили. Но поднялась жуткая вонь, и нам пришлось полдня проветривать помещение. И мы ужасно боялись, что наша хозяйка узнает, что мы такое там натворили.

Еще я вспоминаю, как за несколько дней до отъезда у нас возникла проблема с деньгами. Получалось даже, что нам могло не хватить денег, чтобы добраться до поезда в Симферополе. Тогда она придумала собирать и сдавать пустые бутылки.

Я сначала посмеялся над ней. Говорил, что не представляю себе, как это два научных работника, которые совсем недавно сдавали свои статьи в «Доклады Академии наук», будут теперь собирать по помойкам пустые бутылки. Но она сказала, что не видит в этом ничего ужасного. И мы решили попробовать.

Уложив сына спать, мы собирали пустые бутылки по округе, лазили по помойным бакам. За эти бутылки мы довольно быстро выручили даже больше денег, чем стоили наши билеты до Симферополя. И она сказала, что вот, мол, видишь, это оказалось гораздо более выгодным делом, чем писать в «Доклады» статьи, за которые нам никто не собирается заплатить ни копейки.

Конечно же, потом я опять вспоминаю те резкие слова, которые тогда вырвались у меня. И ничего с этим поделать не могу. Абсолютно ничего не могу с этим поделать.

В такие минуты мне кажется, что она тоже где-то там вспоминает все, что было у нас. И, наверное, вспоминает про бутылки тоже. И, наверное, тоже думает, почему нам не было хорошо в то жаркое лето. И смотрит на меня откуда-то оттуда, с высоты, молча. И жалеет меня.

«Акт ненападения»

В школе Кириллу говорили, что она ему не пара. Да она поначалу и не очень-то ему нравилась. Но что-то в ней его, по-

видимому, все-таки привлекало. Он время от времени задибался к ней. Посмеивался над ее неудачными выступлениями у классной доски. Вышучивал ее говор. Смеялся над ее неправильными ударениями. А иногда просто громко называл ее имя, а когда она оборачивалась, говорил, что ошибся, что хотел поговорить с другой девочкой.

Она была из простой семьи. Жили они в самом неблагополучном районе. И речь у нее была, говоря наукообразным языком, с оттенком стилистической сниженности.

Когда они учились еще в восьмом классе, одна из мамаш пришла в школу к их классной руководительнице, которая была у них учительницей русского языка и литературы. Мамаша жаловалась, что ее дочка приносит из школы какие-то странные словечки: давеча, каковский, досюда. Классная руководительница начала было говорить ей про литературные нормы, просторечие и про Ушакова. Но мамаша перебила ее и сказала, что она не в восторге от слова «завсегда» и ей не очень-то нравится, когда слово «молодежь» произносится с ударением на первом слоге. В итоге учительница пообещала ей обратить на это самое серьезное внимание.

В конце концов, где-то уже к десятому классу, все постепенно уладилось. Девчонки, конечно, нахватились у нее всяких сомнительных словечек. Но она стала понимать, как ей надо говорить, чтобы не вызывать улыбку хотя бы у Кирилла. И в этом отношении была уже почти такой же, как и все другие девочки класса.

Поначалу ей ужасно не нравились насмешки Кирилла. А потом она к ним привыкла и даже стала ожидать их. И ей, в общем-то, стало нравиться, что Кирилл обращал на нее так много внимания. А потом они начали встречаться.

В те далекие времена слово «встречаться» имело совсем не тот смысл, что сейчас. Они могли поговорить друг с другом, если случайно оказались вдвоем на улице. Могли при этом идти вместе какое-то время. Но заранее не договаривались о встрече. Она не знала его телефона. А он не знал ее. И даже не знал, есть ли вообще у ее родителей телефон.

Из школы после уроков они выходили всей гурьбой. Но Кириллу было с ней по дороге дальше, чем всем остальным. Поэтому постепенно все отсеивались, а они оставались одни. Часто он

пропускал поворот в свой переулок. И получалось так, что он вроде бы провожал ее до дома.

Наступал Новый год. Последний школьный Новый год. Они решили, что будут встречать его все вместе. Она поначалу тоже согласилась встречать Новый год с классом. Но потом все расстроилось. Многих ребят не отпустили родители. Они не могли себе представить, как это семнадцатилетний мальчик или девочка проведет новогоднюю ночь не вместе с ними. Ее родители тоже были против такой встречи. И она сказала Кириллу, что будет встречать Новый год вместе с родителями у их друзей. Кирилл был очень расстроен. Он дал ей свой телефон, и они договорились, что она позвонит ему в самом начале нового года.

На Новый год Кирилл остался дома. Настроение у него было ужасное. И вот новый год наступил. Родители поздравили его. Он поздравил родителей. Они сели смотреть новогоднюю телевизионную передачу. Там кто-то шутил – и все смеялись. Потом кто-то пел – и все аплодировали. Потом начали исполнять какие-то сатирические куплеты, без которых не обходился ни один концерт:

Заклучим на преньях
Акт ненападения,
Чтоб про наши тренья
Главк не мог узнать.

«О чем это все?» – думал Кирилл. А телевизор продолжал греметь:

Вы мне – тише едешь,
Я вам – дальше будешь,
Вы мне – мягко стелешь,
Я вам – мягко спать.

Тут раздался звонок. Кирилл бросился к телефону. Звонила она. К его большому удивлению, голос у нее был радостный, возбужденный. Она поздравила его с Новым годом. Произнесла пару банальных фраз. А потом сказала, что у них там так здорово, так весело.

Кирилл совсем не ожидал такого поворота в их разговоре. Он помрачнел. Отвечал односложно. И скоро попрощался с ней.

В первый в новом году их день в школе он не подошел к ней. И вообще ни с кем не разговаривал. Сидел за партой мрачный. А на переменках ждал, что она подойдет к нему и спросит, что случилось.

Но она не подошла. И их роман на этом тихо закончился.

Они встретились через пятнадцать лет. Она окликнула его на улице. Он не сразу узнал ее. Был поражен тем, как она располнела. Стал спрашивать, что и как у нее. Хотя от своих ребят уже все знал о ней. Она стала спрашивать его. А он с удивлением отметил про себя, что говорила она опять так, как в восьмом классе. Они поболтали немного и разошлись. А он потом думал, выглядела ли бы она сейчас так же, если бы они не расстались тогда.

* * *

Тогда, давно, когда еще они учились в десятом классе, они как-то шли после уроков вместе. Они были только вдвоем. И ему очень захотелось дотронуться до ее руки. Нет, не взять за руку, не положить свою руку на ее. Он просто хотел как бы нечаянно дотронуться до ее руки. Но когда он так сделал и его рука коснулась ее руки, она тут же свою руку убрала.

Он попытался коснуться ее руки еще раз. Но она опять убрала свою руку. Тогда он понял, что она догадывается о том, что он хочет сделать. И он сказал ей, что у него замерзла рука и он хочет ее согреть.

Когда он уже решил бросить все свои такие попытки, она вдруг неожиданно сама взяла его руку в свою. Он ужасно удивился этому. Смотрел на нее влюбленными глазами. А она сказала, что раз у него замерзла рука, она решила ее согреть. И что она боится, чтобы он не простудился.

Они шли так, держась за руки, и он не знал, что все это значит. И захотел остановиться. У него были какие-то смутные намерения. Но она разгадала его маневр и сказала строго:

– Кирилл! Мы идем!

Но потом, когда они почти подошли к ее дому, она сама остановилась. Сказала ему, что хочет поправить воротничок его рубашки, что иначе он может помяться и его маме придется его разглаживать. И когда он посмотрел на нее, он увидел ее глаза, которые светились бесконечной любовью к нему.

Она стала поправлять его воротничок. При этом получилось, что они вроде бы обнялись. Правда, настоящего объятия не было. Но поправляя ему воротничок, она на пару секунд задержалась. Он тоже как бы обнял ее в ответ. Но не двумя руками. На это он, конечно, никогда бы не решился. Он только дотронулся одной рукой до ее

локтя. Они постояли так несколько секунд. А потом она что-то сказала ему на прощанье и побежала домой. И он тоже побежал домой.

Поздно вечером, ошалевший от счастья, он лежал в своей кровати и думал, что теперь всю жизнь будет только вот так, только хорошо. Он будет всегда встречать взгляд влюбленных глаз. И они всю жизнь будут вместе.

Скоро он поступит в университет. Закончит его, конечно, блестяще. Найдет хорошую работу. Защитит диссертацию.

У них будет двое детей: сын и дочь. Они будут очень талантливы. А у него самого будет интересная бесконечная жизнь.

Родители его будут всегда где-то рядом. И он будет часто к ним приходить. У них, конечно, будет обязательно включен телевизор. И они, конечно, будут немножко надоедать ему своими нравами. Но они все время будут следить за его успехами и гордиться им.

Он лежал в кровати и никак не мог заснуть.

Это был тогда самый счастливый день в его жизни.

Дочь генерала

- Мы с тобой поженимся, - сказала она ему.

- Конечно, - сказал он.

- Мы с тобой скоро поженимся.

- Когда?

- Скоро.

Тут он совершенно неожиданно даже для себя стал ей говорить о том, что собирается в следующем году подавать документы на выезд. Хочет уехать в Америку. Навсегда. Спросил, поедет ли она с ним. Она, видно, никак не ожидала такого поворота в разговоре. Засмеялась.

- Почему ты смеешься?

- Я не ожидала, что ты скажешь мне такое.

- Так ты поедешь со мной?

- Ну... нет. Наверное, нет.

- Зачем же нам тогда с тобой жениться.

– А вот ты зря так бросаешься мной. Я ведь намного моложе тебя. И когда ты со мной, ну... когда мы вместе, это, говорят, омолаживает кровь. Твою кровь. Учти это!

Он знал, что ее отец – генерал КГБ. Когда ее зачислили в его лабораторию, все это знали. Да и я ему об этом говорил.

А когда он рассказал мне об их разговоре про Америку, я стал его ругать.

– Ты представляешь себе, что у нас тут начнется, если она кому-нибудь скажет о вашем разговоре?

– Она никому ничего не скажет, – ответил он.

Еще он стал мне говорить, что ему надоело уже посылать всех на овощные базы, в дружину милиции, на субботники и демонстрации, надоело проводить политические информации и участвовать в социалистическом соревновании, и вообще все надоело. И об этом он тоже ей сообщил. И еще, оказывается, он сказал ей, что власть советскую с ее партийными вождями и гэбистами всех мастей он ненавидит всеми фибрами своей души.

– Прямо так и сказал? – спросил я его.

– Прямо так и сказал. У нас было много времени, и мы говорили обо всем на свете.

– Где же это у вас было много времени?

– На прошлой неделе, когда мы были в командировке в Питере. У моего приятеля есть дача в Бернгардовке, и мы провели там почти всю неделю вдвоем.

– Вот как! О чем же еще вы там говорили? Я надеюсь, ты не рассказывал ей ничего про выборы?

– Про какие выборы?

– Ну, как ты на выборах вычеркивал из бюллетеней для голосования всех кандидатов.

– А! Ну почему же? Я ей рассказал об этом тоже.

– Боже! Ты с ума сошел! Ты просто сошел с ума. Ты проявляешь сверхосторожность на выборах, не заходишь в кабину, приклеиваешь грифель от карандаша лейкопластырем к пальцу. А потом рассказываешь это человеку...

– Что значит – «человеку»? – перебил он меня. И тут я понял, что здесь мне хорошо было бы и остановиться.

– Что же она тебе ответила на это твое признание? – спросил я его.

- Она сказала, что понятия не имела обо всем этом. И что я оказался совсем другим человеком. Не тем, кого она себе представляла.

- Ты подумал, что здесь начнется, если она кому-нибудь расскажет об этом? - опять спросил я его.

- Никому она ничего не расскажет.

- Ты уверен?

- Да.

- А я вот не уверен.

- Потому что ты плохо знаешь русских женщин.

Это последнее его замечание очень удивило меня. Почему он решил, что я плохо знаю русских женщин? Почему он думает, что знает их хорошо или, по крайней мере, лучше меня? И вообще - это его высказывание показалось мне несколько глуповатым.

Все это случилось в Черногловке, в Институте физики твердого тела. Это было обычное советское место. Только там не было всяких дурацких названий улиц. Они назывались просто: Первая улица, Вторая улица, улица академика такого-то или другого академика. Оба мы, я и мой приятель, пришли туда по одной и той же причине. С нашими еврейскими фамилиями устроиться заведующим лабораторией в Москве в академическом институте было практически невозможно. Вдобавок, и он, и я были беспартийными. Ну а в Черногловке этот вариант иногда проходил. К тому же там легче было решить жилищную проблему. Вот мы там и работали. Порой было немного скучновато. Зато в сентябре там было полным-полно грибов. Поэтому осенью к нам часто приезжали друзья из Москвы. А в другое время мы наведывались в Москву к друзьям. Так что жить там можно было вполне.

Мой друг и дочь генерала расстались. Но расставание у них закончилось довольно мирно. А мне даже показалось, что она стала относиться к нему теплее, чем раньше. Но, по-видимому, поняла, что связать с ним свою судьбу не сможет.

В итоге мой друг оказался прав. Она, судя по всему, никому не сказала ни о каких их разговорах.

Как-то, уже после того как они окончательно расстались, у него в лаборатории было намечено обсуждение чего-то очень важного. Вернее, того, что казалось нам важным тогда. И он меня туда позвал. Часа, наверное, через два, уже в самом конце, он высказывал свои заключительные соображения.

Тут я увидел ее. Она смотрела на него не отрываясь. А когда он закончил говорить и все уже стали подниматься со своих мест, она все смотрела на него. В ее взгляде было нечто такое, что я сильно позавидовал моему другу. И я поймал себя на мысли, что мне бы хотелось, чтобы какая-нибудь женщина когда-нибудь вот так же смотрела на меня.

Она перехватила мой взгляд. Немного смутилась и показала мне язык. Потом быстро собрала свои вещи и пошла к дверям.

Вика

Летом, сразу после окончания сессии, решили пойти в недельный поход узкой мужской компанией. Но с нами захотела пойти сестра одного из наших, Кирилла. Решили взять ее тоже. А она привела с собой своего однокурсника, Дениса, и подругу с курса на год младше, которая, в свою очередь, привела еще и свою подружку, Вику.

Это не совсем входило в наши планы, но отказать было уже неудобно, и все с этим смирились.

Денис появился на условленном месте около Белорусского вокзала с гитарой. Не уверен, что это обрадовало всех, поскольку рюкзак у него был существенно меньше, чем у любого из нас. Но он клялся, что взял с собой все, что ему было поручено.

В первый же вечер у костра Денис достал свою гитару и начал что-то брэнчать. Потом потихоньку нащупал, в какую сторону простираются наши музыкальные предпочтения, и стал рассказывать нам много интересного о западных джазовых исполнителях. От него мы впервые узнали, что означает слово "*Satchmo*". Удивились, когда Денис сказал, что *Louis Prima* – белый. С интересом выслушали забавную историю о том, почему и как *Tony Williams* добавил "*Ah-ah*" к знаменитой песне "*Only you*". А Денис продолжал брэнчать на гитаре и весь вечер пел известные и неизвестные нам песни. И, конечно же, очаровал нас всех.

А в конце первого вечера, когда наши девушки покинули нас на

короткое время, он рассказал очень смешной анекдот. Оказалось, что никто из нас этого анекдота не знал. В тот момент я немного заволновался, не последуют ли за этим и другие анекдоты, чего я ужасно не любил. Да и вообще в нашей компании не было принято рассказывать старые анекдоты. Но Денис больше никаких анекдотов рассказывать не стал, хотя и понял, наверное, что анекдот его нам очень понравился. И эти два обстоятельства еще более расположили нас к нему.

Никто уже не жалел, что народу у нас стало больше, чем мы планировали с самого начала. Наверное потому, что компания наша оказалась довольно однородной. Кроме, быть может, Вики. Она определенно чем-то отличалась от всех нас. Как-то выпадала из нашего круга. Но чем она отличалась, я бы затруднился сформулировать. Я обсудил это с Кириллом, и он тоже сказал, что она явно не такая, как мы все. Но в чем это выражается, он тоже сказать не смог.

Вика с самого начала показалась мне очень симпатичной. Потом, когда она немножко расслабилась, стала казаться мне просто очаровательной. А она, поняв, что понравилась всем, вела себя очень свободно. Может быть, даже слишком свободно. И, как я потом понял, возможно, этим и отличалась от нас. Однако, по всей видимости, это никого особенно не раздражало. По крайней мере – первое время.

Однажды, когда мы все лежали на берегу речки на солнышке, она легла рядом с Кириллом на травку и положила ему голову на живот. Поначалу он лежал молча. А потом спросил:

- Тебе хорошо, Вика?

- Да, хорошо, – ответила она.

- Ну хоть тебе хорошо, – сказал Кирилл.

И мне, и всем нашим эта шутка Кирилла очень понравилась. Потом, уже когда мы вернулись из этого похода, мы все очень часто, к месту и не совсем к месту, повторяли за Кириллом: «Ну хоть тебе хорошо...»

Я все гадал, кто же начнет ухаживать за Викторией серьезно. Вернее, гадал, кому она отдаст предпочтение. Спросил у Кирилла, что он думает по этому поводу. Кирилл был очень удивлен моему вопросу. Он почему-то считал, что у меня с Викторией что-то намечается. Но когда я разуверил его в этом, призадумался.

Следующие два дня Кирилл стал вести с Викторией какие-то

сверхумные разговоры, к которым она, как оказалось, была совершенно не готова. И Кирилл пожаловался мне на это, объявив, что с ней трудно о чем-либо говорить и что теперь он окончательно убедился в том, что она «не наш человек». А Вика мне сказала, что Кирилл у костра кажется абсолютно нормальным. А когда с ним начинаешь разговаривать, он ведет себя очень странно.

Денис поначалу явно симпатизировал Вике. Я видел, как он пару раз увязывался с ней куда-то, куда она хотела было пойти одна. Но потом он вдруг охладел к ней и был, пожалуй, единственным из нас, кто относился к ней неприязненно. Мне это казалось странным.

Однажды, когда мы остались вдвоем, я спросил его, почему он так суров к Вике.

- Динамистка, - процедил он сквозь зубы.

- Что? - не понял я.

- Она динамистка.

- Что это значит?

- Я видел таких много раз. Они сводят кого-то с ума, но не подпускают близко. Крутят динамо. Я таких просто ненавижу.

Знаменитость

За обедом он сказал жене, что его приглашают выступить с докладом на конференции в Москве. И что он рассматривает это предложение.

- Ты же говорил, что не поедешь туда никогда, - сказала она.

- Понимаешь, они меня зовут как очень большую знаменитость, оплачивают мне все расходы: дорогу, гостиницу. И вообще, там все - хорошие ребята. Они меня знают еще по Первому медицинскому и очень меня уважают.

- Пару лет назад они тоже обещали тебе оплатить все расходы. Но ты же не поехал.

- Пару лет назад они просили меня прислать им копии моих дипломов, и я их послал ко всем чертям.

- Послал ко всем чертям всех своих хороших ребят?

- Да.

- А сейчас они не просят прислать дипломы?

- Нет, сейчас не просят.

- Они, наверное, нашли то, что отобрали у тебя, когда ты уезжал.

- Они тут ни при чем, ты это прекрасно знаешь.

- Ну скажи мне, зачем тебе это? Ты уже походил и гоголем, и королем на всех своих конференциях по всему миру. Зачем тебе лететь в Москву?

Но он сказал ей, что все-таки хочет поехать. Что никогда со времени отъезда не был в Москве. Сказал, что хочет посмотреть на свою старую школу. Показал ей фотографии, которые ему недавно прислал его одноклассник. Вот здесь раньше ходили трамваи. Здесь мама переводила его через трамвайные пути по дороге в школу. А вот здесь на углу – и сама его школа. Только раньше она ему казалась большой и красивой, с широкими рядами ступенек на входе. А на фотографии она выглядела маленькой и невзрачной. И ступеньки на входе едва были видны. А вот здесь, где сейчас стоит громадный дом, был пустырь. А там дальше, за поворотом, была их районная поликлиника. Мама водила его туда на обследования. Там у него брали анализ крови. Прокалывали палец каким-то страшным дыроколом, и он при этом всегда падал в обморок.

Он сказал жене, что хочет пообщаться со своими друзьями, с одноклассниками, с теми, с кем вместе учился, с кем работал. Вспомнить былые дни. Хочет зайти к ним домой, посмотреть, как они живут. Поспрашивать, как им работается.

- Рассказать о себе, – вставила его жена.

- Перестань, – сказал он. – Хочу побывать в музеях.

- Когда ты последний раз был в музее? – спросила жена.

- Недавно. Ты же знаешь.

- Конечно, потому что тебе надо было сводить туда твоего гостя.

- Какая разница?

И еще он сказал жене, что хочет посмотреть, как и что изменилось в Москве. Стал звать ее с собой. Но она отказалась наотрез. И он полетел в Москву один.

Он прилетел за день до начала конференции. Его встретили, отвезли в гостиницу, дали немного отдохнуть, а потом усадили в машину и привезли в Пушкинский музей. Через час он сказал, что устал, и попросил отвезти его обратно в гостиницу. Но его все-таки уговорили поехать еще и в Третьяковку. Там он сразу выпил крепкого кофе, взбодрился и с удовольствием еще час, наверное,

бродил по залам.

На следующий день началась конференция. Он выступил с обширным пленарным докладом. Его назначили главой одной из секций. Он вел все ее заседания. Много выступал в дискуссиях за круглым столом по вечерам. И вообще – был гвоздем всей программы.

Вокруг него всегда собиралась куча народу. Он вел себя скромно. Но все равно, рассказывая о себе, производил на всех большое впечатление.

Он жаловался, какая у него беспокойная жизнь. Говорил, что работает в основном в Манхэттене. Но жена его не хочет жить постоянно в городе. Поэтому они купили дом в Нью-Джерси. А в Манхэттене ему приходится держать квартиру – у него не хватает сил ездить каждый день после работы домой. И все же он очень устает, поскольку ему приходится мотаться по всей стране. Он называл университеты и госпитали, с которыми был связан по работе. Показывал фотографии коллекции монет в его доме в Чикаго. Это был его первый дом в Америке. Там, где он получил свою первую постоянную работу – в *Northwestern Memorial Hospital*. И где до сих пор еще сохранил рабочие контакты.

Все хотели с ним поговорить. Все относились к нему с громадным почтением. И все хотели рассказать ему, каких успехов они добились в жизни.

Он надеялся повидаться с теми, с кем вместе учился. Но встретил там мало кого из них. И, как постепенно узнавал об этом, – по одной и той же печальной причине.

А вечерами ему устраивали домашние приемы. Он соскучился по русской кухне. И с громадным удовольствием ел соленые, вяленые и сушеные рыбки, копченую осетрину и севрюгу совершенно забытого им вкуса, блинчики с икоркой, мясные закуски – корейку, буженину, ветчину. Пробовал все эти необыкновенные соленья, мочения и квашения, многочисленные вкуснейшие салаты, грибочки, холодец со злым хреном, копченые колбасы с тем самым вкусом и запахом, которые он когда-то так любил. Не обходил вниманием и выпечку – кулебяки, расстегаи, небольшие пирожки, которые таяли во рту. Пил водку, закусывая ее солеными и малосольными огурчиками и селедкой с зеленым лучком. После всего этого еще находил в себе силы попробовать разные тушеные,

вареные, томленные и печеные блюда. А в один из дней попал даже на жареного поросенка с гречневой кашей.

По окончании конференции был устроен шикарный банкет. В сущности, в его честь. Он сфотографировался там со всеми своими хорошими ребятами. Вечером он позвонил жене. Сказал, что был у мамы на кладбище. Рассказал, где еще ему удалось побывать. А потом послал ей банкетные фотографии и долго объяснял, кто есть кто. Вот этот, которому он когда-то писал диссертацию, сейчас – директор крупного института. Этот, который пришел в Первый медицинский за год до его отъезда, – чуть ли не министр, вхож к президенту. И вообще, все они сейчас очень большие шишки.

Поговорив с женой, он лег в кровать и еще долго разглядывал фотографии. Потом отложил компьютер и попытался заснуть. Но заснуть сразу не смог, потому что все прикидывал, что еще ему надо сделать завтра, в его последний день в Москве.

Проснулся он рано. Заказал завтрак в номер. Тщательно побрился. Вызвал такси.

Он вроде бы помнил, что на кладбище продаются цветы, но не хотел рисковать. Поэтому попросил таксиста заехать в цветочный магазин. Купил большой букет белых роз.

Уже внутри кладбища он сделал несколько поспешных и, по всей видимости, ошибочных поворотов. Понял, что заблудился. Но он хотел найти колумбарий сам, ни у кого не спрашивая. Вернулся к памятнику Высоцкому и попытался сосредоточиться. Снова пошел вперед, но уже медленнее. Понял, где он сделал неправильный поворот. И вскоре уже входил в колумбарий.

На листочке бумаги, который он достал из кармана, было написано: «секция 47, ряд 3, ниша 39». Он нашел секцию, ряд и нишу. Подошел к мраморной доске. На ней был выгравирован женский профиль. Ее профиль. А ниже – две даты. Он тупо и долго смотрел на доску и, казалось, потерял счет времени. Потом стал соображать, как можно было бы положить там розы, которые он принес.

Постоял еще немного. Вспомнил, как выбирал фотографию для гравировки мраморной доски. Его память хранила все, что было с этим связано. Даже самые незначительные моменты.

Он вспомнил что-то еще. А потом еще и еще. И в который уже раз отметил мысленно, что время – этот лучший в мире лекарь – до

сих пор не может вылечить его.

У него стала кружиться голова, в глазах поплыли яркие спирали. Он понял, что у него подскочило давление, и решил немного успокоиться. Сел рядом на скамейку. Обхватил голову руками и какое-то время сидел неподвижно. Но потом его плечи затряслись. И он, уже совершенно ничего не видя и не слыша вокруг, зашелся в рыданиях и стал то ли проклинать кого-то, то ли ругать самого себя, то ли просить у кого-то прощения.

Майкл Голдшварц - родился в Минске. Окончил энергетический факультет Белорусского политехнического института. В 1989 году эмигрировал в США. Живет в Нью-Джерси, работает инженером-электриком. В Советском Союзе увлекался организацией джазовых концертов и водным туризмом. В начале 80-х опубликовал несколько статей о джазе в белорусской прессе. Его первое произведение «Не говори, что ты идешь в последний путь» было издано отдельной книгой в Киеве (издательство «Каяла») и в Нью-Йорке (издательство "Liberty").

*... В угол, на предмет**

*Я карандаш с бумагой взял,
Нарисовал дорогу,
На ней быка нарисовал,
А рядом с ним корову.*

.....

*Я сделал розовым быка,
Оранжевой – дорогу,
Потом над ними облака
Подрисовал немного.*

.....

*Еще я дождик удлинил –
Он сразу в сад ворвался,
Но не хватило мне чернил,
И карандаш сломался.*

*И я поставил стул на стол,
Залез как можно выше
И там рисунок приколот,
Хотя он плохо вышел.*

Сергей Михалков. Рисунок

Так, о чем это я? Да, вспомнил.

Музыка Саше нравится спокойная, сосредоточенная. Алик называет ее *Elevator Music*, говорит, что это стоит слушать только в бане. В ответ на издевательства Саша напряг интеллект и ввел в ассортимент сначала Майлса Дэйвиса, потом индийские раги.

Сейчас, конечно, такой роскоши не будет, но это не беда, французы не подведут: Поль Мориа, Джо Дассен, нетленный Адамо. *Tombe la neige*, ты не пришла ко мне. Не нужно отчаиваться, вечер еще

---

* Публикуемый текст задуман как продолжение книги «Не говори, что ты идешь в последний путь».

не кончился, уже расчищают место для танцев. Выключат свет и будут ходить обнявшись или трястись под ритм. А что остается делать? Если поют "*Shake!*", нужно трястись. В старые времена танцевать учили в школе, теперь учат петь. Никто ведь не пытается играть на музыкальном инструменте, если не умеет, даже самые наглые не отважатся. Помните, как Гамлет просил сексота поиграть на флейте? А нынче все выскакивают в круг, и начинается представление. На женщин, естественно, смотреть приятно. А почему, если без пошлости? Потому, что хоть немного, но учились, вернее, готовились. Каждая перед зеркалом вдумчиво подбирала движения, улыбки, взгляды. Что-то отвергалось, что-то принималось на вооружение, как косметика. И в результате – красота. А противоположный пол? Все, что может продемонстрировать, это степень опьянения.

В общем, слушать приятно, но поучаствовать желания нет, и чтобы не остаться в одиночестве, надо сесть на диван и немного подождать. Придет человек и сядет рядом. Они ничего не будут делать, немного поговорят, коснутся плечами.

Любой живущий считает себя центром Вселенной, это понятно и спокойно. Ну а если Вселенных больше чем одна, например две, и ты об этом знаешь? По-прежнему будем искать центр? Или вообразим что-либо с двумя центрами, как у эллипса? А может, растворимся?

Придумал! Сперва уйдем от центра. Закройте глаза. Почему я дурак? Ну, хорошо, сначала прочтите главу, потом закрывайте. Это похоже на аутотренинг. Но сначала обернитесь и осмотрите всё, что находится у вас за спиной. Так. Смейте веки, вспомните, представьте то, что увидели позади себя на уровне головы. Вообразите, что у вас есть глаза на затылке. Знаете, сколько глаз у стрекозы? Пять. Так вот, начните мысленно «разглядывать» то, что вам сохранила память. Сосредоточьтесь на небольшой области размером примерно с подушку. Воззритесь на нее умственно, «увидьте» детали. Не получается? Попробуйте еще раз медленно. По-прежнему не выходит? Сейчас выйдем: возьмите в руки какую-либо вещь, поставьте (положите) перед собой и внимательно рассмотрите. Любой неодушевленный предмет, который можно взять и унести. Неважно, дорогой он или дешевый. Как и что выбрать, подсказывать не могу и не буду. Сами, пожалуйста. Главное, главнейшее: не изучайте его долго. Минуты четыре, не больше, засекайте по часам, не то научу вас на свою голову. Самодельный Заир

никогда не получится таким же чистым, как найденный, но хлопот с ним тоже не оберешься. Теперь сосредоточьтесь, отвернитесь, отойдите метров на пять и мысленно продолжайте осмотр, затем повернитесь и уже с помощью глаз уточните детали, а заодно обозрите всё, что находится в пространстве на полметра вокруг. Снова отвернитесь и мысленно разглядите увиденное, добейтесь того, чтобы картина состояла из ясно видимого центра размером с подушку (далась мне эта подушка) и размытой периферии.

Сейчас вам понадобится немного самоуверенности. Тем, кто считает, что таковой не имеет, рекомендую вызвать в памяти образ человека, у которого она, по их мнению, в избытке (если нет среди знакомых, то сгодится любой политик-начальник из телевизора), и пусть этот вызванный произнесет что-нибудь вслух: слово или фразу покороче. Скопируйте сказанное вместе с интонацией несколько раз и почувствуйте, как у вас добавилось (только не передразнивайте, а то ничего не выйдет). Если кто-то прежде страдал от недостатка, презентую рецепт, пользуйтесь. Граждане, которые думают, что им хорошо и без этого, пусть не волнуются: эффект исчезает через час, и привыкание не возникает, если не упражняться. А сейчас опять повернулись, но на этот раз мысленно. Именно так. Сделали? Вот. «Взирайте без колебания умственным взором на то, чего нет перед вами, как на то, что есть». Древние греки – элейская школа – словами не бросались. Дальше, надеюсь, понятно. Еще нет? Тогда продолжаю.

В течение двух-трех недель или месяцев поразвлекайтесь достигнутым. Сами не заметите, как увеличится мысленно обозримое пространство за спиной. Но самое интересное, что детали предметов, на которые, казалось бы, смотрел невнимательно, можно теперь не спеша изучать отвернувшись. Кстати, обратите внимание и не забудьте про следующее: объекты и пространство вокруг них должны быть по возможности неподвижны. Статика.

Теперь подготовьтесь к тому, что будет не легко. Задача в следующем: уже научившись мысленно оборачиваться, попытайтесь так же мысленно отступить в сторону от того места, где вы находитесь, и увидите себя, как в голливудском кинофильме, когда полупрозрачная душа покидает еще теплое тело героя. Сразу это вряд ли получится, но нам спешить некуда.

Итак, повернулись и отступили на шаг при полной неподвижности тела. И еще: не давайте воли фантазии, если не получается увидеть, не придумывайте ничего, не творите, только воспринимайте. Для тех, кто до сих пор не сумел добиться и по-

прежнему спрашивает, как это – мысленно повернуться и отступить на шаг, отвечаю: никак. Больше не пытайтесь, нет крыльев – займитесь каратэ.

Остальным поясню еще немного: вы уже умеете мысленно повернуться, так вот, в процессе поворота сместитесь от своего личного центра в сторону по ходу вращения. Хорошо, если вы не чужды бальным танцам или гимнастике – должно помочь. Это будет большой шаг во всех смыслах. Во-первых, вы сразу окажетесь... Вас как бы вынесет наружу. Во-вторых, этот первый взгляд на себя самого со стороны – перо, как говорится, бессильно. Хотя почему бессильно?! Подойдите на досуге к трельяжу и полюбуйте на свое не прямое отражение с краю, а лучше – станьте между двумя большими зеркалами, что напротив друг друга, там и насмотритесь. Прекрасно. Не придется в дальнейшем удивляться виду собственного затылка. Знаю, что телекамера даст куда больше возможностей, но мне это не мило. Зеркала, образы – вот где эстетика и здоровый снобизм, а камеры с мониторами – один шпионаж.

Дальнейшие перемещения больших усилий не потребуют: пожелайте, и исполнится, как во сне, если не переждать на ночь. Про возвращение назад мы еще поговорим. Попробуйте, по-моему, интересно. Верить не обязательно, даже лучше, если будет легкий скепсис.

Пришло время сказать о том, почему такой замечательный метод никому не известен. Тема грустная. Дело в том, что он был известен многим и с давних пор. Просто я, кажется, первый, кто выразился письменно. Кстати, если кто-то встречал в литературе нечто похожее, не считите за труд уведомить, приоритета не алчу и ссылку сделаю охотно. Одна лишь просьба: пособия по медитации с выходом в астрал не предлагать. Так вот, идея не распространялась никак. Никто не размножал брошюры, не передавал из уст в уста. Люди додумывались независимо. Да, по отдельности. Простота и доступность метода способствовали. Некто одинокий и сообразительный имел все шансы при условии, что он ограничен в передвижениях. Обитатели тюрем, детских домов и больниц – главные кандидаты на успех. Большинство из них желало покинуть место своего нахождения, зачастую с большой силой. Одиночество там тоже не дефицитно. Ну, и как тяжело было додуматься? Я же сумел (шучу).

И все-таки как получилось, что нет воспоминаний и цветистых историй? Где свидетели и сказители? Почему ничего не приходит на

память, кроме привидений и переселения душ? Потому, что плохо вспоминаете. Был Цинцинат, не исторический, а наш, цинцинатный. Как, по-вашему: он сидел, сидел, а потом вскочил и побежал из тюрьмы сквозь стены? Конечно нет. Почему же тогда не сделал описание? Была бы пара пустяков для его автора. Вопрос справедливый. Отвечу я, больше некому. Дело вот в чем: научившись смещать точку обзора, люди стремятся поскорее удалиться от места своего, часто подневольного, пребывания. Не делайте этого! Потеря ориентировки в пространстве и времени будет расплатой беглецу за глоток свободы. Мозг не сможет правильно функционировать в таких условиях. Теперь понимаете, почему нет мемуаров?

Итак, усвойте: удаляться можно лишь на расстояние, с которого хорошо видна телесная оболочка. Поэтому – никаких проходов сквозь стены! А что Цинцинат?! Вспомните, чем кончилась (или началась) его история. Еще раз: ничего не должно находиться между телом и новой точкой отсчета. Смотрите вокруг, любуйтесь, а от себя не убежишь, никак.

Кстати, возможно, мы когда-нибудь поговорим про физику явления, но для этого мне желательно самому в этом что-то понимать. На данный момент я только догадываюсь, что все основано на субсенсорном восприятии. Глубже разбираться мне пока неохота, а выдумывать отсебятину – не в моих правилах.

К знакомству с методом Саша Зарудин пришел самым что ни на есть классическим путем: через больницу. Он попал туда сильно побитым хулиганами. Обстоятельства были тоже вполне канонические. Собрались вечером шоблой, окружили одного, попросили закурить. Сперва Саша волновался не очень. Внимательно обозрел участников, ища знакомых. Нашел, но легче от этого не стало. Им оказался местный парнишка. Ребенком, подбитый старшими на воровство, он закончил тюремную академию, успешно пополнив ряды уголовников. Его в их районе знали все, а он не знал никого. У оказавшихся с ним рядом спрашивал:

– А как тебя зовут? А кто твои родители?

Ему отвечали, неважно, в первый раз он задавал вопрос или в тридцатый. Лицо его было покрыто мелкими шрамами, ни один из которых не мог стать особой приметой. Татуировок было десятка полтора, в основном – имена и аббревиатуры, а также небольшие фигуры, каждая – что-то среднее между иероглифом и логотипом

крупной фирмы. Последними он гордился и называл «знаками». Все это было исполнено крайне плохо, расплывшиеся пятна светло-синих чернил напоминали симптомы болезни. Саша видел однажды, как тот, сидя за доминошным столом, удалил с руки одну из надписей с помощью зажженной сигареты.

– Она мне не нравится, – приговаривал он, скалясь.

От шоблы можно откупиться деньгами, если дать рубля два в тогдашней валюте в обмен на подзатыльник. Счастливчиков иногда выручала интервенция. Стоило кому-то со стороны нарушить баланс четырехкратного перевеса в силе, как энтузиазм бойцов увядал на корню. Но вечерняя боковая улица не собиралась поставлять волонтеров. Был еще один вариант, для них желательный: проситься, чтобы отпустили. Нет у торжествующего хама в жизни ничего выше таких моментов. Но небитый Саша захотел рискнуть по-другому. Требовалось лишь здоровье и отсутствие спутников-заложников. Очень просто: сильно врезать одному и мимо него метнуться на волю, а там все зависит от уличного счастья. Если бегаешь хорошо, то – вперед, и пусть догоняют. Если нет, нужно найти чем вооружиться, а они, на бегу, отделятся друг от друга и будут иметь с тобой разговор по очереди.

Шанс был, было здоровье, но не было опыта. Говорун вместо закурить уже просил помочь с деньгами, нападающие вышли на боевую позицию за спиной. Саша тоже не терял времени, выбрал сбоку личность похилее, слегка согнул ноги в коленях. Упущена была мелочь, очень важная: он забыл или не захотел притвориться испуганно-растерянным. Между прочим, Алик так не считал. Он говорил, что нужно было действовать резче и быстрее. Как бы там ни было, уголовник опередил его секунды на две, чем-то коротким и тяжелым нанес удар, норовя сломать ключицу. Опытные люди потом сказали, что это был небольшой молоток. Навсегда запомнились мутно-серые глаза мстителя.

Сашу «положили», потом «поправляли» ногами. Когда он перестал шевелиться, ушли не спеша. В больнице сказали, что ему повезло, но он так не считал. Были поломаны ребра, разбито лицо, болел правый бок, он болит и сегодня.

Что не люблю по-настоящему, это когда мои персонажи действуют независимо от меня. Поймите, я не против того, чтобы следить за ними, маленькими, сверху. Не собираюсь двадцать четыре часа в сутки отражать в литературе свой глубокий внутренний мир, согласен плюралистично наблюдать их действия. Пусть разыгрывают

сцены жизни на пространстве размером с коробку из-под женских сапог, а я запишу. Но зачем же выбираться наружу?! Кому вы нужны одни, без контекста, без замысла? Там холодно и нечем дышать, я знаю. Однако теперь уже поздно жаловаться.

С ним долго возились, дали наркоз, соединяли что-то внутри, потом попросили полежать неподвижно. Он лежал, уставившись на стену рядом с дверью, точнее, на соединение стены с потолком, еще точнее – двух стен и потолка. От разглядывания лучи трехмерного угла начинали изгибаться, а его центр извергал небольшое, но тяжелое серое пятно, которое медленно и бесшумно падало вниз. Для этого его нужно было провожать глазами, а если моргнуть – оно исчезало, чтобы снова родиться в вершине угла. Когда Саше надоедало следить за пятном, он закрывал глаза. Однажды оно не исчезло, но продолжило путь в пространстве под опущенными веками. Больше всего оно походило на маленькую тучку из мультфильма.

Как долго вы будете наблюдать за одним пятном, пусть даже напоминающим тучку из мультфильма? Очень быстро оно стало досажать. Стоило открыть глаза, тут же наплывало сверху и мешало смотреть. И так было тошно, а тут еще это, неотвязное как грешная мысль. Было от чего загрустить, и Саша пожаловался палатному врачу.

Доктор медицины была крупной пожилой женщиной с умными глазами. Равнодушие к больным не мешало ей врачевать. Его восполняло отсутствие самолюбия и привычка держать пациента за руку во время разговора. Она сказала, что выпишет направление в глазное отделение для проверки, и подтвердила, что ему повезло. На вопрос, почему его записали в счастливички, ответила, что Швондер во время операции зашил что-то порванное, другие бы побоялись абсцесса. Она оглянулась на пустые кровати соседей, ушедших на процедуры, и сообщила, что на самом деле фамилия хирурга – Шехтер. Швондером он обозвал себя сам. Его никто не любит за ненормативное изложение мыслей и за то, что слишком рискует, когда с ножом. Все только и ждут, что он кого-нибудь зарежет, долго ждут, терпеливо. Вообще-то *их* сюда не пускают, но этот пролез по огромному блату.

В глазном отделении Саше сначала понравилось. Было похоже на персональный планетарий. Потом направили свет в глаза и

запретили отворачиваться. Это понравилось меньше. Информация, добытая таким неделикатным образом из его расширенных зрачков, вытекла в историю болезни. Диагноз – воспаление глазного дна. Прописали уколы. Как говорится, полежим в больнице, заодно и полечимся. Положительный результат не был твердо обещан, но даже этот, негарантированный, ожидался лишь в туманном будущем. Саша согласился ждать, время у него было.

Тем более что нашлось развлечение. Теперь, когда он закрывал глаза, неубиенное пятно, проникая под веки, порой захватывало вместе с собой картинку снаружи. Получалось не всегда, не часто. Многие зависело от освещения, остальное – от настроя или, скорее, настроения. Изображение было нечетким, местами искусственным, но в него можно было мысленно взглянуть и зафиксировать, задержать в сознании. А однажды поздно вечером, уже в темноте, увиденное днем возникло повторно. Перед закрытыми глазами слегка посветлело, как от включенного ночника, и появился знакомый угол. Пятна не было.

Утром его навестил Шехтер. Писать его портрет было бы наслаждением для художника-кубиста. Огромная квадратная голова, не доверяя шее, помещалась на широких плечах, безразмерная грудная клетка господствовала над животом, решительно заявившим о своих правах при поддержке крупного мужского зада, не уступающего плечам в ширине. Форма конечностей тоже могла порадовать поклонников этого неприхотливого направления в искусстве. И все же наибольшую художественную ценность имели ортогонально построенные черные ботинки, с которыми владелец не расставался с осени до весны. Он вошел, не поздоровавшись, и сообщил, что травмы – его любимая область приложения сил, а самый противный народ – это раковые. Что бы ты ни сделал, их потом снова привозят.

– То ли дело травмы. Зашьешь, потом проверишь, всё ли в порядке, потом он тебе приносит бутылку и больше ты его не видишь.

Саша терпеть не мог, когда к нему обращались в третьем лице единственного числа. Слушать про то, какое это счастье – видеть тебя последний раз в жизни, тоже было почему-то не в радость. «Никогда не ссорься с теми, кто тебя лечит», – вспомнилась ему семейная мудрость Аликовой мамы.

– Вам бы следовало стать военным врачом, – сказал он дружелюбно.

Швондер нахмурился. В сорок втором году госпиталь, где служил хирургом его отец, попал на четыре дня в окружение. Отцу присудили высшую меру наказания, а за плохое поведение при допросе и для вящего сокращения процедуры приговор был приведен в исполнение прямо в кабинете следователя. Он был реабилитирован одним из первых благодаря усилиям нескольких спасенных им старших офицеров. Найти убийц тогда не удалось.

Окончив школу, молодой Шехтер не захотел поступать никуда, кроме медицинского института, но процентная норма для евреев там была ниже, чем при царе. Тройка по сочинению, и военкомат зазывно распахнул казенные двери.

Старший Шехтер, хоть и отделенный от любимого чада смертной чертой, сумел проявить заботу: оставил в наследство метр восемьдесят роста, что позволяло в армейском будущем не слишком опасаться ветеранов. К тому же в отделении призыва доживал свой удлинненный век отставник. Как-то раз, выйдя в коридор, куда его выгоняли курить, он встретил посетителя, кажется, виденного прежде. Человек тот помнился смутно. Даже не смутно, а не так хорошо, как разнокалиберные брызги крови на белом халате. Через три года демобилизованный сержант снова подавал документы в непоказанный ему мединститут. В них сообщалось про фельдшерскую школу, стаж медицинской работы и партийную принадлежность. Приемщики замечались, армейцев неарийского происхождения обычно валили на основных предметах, сочувственно бормоча про несвежие знания. Этот знал все, сочинение уже было написано, надежда зацепиться за состояние здоровья умерла от недостатка пищи для разума. Обратились за ценным указанием к установившим квоту, те вздохнули и ответили, что если партийный, со стажем работы по специальности и с хорошей характеристикой, то можно принять в виде исключения.

Между прочим, это неверно, что он самозванно стал Швондером. Автором клички был интеллигентный коллега, женатый на молодой еврейке из крещеной семьи. Феликс, человек спокойный и даже толстокожий, к искажению фамилии сначала отнесся с безразличием, но через несколько лет случайно припав к самиздату, приятно удивился, часто цитировал и едва не нажил этим большие неприятности. С неохотой прикусил язык, но фраза «Пусть Швондер оперирует» засела в лексиконе.

Сообщу, что прибегал он к этой неточной и безвкусной цитате лишь перед операциями. Повторял ее на все лады и даже напевал.

Для любителей глупых вопросов наготове был ответ:

– Кто-то же должен и нормальных людей лечить.

Имелось в виду, что персонаж, сказавший про Швондера, лечил только власть имущих или очень денежных. Здесь можно заметить следующее: во-первых, откуда мы знаем, что он больше никого не лечил? Конечно, если рабски следовать за текстом его истории, то – нет, не лечил. Но зачем смотреть на вещи так узко?! Подумайте: пенсне, операционная, ассистент, прислуга, апломб... Конечно лечил. Всех лечил, а как же иначе? Во-вторых, мой Феликс тоже не растерялся, когда представился случай. Что правда, то правда.

Случай, кстати сказать, был отличный, хоть и не самый редкий: перфоративная язва, осложненная кровотечением, в условиях сельской больницы. А вот заезжий пациент был настоящим раритетом. Благодаря партизанскому прошлому, спокойному темпераменту и удаче он оказался в номенклатуре высшего ранга. Проявлял себя с самой лучшей стороны, глубоко вникал в нужды начальников и подчиненных. Добро творил редко, но и гадостей частным лицам почти не делал.

За время своего правления такие, как он, не выступили ни с одной вредной инициативой, лишь продолжали начатое до них: разоряли деревню, разрушали исторические части городов, оставшиеся в ничтожном количестве после страшной войны. Поощряли политический сыск, этническую рознь, милитаризм и загрязнение природы. Особо заботились об осушении болот, то есть старались, не желая того, сделать экологическую катастрофу неминуемой для своей небогатой социалистической республики.

Те, кто поставил их на власть, были профессиональными борцами за всеобщую справедливость, процветание и счастье. В боях за это они не щадили ни своих, ни чужих, шли на ненасправные жертвы, напрягали силы. Результат не заставил себя ждать: справедливость и счастье давно воцарились на подконтрольных им территориях. С процветанием было много хуже. Они упорно пытались добиться его в отдельно взятой стране, потом дисциплинированно, без паники отступили с периферии, долго обороняли столичные города, но под натиском плохой погоды, лени, разгильдяйства и происков спецслужб отошли опять, закрепились на рубежах своих офисов, резиденций и зон отдыха и там стали насмерть.

Неважный полководец, например, ставший таковым, побывав предварительно лишь ефрейтором, проигрывая войну, часто увлекается тактикой в ущерб стратегии. Феликс будущий пациент делал выезды в глубинку. Там он осуществлял идеологическую и материальную поддержку какого-либо хозяйства, выбранного по большей части наугад. Мог пожурить и даже наказать. Любил появляться в резиновых сапогах. В обычное время они стояли на скромном, но видном месте в его кабинете. Для наездов он ждал ранней весны, поскольку ему хорошо удавался поиск испорченной при хранении картошки. Вообще же, с акциями такого рода старался не перебарщивать. Они считались *know how* его руководителя, а субординацию в их системе не нарушал никто и никогда.

Да и зачем ее нарушать? Руководитель был тогда в фаворе у Москвы, не употреблял в разговоре с ней слова «нет», заботился о ветеранах. Но не это отличало его от других вождей. Отличало то, что речи – и торжественные, и будничные – он зачитывал по-особенному, нараспев, чем стяжал у местных жителей славу крупного оратора. Увы, дальнейшему продвижению (очень ожидаемому) это не поспособствовало, поскольку их самый главный был весьма косноязычен. В ответ на такую несправедливость простодушное население навсегда утвердило своего земляка в звании народного защитника. Его гибель в автокатастрофе молва припишет проищем завистливых москалей.

А мы вернемся ненадолго к порогу сельсовета. Планировался внезапный приезд, краткий осмотр, потом разговор по душам и – после непринятого обеда – обратный путь. Уже разводил руками председатель, узнавший про сгнивший турнепс, названивал куда-то парторг, металась вдали бригадиры. Феликс в это время находился поблизости. Он закусьвал в местной столовой, из которой в ожидании гостей выгнали всех, кроме него. Нет власти, которая вытравит из сельского человека уважение к учителю и врачу. Так что когда начальник, скривив лицо, присел на землю, помощь пришла почти мгновенно. Больного сгребли в охапку, растолкав сочувствующих, поместили в ГАЗик и через двадцать минут по грунтовке доставили к спасительным стенам. Референту, строго приказавшему везти в город, был поднесен крупный кукиш.

В тот период своей жизни Феликс разговаривал очень мало. Не так давно умерла его мать, а он был далеко. Он всегда был далеко от нее, а она провожала в школу, приставала с расспросами, навещала в армии, плакала, когда не поступил в институт, плакала, когда

поступил.

На следующий день примчался консилиум. Долго вытирали ноги о свеженький коврик у дверей, еще дольше мыли руки. Сказали, что все сделано правильно и что стоило бы описать в учебнике. (Даже в местной газете не напишут.) Герой дня, понятное дело, спал, умаявшись за полтора суток. Через неделю пришел прощаться, в ответ на изъявления симпатии попросил не отбирать квартиру, оставшуюся после матери. Получив предложение вернуться в столицу Республики, посмотрел вокруг и отказался.

Передумал он довольно быстро.

У Светы были пепельные волосы, веселые голубые глаза, узкая талия и влекущие бедра. Она привезла ребенка к свекрови на лето и вечером пришла к нему за аспирином. Они проговорили до полуночи, потом стали целоваться. Вдруг обнаружилось – он не может вспомнить, что делать дальше. А ведь не мальчик уже и даже не юноша. Опыт имелся, хоть и невеликий. Схватился за пуговицы на платье, затем – за колени.

– Не так быстро, – раздался участливый шепот, – начинай сверху.

Напоминать ему ничего не стали, но объяснили всё сначала. С самого начала и до самого конца. Потом повторили. На следующий день он приступил к созиданию стихов, к вечеру порвал написанное и обобрал куст сирени.

Она появлялась по выходным, но не каждый раз, так как ехать было далеко. Однажды прибыла с мужем, капитаном Вооруженных Сил, несущим службу по благу в Генштабе, построенном в пятистах метрах от их дома.

Осенью Феликс телефонировал в приемную бывшего пациента. Трубку поднял референт, тот, которому он показывал фигу. Сказал, что начальника сейчас нет, но это неважно, так как все можно сделать без него, а через неделю он возвратится из Бельгии, и ему доложат. Три месяца спустя, уже в должности хирурга Центральной больницы, влюбленный врач бродил в сумерках невдалеке от Генштаба. Стихи он все же написал и сразу по приезде позвонил ей на службу, прося о встрече для зачтения. Ему ответили прозой и предложили больше не звонить.

Он мерз вечерами на улице, поскольку запрет на хождение под окнами не был своевременно озвучен. Чтобы внести ясность, из желанного подъезда как-то вечером вышел человек в зимней военной форме. Он предложил топтуну отойти вместе с ним в сторону,

показал пистолет системы Макарова и сказал, что убьет, если еще раз увидит. Лица ее мужа Феликс не помнил и до сих пор не знает, кто был переговорщиком. Да это и неважно. Двое мужчин с пистолетом холодным вечером в чисто подметенной подворотне лишили жизни любовь. Обошлось без крови и выстрелов. Нежная и молодая, она умерла от испуга. Вот так.

Любой живущий считает себя центром Вселенной. Это понятно и спокойно. Ну, а если Вселенных больше, чем одна, например две, и ты об этом знаешь? По-прежнему будем искать центр, или, сидя на тесном гостевом диване, прижмемся плечами? Они познакомились, когда были старшекласниками, в пешем туристском походе. Там брали по одному спальному мешку на двоих для уменьшения веса поклажи. В спальнике они помещались легко, засыпали обычно спиной друг к другу, но утром оказывалось, что ночь они провели обнявшись, как неостывшие супруги со стажем. Все было списано тогда на холодную погоду. Потом они поступили в институт, встретились, поздоровались за руку и разошлись. Саша – на лекции, а Тёма – в комитет Комсомола. Полетели свободные от забот молодые годы. Политически активным Саша не был, но волны общественной жизни в ее официальном варианте докатывались и до него. То поступала просьба сказать на собрании несколько приветственных слов ветеранам, то надо было позаседать в клубе молодых изобретателей. А в дальнейшем в качестве поощрения появлялось именно приглашение на поезд дружбы или в молодежный центр где-нибудь в Алма-Ате.

Они были очень разными: Саша – крупный, неспешный, любитель поесть и выпить, Тёма – тоже высокого роста, но худой, светловолосый, сдержанный. Днем он уверенно раздавал указания, кем-то руководил, а вечером, если встречал Сашу, то всегда вступал с ним в разговор, спрашивал: «Как ты думаешь?..» Не бывает коротких ответов на такие вопросы, поэтому беседы получались долгие.

В этот раз не дали поговорить. Подошла его жена. Оказалось, она звонила маме и узнала такое, что теперь нужно бежать. И как по команде начался шапочный разбор. По случаю прекрасной погоды многие еще раньше вышли на улицу, похватили у курильщиков сигареты и разбрелись, сторонясь весенних луж, по асфальтовому периметру большой показушной клумбы. В таких условиях любой несогласный уходит – «Суббота же! Давай еще посидим!» – быстро сдавался подруге.

Гости по большей части остались довольны юбилеем. В меньшинстве был потенциальный скандалист по имени Костя, отправленный подальше от греха на балкон искать сигарету и удачу в любви. Ни того, ни другого он там не нашел, но заслушал взамен часовую повесть о начальнике-гондоне, перетрававшем в отделе весь женский пол. На самом грустном эпизоде рассказчицу отвлек тревожный сигнал снизу. Это объект ламентации прислал за ней автомобиль. Оставшись один, Костя зачем-то подался на кухню, где неожиданно был атакован крупной банкой с маринованными помидорами. Он получил удар по локтю, а банке, чтобы удержаться на краю стола, пришлось лечь на бок. Помидоров было десятка полтора. Почувствовав свободу, они, красненькие, разбежались по полу прятаться.

Незамеченный в углу на диване Саша стал невольным зрителем. Костя ему не нравился. Не помогли ни вводная беседа по душам, ни коньяк, то есть бренди, выпитый за дружбу. Места злорадству в душе не нашлось, но от вмешательства он решил воздержаться. Пусть чувак поползает один, а после все разойдутся и не с кем будет сцепиться на улице. И вообще, прятки – игра не командная, а за подсказ... сами знаете.

Покинуть помещение так, чтобы не попасться на глаза искателю помидоров, было сложно. Саша оглянулся по сторонам и споткнулся взглядом об огромный альбом репродукций, важно смотревший на него с книжной полки. Десять минут в запасе было, рука потянулась, современный торшер оказал посильную помощь, и взлетели животные – священные и не очень, – а также скрипки, ангелы, цветы и дома. Живописец, куда б ни обратил он взор, везде находил себя и свою любовь.

«Распашонка» среднего достатка почти опустела. Хозяева не сочли за труд спуститься с третьего этажа, чтобы упростить процедуру прощанья. Лишь забытая парочка топталась с поцелуями в комнате для танцев, как если бы мой тезис о том, что медленная музыка в темноте это лишь повод пообжиматься, нуждался в доказательстве.

Закрывать альбом не хотелось, но оставаться последним из не ушедших было недальновидно. Поэтому – несколько шагов от дивана к полке, потом в прихожую, и он – куртка подмышкой – уже на воле, на лестнице, ведущей вниз. Так он думал.

Зачем он пошел вверх?

- Чтобы посмотреть в окно, – бормотал он позже, не веря самому себе.

- Чтобы увидеть брошенную женщину, – сказал бы я.

Ни то ни другое не выдерживает критики, но иных объяснений тогда не было.

По-научному это называется психотравма, так мне кажется. Кто-то говорит слово, а тебе больно от слова. Ее бросили на лестничной площадке. Бросили и ушли и оставили одну, и она лежала вверх спиной, вытянув руки вдоль тела, «солдатиком», направив равнодушный взгляд мимо серого бетона в никуда. На лице – гримаса капризного отвращения – запоздалый протест.

Лиловая синтетическая куртка скрыла немодную блузку, очки, кушленные в детской оптике, куда-то исчезли, и Саша сначала не признал в лежащей нежное создание, украсившее собой зачин моей Истории. Подражая героям приключенческих сериалов, он присел с намерением дотронуться до ее шеи в поисках пульса.

- Саша, что ты там делаешь? – послышалось сзади.

Супруги Зеленские наблюдали за ним, стоя у дверей своей квартиры. Они еще не видели брошенную женщину и готовились произнести на прощание что-нибудь приятное. Рома держался за дверную ручку. Галина наощупь поправляла прическу. Оба они были большие и спокойные, оба любили пирожные и пешие прогулки.

- Здесь Римма. С ней что-то случилось. Нужно позвонить, – сказал Саша буднично.

- Римма уже ушла, Коля бежал за ней к остановке, – назидательно ответила Галина.

- Вот она, лежит.

Рома отсоединился от двери и начал подъем с видом человека, который скоро пожалеет о том, что делает. Так и случилось. От первого порыва – позвать, помочь подняться – остался лишь нелепый всплеск руками.

- Галя, позвони в Скорую, – он присел, готовясь приложить ладонь к шее, беспомощно белевшей над синтетическим воротником.

- Она мертвая, можешь не заниматься.

Галина уже исчезла в недрах квартиры.

- Звоните в милицию, - распорядился Саша ей вслед, - и скажите, чтобы никто не покидал...

Освобожденный от обязанности прикоснуться к неподвижному телу, Рома закивал и побрел вниз. Саша посмотрел в окно. Он опять был наедине с брошенной женщиной. Фонарь с невысокого столба высвечивал серую лужу, устало рябившую под ночным ветром. Как ее убили? Крови нигде нет. А может быть так, что она внезапно умерла без постороннего вмешательства? Отравилась или перепила? За ней это водилось, последний Новый год встречала в совмещенном санузле. Вот и теперь - вышла, поднялась на полпролета, легла, вытянув носки ног, и умерла. М-да, картина неясная.

А он сам, что здесь делает? Ну, это понятно, он - молодец. Сперва отыскал ее здесь. Толпа людей вышла совсем незадолго, и никто не увидел, а он узрел - нет - учуял, подбежал, стал трогать, топтаться. А теперь стоит один и дожидается милицию, чтобы записаться в главные свидетели, а потом, если посчастливится, и в подозреваемые. Еще одиннадцать квартир есть в подъезде, и до сих пор ни одна дверь не открылась. Видимо, дураков там нет, все ушли, улетели.

Справедливо злой на себя Саша спустился к незапертой двери, вернул куртку в шкаф прихожей и вступил в апартаменты. Он ожидал увидеть плачущую хозяйку и последних гостей, пробавляющихся подогретым чаем, но квартира была пуста. Жизнь струилась теплой водой лишь на кухне. Зеленские домывали посуду, они редко делали что-либо порознь.

- Я уже собирался идти тебя звать. Хочешь чаю?

- Не хочу. А где все?

- Никого нет. Идем, поможешь мне стол перетащить.

- А где Костя? Где Лена с Лешей?

- Костю я не видела, а Лёню и Леночку мы проводили немножко до того как...

- Поверни набок, теперь дай мне перехватить.

Окончив дело, Саша вернулся на лестницу. Галя сидела рядом с Риммой и что-то говорила. Услышав шаги, она повернулась и показала ему опухшее лицо.

- А помнишь, как ты меня захотела поднять и пукнула? - спросила она жалобно.

- Зачем связалась с этим козлом? - спросила она громче, не

отводя от него маленькие, тусклые глаза, – боялась в девятнадцать лет никогда замуж не выйти? Жопу не мыл, к телевизору ревновал, к афише на улице. Теперь бросил тебя сюда и смылся. Нас во дворе называли близнецами. Дураки. Мы рядом жили. А он?! Что он сделал?! Где он, скотина?!

Галя не плакала, она аккуратно уложила руку покойной на прежнее место и встала. Рома уже обнимал ее.

Двор за окном празднично осветился огнями «скорой». Дверь подъезда слабо хлопнула. Супруги парой сошли вниз и вместе с Сашей отступили в квартиру, давая дорогу людям в белых халатах. Впереди шел молодой уверенный мужчина, похожий на врача, за ним – коренастая женщина лет сорока. У мужчины висел на шее фонендоскоп, его спутница имела при себе увесистый блокнот.

– Где?

Оба без лишних слов продолжили путь наверх, Саша с Ромой пристроились в арьергарде, Галина заплакала. Мужчина склонился над Риммой, опустил руку в резиновой перчатке, нажал пальцем на глаз, потом присел и приподнял ей голову. Женщина стояла рядом и не отводила взгляда от обоих, как будто ожидала, кто из них первый заговорит. Заговорил мужчина:

– Для нас тут работы немного. Милицию вызвали?

– Вызвали, – отозвались снизу.

В пролете лестницы показалась синевато-серая фуражка, небольшого роста человек в милицейской форме медленно заканчивал подъем. За ним неотступно следовал тихий зуммер. Зрители посторонились, а он одарил каждого из них коротким, липким взглядом крошечных мышинных глаз.

«Сосчитал», – подумал Саша.

Два белых халата милиционер посчитал за один.

– Старший лейтенант Ползун, – он отдал честь мужчине, не замечая его спутницу.

– Шестая неотложная, – представился тот в ответ.

– Ваш или наш?

– Весь ваш, сейчас оформим.

Зуммер ненадолго прекратился, когда Ползун сжал пальцами небольшую корбочку из темной пластмассы, прикрепленную слева

у плеча.

- Пятнадцатый, – сказал он в пространство.

Зуммер в ответ.

- Пятнадцатый.

Снова шелестение со свистом.

- Пятнадцатый, или я переключаюсь на центральную и спрошу, кто сегодня на смене.

- Какой адрес?

- Стоянова 21, второй подъезд, третий этаж. Дежурный следователь лейтенант Ползун.

- Узнали.

- У меня здесь труп.

- Понятно. Только у вас там и больше нигде. Уже мчимся.

Ползун и белый халат понимающе переглянулись.

- Ну что? Пошли писать, – сказал милиционер в сторону женщины.

- К вам можно? – спросил он Галину и, получив кивок в ответ, прошел за ней в квартиру.

- Будет предварительный диагноз? – спросила женщина, направляясь за милиционером.

- Оставьте место, я впишу потом, – ответил белый халат.

Рома отправился вслед за женой, а Саша предпочел составить компанию врачу, но тот, как выяснилось, в ней не нуждался. Не занимаясь потерпевшей, он высматривал что-то в ночном окне, а после спустился мимо Саши вниз к машине.

«Видно, судьба моя сегодня такая: побыть с тобой рядом».

Чувствуя себя вправе, одинокий зритель не торопясь глазел на лежащую женщину. Малоразмерная черная юбка, хоть и ничего такого не открывала, казалось, обтягивала бедра все сильнее.

«А ты симпатичная, нижние округлости очень славные, да и верхние были вполне...» – восстание плоти, неожиданное и стыдное, нахально вздернуло центр выходных брюк.

«Что со мной? Она же мертвая. Мертвая! – подумал он с тоской. – А я – псих, некрофил, вот кто я».

«Она бы не возражала», – сильно и нагло пришло изнутри.

- Твою мать!

- Ты чего кричишь? – выглянула Галина. Иди, с тобой поговорить хотят.

Подлая тварь обмякла, затаившись. Дрожащей рукой Саша подобрал с вешалки в прихожей куртку и, держа ее перед собой, двинулся в апартаменты. Там за незастеленным столом, тем, который они переносили, сидел милиционер, перед ним лежала раскрытая кожаная папка. С краю стола сидела женщина, чтобы занимать поменьше места, она держала свой блокнот почти навесу. По диагонали от нее стоял пустой стул. Ползун счел необязательным снять шинель или фуражку. Вид у него был очень довольный.

- Здравствуйте, – заговорил он, приветственно растягивая слова, – садитесь, садитесь, отдайте ей вашу куртку. Мне сказали, что это вы нашли тело. Как вас зовут? Год рождения, адрес? Где работаете, учитесь?

Саша отвечал, милиционер записывал.

- Вы ее знали раньше?

- Мы только здесь встречались. У общих друзей.

- Знаете, как ее зовут?

- Римма... Коробкина, кажется, – сказал Саша неуверенно и посмотрел на Галину.

- Это по мужу. Раньше она была Михневич.

Ползун покивал головой.

- Как вы ее нашли?

- Вышел из квартиры, поднялся немного вверх и увидел.

- Она еще была жива? – предыдущие вопросы задавались участливым голосом. Этот прозвучал равнодушно.

- Не знаю. Я поискал пульс и решил, что она мертвая.

- А вы много с ней времени провели?

- Вообще-то нет.

- А в самом начале, когда еще никто не появился?

- Я видел, как он туда шел, – вдруг сказал Рома.

- Куда, вы видели, он шел? – напрягся Ползун. – Что вы видели?

- Видел его, когда он поднимался наверх.

- Вы здесь прописаны?

– Да, я здесь живу, вы же записали.

– Он шел или бежал?

– Спокойно шел.

Ползун записывал.

– Один шел.

– Шел один. А почему пошел вверх, а не вниз?

«Чтобы посмотреть в окно», – едва не вырвалось у Саши.

– Товарищ начальник, – в дверях стоял среднего роста человек в очках, остроносый и веснушчатый, – можно вас на пару слов?

Ползун оторвал взгляд от протокола и задумчиво посмотрел на говорящего.

– Мы уже заканчиваем, займитесь пока территорией, – он мельком взглянул на большие настенные часы, приданое Галины. – Когда вы вышли, в квартире кто-нибудь оставался?

– Кажется, нет.

– Как это, «кажется»?

– Музыка играла... тихо играла, когда я выходил, вот я и подумал, что кто-то еще остался, а потом оказалось, что все ушли.

– Ушел последним. Да?

– Вот же не ушел... остался.

– Хорошо, тогда запишем: «Вышел последним», – покладисто произнес участковый, – сейчас распишитесь вот здесь, каждый против своей фамилии.

Очередь из трех человек ненадолго возникла перед столом. Ползун собрал свои бумаги и направился к двери.

– Не расходитесь, я сейчас вернусь.

Распоряжение, хоть и отданное во множественном числе, по логике могло относиться лишь к Саше. Женщина исчезла раньше, не сказав ни слова. Галина вышла проводить пришельцев сквозь проходную комнату, мужчины остались у пустого стола.

– Вообще-то, я голодный, – объявил Рома.

– Почему так мрачно?

– Галка мне ночью жрать не дает.

– Я присоединюсь, вместе попросим.

- Ну, разве что если вместе...
- А ведь ты меня не видел, когда я поднимался по лестнице.
- Не видел, - ответил Рома беспечно.
- Так зачем это тебе было нужно?
- Что нужно?

Беседуя, они не спеша подбирали стулья, оставшиеся по углам комнаты, и располагали вокруг стола, как бы следуя правилам примитивной игры. Вышла обычная в таких случаях ничья.

- Говорить, что ты видел, как я шел?
- Это тебе нужно, а не мне. Они потом вцепляются так, что в семи банях не отмоешься.

Вошла Галина, неся две крупные тарелки, в каждой - мясной салат и хлеб.

- Золотая жена, - восхитился Рома, - семьдесят пять кило чистого золота.
- Убью.
- За что?!
- За намек на вес.
- Так я же приуменьшил!
- Все. Кормежку я забираю. Будете блюсти свою фигуру вместе с моей.

Оба друга - и проштрафившийся, и невиновный - бросились к столу.

- Простите негодяя, - воззвал муж, берясь за вилку.

Галина быстро ушла, повинувшись свисту чайника, прилетевшему из кухни. Саша сел за стол, пододвинул тарелку и вспомнил скучное Риммино лицо на сером полу. Есть расхотелось, стало тоскливо и немного страшно.

- Скажи мне, почему никто из твоих соседей не появился? Скорая, милиция, шум.

- Они потом вышли, с ними Галка общалась. А сейчас внизу у подъезда стоят, воздухом дышат вместо того чтобы спать.

- А что еще нам предстоит?
- Тебе же сказал командир, дожидаться его прихода.

Зная, что больше не дадут, глава семейства культурно поедал

салат мелкими порциями.

– А что будет с ней?

Рома поднял голову и посмотрел на друга непонятливо.

– Тело увезут, – сказал он, возвращаясь к трапезе, – если скорая уехала, значит уже забрали.

Саша встал, подошел к балконной двери, открыл ее, помедлил и шагнул навстречу ночному сквозняку. Вот так, наверное, это и происходит: один шаг, и ты – в одиночестве, за наружной стеной. Пиррова победа над природой, наделившей тебя страхом смерти вместо знания о том, что за пределом.

Немолодая луна аккуратно очертила грани перил балкона. К находящимся внизу ее тусклый заемный свет не попадал, и Саша разглядел их не сразу. Разбившись на три небольшие группы, они ждали. В стороне белела припаркованная автомашина, не скорая и не милицейская по виду. Похоже, что тело забрали. Тогда почему здесь эти тени? Принимают к себе новенькую и повлекут в «печальную область, покрытую вечно влажным туманом и мглой облаков»? Зачем ей туда? За что?

Толпа внизу стала быстро уменьшаться, у оставшихся догорали огоньки сигарет.

– Ну, что пишут? – спросил Рома. Саша обернулся, его друг стоял у двери, держа в руке пачку «Орбиты».

– Дай закурить, что-то погано мне.

– Это цветочки.

– Думаешь, вцепятся?

– Могут.

Сигаретный дым окружил балкон, не желая раствориться во тьме.

– Нам сейчас только этого и не хватало.

– Так ведь это я ее нашел.

– Им без разницы.

– Это почему?

– Потом поговорим. Пошли спать.

Утром они поднялись неожиданно рано. Пили кофе, разговаривать не хотелось. Слушали рекламную глупость из

радиоприемника. Когда друг семьи стал прощаться, супруги вызвались проводить его до остановки. Надев практичные весенние куртки, все трое вышли на лестницу.

В знакомом окне засияло воскресное небо, а Саша вдруг почувствовал, как онемели кончики пальцев правой руки. Память услужливо подсказала, напонила подробности, вчера не отмеченные: нелепый поворот головы, розовые туфли, одна из которых, сойдя с пятки, застыла не снятая. Щелкнул замок запираемой двери, и все трое зашпешили к выходу из подъезда на свободу, в прохладное весеннее утро без нелепых вопросов и встреч.

Остановка автобуса была в десяти минутах неторопливой ходьбы по дороге, предусмотрительно проведенной асфальтовой полосой сквозь бесконечные ряды новорубленных девятиэтажек. Супруги зашагали вперед, с привычной завистью косясь по сторонам. Их неказистая резиденция была возведена лет на двадцать раньше слабыми силами местной фабрики и чувства гордости у обитателей не вызывала. Вообще-то, в те времена, когда четыре этажа одиноко высились среди пригородных развалюх, ревновать было тоже не к чему. Посторонним, издали глядящим на урбанистское чудо, воздвигнутое у черта на куличках, сразу приходила на ум горячая вода в сочетании со свежим воздухом. Жильцы подобных иллюзий не имели. Горячей воды у них не бывало по полгода стараниями сезонных ремонтников, а о качестве воздуха заботилась та же фабрика, прилежно производящая в три смены что-то пластмассовое.

Саша брел немного сзади, зная свое место вчерашнего гостя, которого не сумели выпроводить за полночь. Дорога огибала детскую площадку. Качели замерли в ожидании детских объятий, на низенькой лавке расположился пожилой собиратель бутылок. При появлении прохожих он погрузил озабоченный взгляд на дно солидной брезентовой сумки, изображая высокую занятость.

- Флакуша нас беседой не удостоил, - констатировал Рома, удалившись от деловитой фигуры минуты на две ходьбы.

- Не нужно было ему деньги одалживать.

- Он же просил-умолял.

- Ну так сказал бы: «Даю без возврата».

- В следующий раз так и сделаю.

- Не забудь.

Галина вдруг заплакала, достала носовой платок из кармана

куртки и приложила к виску. Рома деликатно приотстал.

- Теперь домой?
- Сперва заеду к Алику. Я ему обещал, так что будет по пути.
- Ничего себе – по пути.
- Но лучше, чем переться в два конца.

Алик жил в не тихом центре. С утра до вечера там переливалась людским разнообразием энергичная городская жизнь. Универмаг, универсам и кинотеатр предлагали себя на выбор, парк неподалеку звал отдохнуть от забот. Театров и музеев поблизости не имелось, зато был ресторан – вкусный, большой, с хорошей музыкой. Алик жил рядом с ним. Это не было преимуществом, это было крупным неудобством. Его дом завлекал в свои два подъезда любых маргиналов. Вам негде выпить, справить нужду или потрахаться? Нонсенс! Сюда, ребята, все сюда! Заходите, не стесняйтесь, здесь – шесть этажей, летом темно, зимой тепло. Делать можно все, главное – не шуметь.

Дом сопротивлялся как мог: слепил врагов на подходе огнем неразбиваемых ночных фонарей, злобно шипел серого цвета паром из-под ощерившегося асфальта. Еще будучи новостройкой, он получил на двери невиданные в те времена кодовые замки. Один испортился сам, другой был аккуратно похищен.

Беззащитные подъезды посещались группами, парами и в одиночку днем и вечером, утром – значительно реже. Самыми безвредными были разнополые пары, самыми опасными – однополые, особенно если днем и без бутылки, то наверняка – гопники или квартирные воры. Наиболее отвратительные – одиночки, обязательно пьяные, обкуренные или подколотые, некоторые искали приключения, остальных влек не свет, но покой. Иногда перед вечером залетали потрепаться стайки ресторанных девушек, компании другого состава появлялись в сумерках, и вместе с ними – окурки, пустые бутылки, спорадическое гоготание и непроходимый табачный дым. Для полноты картины, не вдаваясь в подробности, – презервативы, граффити и вандализм. Местных жителей они, как правило, не задерживали и, слегка расступившись, позволяли пройти.

На первых порах граждане пытались бороться. Они организовывали собрания и дружины, собирали подписи и деньги, приглашали дирекцию и милицию. Последняя проявляла

отзывчивость, оберегала как могла и кого могла. Но, увы, приоритетом был фасад с парадным входом, световой рекламой и козырными гостями (своими и заезжими). Справедливости ради нужно заметить, что почти каждый вечер неутомимый «воронок» визитировал проблемный двор. При свете его фар пространство перед подъездами на время пустело. Обездвиженные, пройдя тест на наличие пульса и отсутствие проломов черепа, ненадолго становились пассажирами зарешеченного контейнера. Вакантные места, при наличии таковых, могла занять невезучая парочка.

Короче говоря, меры принимались, а в том, что они были недостаточны, никто не виноват. Поймите, ни здесь, ни рядом не проживали те, ради кого стоило бы повышать уровень бдительности.

К плохому привыкают медленно, понадобилось несколько лет, чтобы люди перестали активничать и занялись самосовершенствованием: обучились быстрой ходьбе, взрастили уверенность в движениях, озабоченность во взгляде. Их угрюмый вид стал своеобразным пропуском. Человеку на подходе к жилью лучше было выглядеть трезвым, чтобы не приняли за конкурента или потенциальную жертву. Если узреют счастливую физиономию, могут не признать или позавидовать и тем самым вывести ситуацию из-под контроля.

Лицо Алика было приятным исключением из правила. Излишнего веселья на нем не наблюдалось, зато была безмятежность, я бы даже сказал, безгрешность, свойственная благополучной юности. Он был среднего роста, тонкий в талии, подвижный и хрупкий на вид.

Как обманчива была хрупкость! Саше, случившемуся однажды рядом на медосмотре, когда Алик производил выдох через трубку спирометра, показалось, что у нехитрого прибора сейчас выскочит плунжер. Бегун-стайер, он имел необъятную грудную клетку. Этим, возможно, объяснялся персиковый цвет кожи лица, вводивший уличных бойцов в заблуждение, часто для них роковое.

Его молодость была так же обманчива, как и беззащитность. Пристально взглядевшись, можно было найти фаянсовые трещинки морщин вокруг спокойных серых глаз и даже раннюю седину в густой блондинистой шевелюре.

Он легко разбирался с посетителями подъездов и двора в любом наборе.

– В подворотне совершенно неважно, кто из вас сильнее. Посмотри, если не видел, на мента, как он мутузит своего клиента. Валяет его только так, и ему плевать, что тот на голову его выше. И заметь, что при этом он действует одной рукой и одной ногой. В другой руке у него всегда кожаная папочка с бумагами, черная или коричневая. Запомни, человек не будет тебя бить, если в это время бьют его. Главное – сразу, и от всей души, ты же когда-то боксом занимался. И не бойся порвать ему рубашку или испачкаться.

– Опыт нужен, – бормотал Саша.

– Правильно. Вот и обретай в бою, реальный конфликт – это ситуация. В спарринге ее не наиграешь.

– Так ведь каждый раз рискуешь покалечиться.

– А иначе ты рискуешь еще больше.

Кто из них оказался прав, мы уже знаем. И не надо думать, что Алику все это очень нравилось.

– Я устал от них. Всегда стоят, хоть домой не приходи. И вечно находится кто-нибудь отважный. Вчера приблизился один, я его спрашиваю: «Хочешь по зубам?» – нет, хочет поговорить. Они там все придурки, а я, он видит, интеллигентный человек, и он желает со мной общаться. «Может, все-таки дать тебе по зубам?» Заплакал. Им мало мочиться где ни попадя обычным способом, так этот – еще и глазами, решил соригинальничать.

А все же не стоит гневить Бога жалобами. Приватизация квартир твердой рукой развернула положение дел в сторону исправления. Не теряя времени, Аликов дом решительно заявил о своих правах вместилища центральной жилплощади повышенного спроса. Подъезды обзавелись железными дверями. Вернулись кодовые замки, рядом с ними заблестели голубой сталью панели селекторной связи. Служебный вход в ресторан лишился былой привлекательности. В общем, когда Саша после часа автобусной езды набирал знакомый номер для связи и дальнейшего разрешения на вход, обстановка вокруг была вполне цивилизованной.

Его без проблем впустили в чистую, скромно обставленную однокомнатную квартиру на пятом этаже.

– Ты по какому случаю при параде?

– Я – прямо от Ромки, со дня рождения.

– «Метро закрыто, в такси не содют?» Ты же не собирался расслабляться.

- Расслабиться не пришлось.
- Понял. Пришлось сосредоточиться. И на ком? Спросил, как ее зовут?
- Козел.
- Как тебя зовут, я знаю.

Они проучились на одном потоке пять лет, не замечая друг друга, и подружились лишь на институтских военных сборах. Там, среди природы, между серыми пятнами шатровых палаток летнего лагеря, треснуло и распалось на части беспечное студенческое братство. Все, кто прежде служил в армии, вдруг стали мелкими командирами и затребовали уважения к возрасту и званию. Остальные превратились в рядовых новобранцев без опыта и влияния в обществе. Их ставили шеренгой, водили строем, отправляли в наряды и назначали в караулы. Оказалось, что вся солдатская жизнь вращается вокруг наказаний, другого способа убедить людей подчиняться приказам там не знали. У них на сборах наказания были не страшные, под стать преступлениям: посуду мыть, чистить что-нибудь (котел или картошку) и на ночь – в караул.

В наши дни, говоря о власти, считают обязательным упомянуть для сравнения алкоголь, наркотик или болезнь. Нельзя обойтись и без замечания о том, как развращает людей абсолютная ее разновидность. Я же поступлю оригинально и уподоблю человека при власти электрическому проводнику, включенному в сеть. Больше власть – выше напряжение, и, значит, сильнее ток. Он приводит в движение всех подвластных и при этом сладостно греет «проводник». Разных людей власть припекает с разной интенсивностью по закону Ома. Прекрасная аналогия! У нее только одно несоответствие: слишком сильный ток сжигает проводник до состояния непригодности, а человек, опаленный властью до повреждения рассудка, остается в строю зачастую дольше, чем другой на его месте. Недаром всем видам безумия властители самых разных калибров единодушно предпочитают паранойю.

Интересно: большой начальник, и особенно очень большой, может вообразить себя не проводником, а не менее чем источником, генератором. При этом человеку, даже выключенному из властной структуры, кажется, что люди станут подчиняться ему как таковому, уже не способному принести вред или осчастливить. Я называю это синдромом Короля Лира и, чтобы далеко не ходить за примером,

напомню про Михаила Горбачева.

На нижних уровнях намного популярнее синдром сержанта. Ему подвержены персонажи, ограниченные умственно и/или психически. Полученная волею случая власть, пусть даже на короткое время и над малым количеством людей (в пределе – над одним человеком), индуцирует в мозгах идею качественного превосходства. Обобщения делаются – теми из них, кто на это способен – исходя из возраста, срока службы и лояльности государству. Интересующихся подробностями отсылаю к протоколам уголовных дел, газетно-журнальным статьям и художественной литературе, посвященной тому, что стыдливо названо «неуставными отношениями в армии». Там, конечно, многовато риторики и натурализма, но на повестке дня – все тот же синдром сержанта в экстремальной или массовой форме.

На военных сборах судьба, как обычно, без спроса предоставила возможность познакомиться с недугом в его вегетативном состоянии. С интересом и даже легким испугом наблюдал Саша за теми, с кем делил юношеские забавы и невзгоды. Иногда ему казалось, что он видит эту руку с необъятной серой ладонью и тонкими вампирическими пальцами, касающимися темени избранника. Все. Человек отмечен. Он выше тебя по званию, он – твой проверяющий, твой страж у ворот. У него опыт, тяжелая служба в прошлом, теперь – привилегии, почет. А ты, молодой, все это еще должен заработать. Так что все повинности отныне назначены тебе, а которые будут умничать и предлагать свою справедливость, могут очень сильно получить по голове от старослужащих.

Простые мысли о том, что происходящее – лишь пародия на армию или что счастье меньше чем через два месяца кончится и растает, надежно блокировались на входе в сознание ветерана. Подчиненные, напротив, чувства времени не теряли и прилежно считали дни, оставшиеся до возвращения к нормальной жизни. Нужно заметить, что желания покуражиться над «молодыми» по-настоящему были практически неосуществимы. Это они почти все понимали, но попытки делались.

Саша помнит, как грустно было видеть такую перемену в отношениях между людьми на фоне прохладного, сухого загородного лета.

На большой гладкой поляне господствует ранний импрессионизм – наивный дар природы северо-западного края.

Даже пятнышко мака нашло путь туда, где всемогущий зеленый поделился на время влиянием с белым, желтым и голубым. Фоном служат посветлевшие стволы деревьев и две фигуры цвета хаки.

Плечистый сержант ослабил колено и заложил за ремень большие пальцы крупных, отлично пригнанных к телу рук. Перед ним – новобранец, салага, щуплая фигура, полуоткрытый рот, растерянный взгляд. Старший говорит, младший внимает. Звуки слов до Саши не доносятся, но слушать там особенно и нечего. Конечно, ставится на вид отсутствие понятия об уважении, дисциплине и жизни вообще. Издали картина происходящего видится неподвижной, лишь тень от низкого пузатого облака медленно скользит по траве, да молодой боец то и дело мотает головой, как от ударов. Поэтому Саша не слишком удивился, когда ответная оплеуха не стала вербальной, а воплотилась в обычную. Даже звук пощечины преодолел расстояние, как в кино, где озвучиваются фальшивые схватки и поцелуи.

Люди на поляне пришли в движение. Автор оплеухи отступил на несколько шагов и застыл в ожидании. Его противник по-борцовски согнулся, выставил вперед руки, готовясь тигриным прыжком перекрыть расстояние до возмездия. Сейчас главное – это схватить. Бить он не будет, он будет рвать или душить. Потом нужно вовремя остановиться, и это печально, что придется самому себе ломать кайф. Не садиться же на нары из-за такого говна. Но это все после, а теперь – бросок. Не достал, далековато, ничего, достанем. Ты, парень, меня обидел, и деться теперь тебе некуда.

Не меняя позы, руки расставлены, тело – вперед, сержант приступил к погоне. Короткие кривые ноги мощно бились о землю, наращивая скорость. Его враг легкой побежкой трусил впереди, озабоченно оглядываясь по сторонам. Случайному зрителю не потребовалось много времени, чтобы понять: простая парадигма «жертва – охотник» плохо объясняет ход событий.

Беглец поспешал не торопясь, следя за тем, чтобы расстояние до загонщика не сокращалось, но и не стремясь его увеличить. Маршрут, им выбранный, никак не походил на путь к спасению. Вместо того, чтобы вести к месту расположения их лагеря, туда, где люди и твердая власть, он пролегал по периметру все той же одинокой поляны, и вот уже незнакомый, видимо, с другого факультета, сержант пронесется мимо, багровея щекой и тихо матерясь. На рядового, случившегося неподалеку, он даже не взглянул.

Рядовой в это время находился при исполнении: в его задачу

входило быстрым маршем преодолеть расстояние километра в четыре до соседней военной части, обратиться к дежурному, получить на руки какое-то расписание, возвратиться назад, вручить и доложить (или наоборот – доложить и вручить). За происходящим на поляне он сначала следил на ходу, но на повороте дороги остановился. Было ясно, что после первого круга противникам потребуется еще один или даже несколько. Вообще-то не болельщик по натуре, он, тем не менее, решил досмотреть соревнование до конца. И очень скоро был востребован.

– Задержи его!

Распоряжение прозвучало в тот момент, когда бегуны, как и ожидалось, описали предложенную окружность и во второй раз приблизились к своему зрителю. «Рановато», – подумал Саша. Сержант хорошо держал темп, но, видимо, решил подстраховаться. Его обидчик, не меняя курса, приближался. Казалось, что он желает облегчить Саше поставленную задачу, но тот не вмешался, а придорожным столбом застыл в бездействии.

Впрочем, нет, неверно называть бездействием неподвижность мыслителя. Не верите мне – обойдите вокруг Родену скульптуру. Вот и Саша, не считаясь со временем, отнюдь не праздничал, а размышлял. О чем? Как раз о времени он и размышлял. О его цикличности и быстротечности. А еще о том, как, в какой пропорции распределяются симпатии зрителей, наблюдающих за погоней. Пусть им неизвестно, кто прав и кто виноват. За кого будет большинство? Здесь, в «Совке», наверняка за преследователя. Потому как, во-первых, книги и особенно отечественные кинофильмы, где сотни хороших людей ищут и находят одного плохого. Во-вторых, сама атмосфера, в которой поощряются действия по команде. Существует команда «догнать»? Конечно. А «убежать»? То-то и оно. За бугром, наверное, наоборот. Там же – индивидуализм, один (одна) против всех. Если гоняют кого-нибудь всем коллективом, то наверняка – за высокие *человеческие* качества.

Все это неоднозначно, но если рассуждать объективно, то дичи практически всегда сочувствуют лишь на словах, а пожелания успеха даются охотникам. Редко будут говорить про того, кто убежал, скрылся, что он победил, а про того, кто поймал, настиг – сколько угодно. Хотя одно преимущество у беглецов нельзя отнять никак и никогда: в любом, даже безнадежном, случае у них есть свобода выбора пути. Все остальные хотят не хотят, а будут следовать за ними.

- Придержи мне его! Слышишь! - Это уже не приказ, но еще и не просьба. Больше всего похоже на предложение вступить в союз.

Те же двое, на том же месте, как будто и не убегали. Вот она - цикличность движения. Однако зря он так орет. Собьется с дыхания, уже сбился. А тут и повод остановиться есть. Не добежав до Саши метров десять, предсказуемо переходит на шаг.

- Ты, сука, глухой?

Интересно, он только в устной форме будет зло срывать, или физически полезет на рожон?

- И не стыдно так выражаться! Вы же военный.

Интеллигентная речь лишила сержанта здравого смысла, которым гордятся все, кто родился в деревне.

- Так, салабон. Все. Ты дослужился. Пошли со мной.

Сержант был ниже, чем Саша, ростом, но весил примерно столько же. Он схватил саботажника за край гимнастерки и тут же отдернул руку, вздрогнув как от удара током. Однако электричество тут было ни при чем. Второй (точнее, первый) участник забега возник почти рядом. В ожидании возврата на дистанцию он в нетерпении переминался с ноги на ногу и, чтобы повлиять на мнение своего оппонента, в качестве стимула вlepил ему только что увесистого выпятка по заду.

- Мы больше не бегаем?

Сержант сник. Он оценил ситуацию, попятился, потом по-военному повернулся и быстро зашагал прочь. Получив свободу выбора, он устремился к месту расположения лагеря, туда, где будут товарищи и твердая власть. Весь его вид говорил о выходе из матча. Но Алик был против. Он быстро догнал пораженца, сделал ему грамотную подсечку, а после сбил рукой пилотку с крупной, низколобой головы осевшего и остановился у него за спиной.

«Бегал бы один, - подумал Саша, - если ему так это нравится. Зачем обязательно нужно за кем-нибудь или чтоб тебя гоняли?»

- Ты посиди, не вставай, пока мы не уйдем, - Алик, похоже, пришел к симметричному выводу, хотя было заметно, что неподвижность все еще стоит ему усилий, - отдохни здесь. Понятно?

Сержант сидел на земле отвернувшись.

- Я спросил, тебе понятно?

- Понятно.

Алик огляделся вокруг и зашагал в сторону Саши.

- Ты куда сейчас?

Саша вытянул руки по швам.

- Послан в часть с поручением, - он был рад, что его пассивность не приняли за нейтралитет.

- Пошли вместе.

И теперь, поздним воскресным утром они, наклонившись, каждый над своим участком работы, составляли, свинчивали и прилаживали разных размеров бруски древесно-стружечной плиты (ДСП), которые, благодаря покрытию типа формайка, издали имели вид сосновых дощечек. Увы, при сборке иллюзия исчезала. Приходилось следить, чтобы счастье, приобретенное по дешевке, не распалось в руках.

- Ты уверен, что купил книжную полку, а не прессованный комбикорм?

- Ничего, соберем, и будет она очень прекрасно служить по назначению. Главное - не нужно на нее сильно облакачиваться.

- И дышать.

- Работай, Александр, отвлекись от грустных дум.

- Не выходит из головы это. Я, когда поднимался по лестнице, встретился с ней глазами, показалось так.

- Значит, вы обменялись взглядами.

- Мы обменялись желаниями. Она мне свое, а я ей - мое.

- Здорово. Ты фразу составил из одних местоимений. Очень осмысленно получилось, хоть и туманно.

- Она хотела жить, а я - отдохнуть.

- Глубоко копнул.

- От этого не легче. Вот черт! - Отвертка, сорвавшись с шурупа, отщепила серьезный кусок ДСП. Саша поднял его и растерянно повертел в руках.

Алик равнодушно пожал плечами.

- Это - с внутренней стороны. Подклеим, и будет нормально.

- Выходит, что ее убивали в десяти метрах от меня.

- И вот уже возникает ощущение причастности.

- И х*ра тут иронизировать?

- Извини. А все же, как ее убили? Или, может быть, она своей смертью умерла?

- Ничего пока не известно. Я вышел, она лежит.

- И как ты это нашел? Как она выглядела? Ей стало плохо, или ее били, тащили куда-то?

Саша отложил отвертку.

- Ее убили у двери и втащили наверх, чтобы не сразу заметили.

- А сколько она весила?

- Ничего она не весила.

- Били чем-нибудь?

- Я не видел ни крови, ни повреждений. Ее убили быстро.

- Откуда ты знаешь?

- Иначе тот, кто это делал, очень сильно рисковал. И лицо у нее было...

- Физиономист.

- Пошел ты.

- Иду. Быстро убить человека нужно уметь.

- Это – если умышленно. А случайно? Ткнул там куда-нибудь, и все.

- В таких случаях люди сперва ссорятся, ругаются и уже потом...

- Нет, без скандала все обошлось, я, по крайней мере, ничего такого не слышал.

- Значит, ее кто-то убил быстро и тихо.

- Слушай, может, ей шею свернули?

- Очень даже может быть. У меня готово.

- У меня тоже.

- Ставим. Осторожненько.

- Стоит. Красавец, мечта импотента.

- Что у нас дальше в программе?

- Легкий обед и прогулка по парку.

- Я еще не голодный.

- Прекрасно. Меньше съешь, я на тебе сэкономлю.

- Лучше пошли прогуляемся и я поеду. Надо немного очухаться

после Варфоломеевской ночи.

– Соглашаюсь. Пятиминутная готовность, потом – в парк.

Парк был огромный и чистый. Асфальтовые дорожки вели через сосновый лес в серо-зеленую бесконечность.

– Как пойдем? По большому кругу или по малому?

– Давай сначала малый опишем.

В низинах белели плотные пятна снега. Запоздавшие по дороге с юга грачи хлопотливо сновали между деревьями.

– Люблю этот парк, но иногда он мне наши сборы напоминает.

– Ага, вон, смотри, даже тент натянут почти такой, как у нас перед столовой был.

– Слушай, Алик, а за что ты того сержанта приложил?

– Это когда ты мимо проходил и я потом за тобой увязался? А он про евреев начал выступать.

– Но ты ведь не еврей.

– Во-первых, я в этом не уверен, так же как, наверное, и ты про себя.

Саша кивнул в подтверждение. Ветви генеалогического древа у них обоих были наполовину отсечены вместе с надписями на листве.

– Вполне возможно, – сказал он, помолчав. – Однажды, очень давно, я заелся с одним во дворе, назвал его жидом, а мать была недалеко и услышала. Она зазвала меня домой для разговора. Деталей не помню, но суть была в том, что перед тем как обзывать кого-то, неплохо бы узнать, кто я сам такой. С тех пор я помалкивал, а когда видел, как цепляются к кому-нибудь, давал понять, что мне это не нравится. Но вот так, как ты, вступаться за неизвестных тебе людей в их отсутствие, не понимаю.

– Я не за них вступался, а за себя.

– Но ведь о себе ты сам говоришь, что не знаешь толком.

– Это ради шутки было сказано, я со своим папашей знаком, никакой он не еврей. Ты пойми: все, что они делали тогда в гетто и в концлагерях... После этого психически нормальному человеку жить невозможно, если только не убедить себя и тех, кто вокруг, что так и надо было. Вот они и стараются.

– Кто они?

- Те, кто попрыгался в Аргентине, в Канаде или здесь.

- По-твоему, у них организация есть, где им объясняют, что нужно делать?

- Нет у них организации. Они все действуют одинаково, чтобы выжить.

- Похоже на сталинских соколов, те тоже дружно рассказывают, что поступали жестоко, но правильно.

- Совершенно верно.

Справа показался дощатый помост и ряды полинялых скамеек перед ним. Сцене летнего театра предстояло пустовать как минимум две недели, но часть зрительских мест уже была занята. То тут, то там, в одиночку или парами сидели люди. Некоторые читали, иные поедали одинаковые, из недалекого ларька, пирожки. Было похоже, что они пришли пораньше, чтобы занять лучшие, по их мнению, места, и не уйдут, пока для них не выступят с концертом или спектаклем. Немногочисленная детвора носилась по проходам, один, самый маленький, перевесился поперек скамьи, опираясь на нее неокрепшим пузом. Картину уравновешивала неподвижная группа молодых людей, похожих на студентов-заочников, сгрудившихся на трех ближайших к помосту рядах. В центре их внимания был высокий, солидный, несмотря на поношенный плащ и измученную непогодой обувь, мужчина. Вместе с огромным пожилым портфелем он оккупировал весь четвертый ряд и, развернувшись лицом к своей пастве, выступал с речью. У каждого слушателя в руках была авторучка и общая тетрадь, открытая на середине, но записей никто не делал.

- И все-таки мне неясно: человек декларирует неприязнь к некой группе людей, и если тебе это справедливо не нравится, то пожми плечами и отвернись. Чего ради лезть в бой? Сами евреи в большинстве случаев именно так поступают.

- Им в этом смысле легче.

- Все время ждать, что тебя оскорбят? Ничего себе - «легче»!

- Ты пойми одно: им объясняют, что солидарны с теми, кто их убивал. Если ты еврей, то какой у тебя выбор? Оскорбить как-нибудь в ответ, бить в морду, промолчать сутуленько или, может быть, пойти жаловаться. Но в любом случае не получается так, что ты это одобряешь, даже если никак не отреагировал. А что делать мне, когда я, нееврей, все это слушаю? Если стою и молчу, значит, я с ними соглашаюсь.

– Не обязательно. Хотя я тебя понимаю. Ты считаешь, что выступая подобным образом, они приглашают тебя к участию.

– Конечно. Это же простая психология: вор уверен, что все остальные – тоже воры, только не такие смелые, как он.

– А ты пробовал с ними говорить? Если они чего-то не знают или не понимают, им, возможно, стоит объяснить...

– Представь себе, я однажды попытался. Побил мужика в споре по всем пунктам, а он перемолчал и начал по-новой грузить про еврейскую породу. А потом додумался до их любимой идеи: «А чего ты, говорит, за них паришься? Ты же не еврей». Им, видите ли, не ясно, что антисемитизм – это проблема для нас, а не для евреев.

– В общем, валят с больной головы на здоровую.

Минут через двадцать послышались знакомые крики детворы и появились скамьи все того же летнего театра. Там несколько ребят уже взобрались на эстраду и давали импровизированный концерт рок-музыки, играя на воображаемых музыкальных инструментах и громко вопя. Группа вольнослушателей только что покинула свои места на передних скамьях и медленно двигалась по дороге. Их взоры были по-прежнему прикованы к лидеру. Не видя возможности пройти мимо, никого не отодвинув, друзья замедлили шаг, благо спешить было некуда.

– Юрий Семенович, а я хочу спросить, – раздался юный голос откуда-то спереди, – вот вы нас все время поправляете, и получается, что никто здесь не умеет правильно говорить по-русски.

– Никто, кроме меня, – прозвучал в ответ глубокий, артикулированный баритон, – ты же это подразумеваешь?

– Нет, да, хорошо. А вы вот, когда объясняете, как нужно произносить...

– Как надо, – перебил баритон.

– ...как надо правильно произносить какие-то слова, – продолжила свою речь долговязая девица, встряхивая блондинистой челкой, – вы часто говорите: «Прижми язык к зубам, ближе к зубам...»

– Правильно. И в чем твой вопрос?

– А как же вы сами?.. – Она не стала продолжать, уверенная, что вопрос понятен.

Учитель оглядел аудиторию, проверяя, все ли готовы внимать ответу. Его лицо с крупными чертами и большими навывкате глазами

выражало спокойствие человека, умеющего шутить с серьезным видом.

- Причиной сему являются мои выдающиеся способности к фонетике и морфологии, а еще я совсем недавно лишился последних трех зубов, и теперь мне ничто не мешает разговаривать.

Лишь несколько человек, в их числе и Саша, засмеялись. Внезапно он обнаружил, что идет один, обернулся и увидел Алика шагах в двадцати. Тот стоял, разглядывая едва заметную тропу, которая отделялась от их дороги и уходила влево, извиваясь между соснами.

- Будем сворачивать?

- Ага. Пошли сюда.

Они гуськом зашагали по втоптаным в землю сосновым иглам.

- А ты знаешь, куда идешь?

- Подальше от вон той богадельни, - Алик мотнул головой в сторону оставленных людей на дороге.

- Ты с ними знаком?

- Уже нет. Это драмкружок местный. Ничего интересного.

- Успел поучаствовать?

- Сподобился, - неохотно ответил Алик.

Идти рядом не получалось, и беседа прервалась. Они ускорили шаг, надеясь выйти на дорогу пошире, но лучшее, что смогла предложить их тропинка, было отверстие в невесть откуда взявшемся заборе. Не сильно расстроившись, друзья развернулись и обратным ходом прибыли в точности туда же, откуда ушли.

- Снова на столбовой.

- Ну что, еще кружочек и на выход?

- Можно.

Место остановки Сашиного автобуса находилось недалеко от ворот парка. Прогулка была завершена, и ему оставалось лишь перейти через улицу.

- Хороший сегодня день, жалко уезжать.

- Пошли, доведу тебя до остановки.

- Не стоит, тебе же - в другую сторону. Долгие проводы - лишние слезы.

– И то правда. Мать, наверное, заждалась.

Они расстались, и через минуту Саша уже подходил к столбу с жестяной табличкой, надпись на которой уверяла, что его автобус появляется здесь каждые десять минут.

Скамья для желающих присесть была занята, на ней расположился встреченный в парке руководитель драмкружка. Хорошо поставленным голосом он привычно держал речь, обращаясь к двоим рядом сидящим. Один из них, близкий ему по возрасту, одетый так же непринужденно, как и он, пристально разглядывал землю под ногами и мерно кивал головой. Второй, очень молодой человек, замер в неподвижности и не сводил с говорившего больших, влажных глаз. Внешний вид каждого не оставлял сомнений в том, что окончание воскресных занятий уже отмечено совместным возлиянием.

– Хотелось бы, говорю я ему, посмотреть, как будут гореть рукописи, которые вам здесь насоздавали. Следователь смотрит на меня пристально и отвечает: «А они не горят». Вам понятно? Да? – Юрий Семенович сделал педагогическую паузу. В его порозовевших глазах светилась радостная готовность насладиться недолговечными благами алкогольной зависимости. – Это же почти как в нашем культовом романе.

– Ну, ведь там имелось в виду, что духовные ценности не подвластны огню, – возразил молодой сосед.

– Это ложь, облеченная в красивые слова.

– Не горят священные тексты, – подал голос другой сосед.

– Ах, так вот в чем дело! Наш герой написал священный текст. Дополнил Святое Писание, дописал пятое Евангелие. Шестое доказательство произвел. В общем, говоря языком его персонажа: «Поздравляю соврамши»!

– Но ведь никто не знает, что было на самом деле...

– А он узнал! И сам себя за это похвалил.

– Не нужно его громить по всем статьям, – снова вступил в разговор сосед постарше, – это славная вещь. Мы его читали в то время, когда вокруг не было никого и ничего.

– Это же и обидно, зачем было искрометную сатиру, буйство фантазии разбавлять легковесной философией.

– Не он был первым, кто грешил философией, – возразил тот, кто постарше, – возьмите «Войну и мир».

- Граф не виноват, что его взгляд на мир возвели в ранг доктрины, а этот рвался в пророки: «Как я все угадал!»

- Толстой тоже не противился миссии пророка.

- Его спрашивали: «Как жить?» И он отвечал.

Сочетание двух и более согласных букв удавалось собеседникам все труднее.

- А в гнилые семидесятые «Мастер и Маргарита» звучало как пароль. Были посвященные, и были все остальные.

- Но писал-то он, похоже, только для одного книгочеля! Пожалуйста, не надо нас больше убивать, а мы тебе всё спишем и объявим, что казни не было. Конечно, ее не было, и голодомора не было, и холокоста не было!

Автобус приблизился, замедлил ход, остановился, вздыхая и с неохотой открыл две пары дверей. Компания двигаться не собиралась, а Саша преодолел двухступенчатый подъем и оказался в безлюдном пространстве, состоящем из окон, сидений и металлических поручней. «Какое время на дворе – таков мессия», – вспомнил он, выбирая среди вакантных кресел наиболее подходящее для долгого пути.

Он чуть не проспал свою остановку. На его счастье, автобус не спешил с отъездом, и вот уже знакомый асфальт выстилал старожилу недалёкий путь к родному порогу.

Мать не любила, когда он не ночевал дома, да и телефонное извещение о том, что кто-то умер, не способствовало подъему духа. Чтобы разрядить атмосферу, Саша с порога вызвался добровольцем для похода в магазин, получил объемистую сумку со списком продуктов и сбежал вниз со второго этажа, торопясь успеть до закрытия. Возвращался он уже в темноте, и как всегда, его двор изменился неузнаваемо.

(Продолжение следует.)

Борис Гулько – по профессии психолог, шахматный гроссмейстер. Чемпион СССР 1977 года, чемпион США 1994 и 1999 годов. В 1979-м вместе с женой Анной (тоже чемпионкой СССР и США по шахматам) решил покинуть Советский Союз. После этого семь лет числился в «отказниках». Возможность эмигрировать из СССР завоевал после трех голодовок и месяца ежедневных демонстраций с ежедневными арестами. Его рассказ об этих событиях входит в сборник «КГБ играет в шахматы», опубликованный в России, а также (в переводах) в Германии, США, Эстонии. Гулько – автор

многочисленных эссе на темы современной политики, культуры, религии, истории, еврейской философии.

К столетию Василия Васильевича Смыслова

Каждое время несет свой характер. V–IV века до н.э. были временем великих философов, обретавшихся в древнегреческих полисах. Первая половина XX века стала порой гениальных физиков. Период с 1945 года, начавшийся с радио-матча СССР–США, в котором советские шахматисты разгромили соперников со счетом 14,5 : 5,5, и до 1972 года, когда Роберт Фишер прервал доминирование СССР в шахматах, выиграв матч на первенство мира у Бориса Спасского, был золотым веком шахмат. Одним из ярких персонажей этого времени являлся седьмой чемпион мира Василий Васильевич (В.В.) Смыслов, столетие которого шахматный мир отметил 24 марта этого года.

Обычно для истории: яркие личности ходят парами, сопровождаемые своими двойниками или антиподами: Ньютон с Лейбницем, Пушкин с Лермонтовым, Фрейд с Юнгом. Тем более в шахматах. Годы с 1948 по 1957 были окрашены соперничеством Ботвинника и Смыслова. В 1948 году Ботвинник выиграл матч-турнир за звание чемпиона мира. Смыслов был вторым. В 1954 году матч за первенство мира между ними завершился ничьей, и Ботвинник сохранил титул, в 1957 году матч выиграл В.В. и стал чемпионом, но на следующий год Ботвинник победил в матче-реванше и вернул чемпионство себе.

Еще более драматичным было соперничество Каспарова и Карпова, сыгравших между собой в 1984–1990 годы 5 матчей на первенство мира. Но после победы Фишера над Спасским в 1972 году Золотой век шахмат уже закончился. Фишер оставил игру, Спасский

утратил свою силу, и когда подросли два новых гения – Карпов и Каспаров, соперников им не было. Они были на обширном шахматном лугу как две одинокие сосны.

Не так в 50-е годы. Шахматная мысль фонтанировала, великие шахматисты поднимали интеллектуальную игру на уровень высокого искусства, соревнуясь друг с другом в гениальности. Так, в 1951 году, под раскаты борьбы с космополитизмом, на престижнейшей сцене Москвы, в Колонном зале Дома Союзов, под гигантским портретом Сталина, Михаил Моисеевич (М.М.) Ботвинник чудом спас захватывающий матч против Давида Ионовича Бронштейна и, сведя его вничью, сохранил титул чемпиона мира.

Невысокий спортивный М.М. и статный вальяжный Смыслов во многом являлись антиподами. М.М. был технарь, доктор наук в электротехнике, как говорил мне специалист, – реальный ученый, энтузиаст разрешения загадки шахмат кибернетикой. Еще М.М. был коммунистом, патриотом СССР, поклонником Сталина. Даже в годы перестройки он писал в шахматном журнале, что верит в социализм как оптимальное устройство общества.

В.В. был натурой художественной. Обладая сочным баритоном и должной музыкальностью, рассматривался для зачисления в труппу Большого театра. Вопрос о карьере В.В., доносила молва, решался в Политбюро. И там постановили оставить В.В. в шахматах.

В 1987 году мы с В.В. играли на турнире *Banco di Roma*, соответственно, в Риме. В один из вечеров нас пригласил к себе московский мастер Дима Зильберштейн, женатый в те годы на итальянке. Жили они на площади Испании, прямо у знаменитых ступеней. Среди гостей были еще молодая коммунистка и оперный певец. Моя беседа с коммунисткой не заладилась. «У вас коммунизм был неправильный, а мы построим правильный», – сообщила она (я уже полтора года жил в США). Бог в помощь! В.В. же с восторгом слушал певца. Переводила их беседу жена Димы.

Когда мы возвращались в гостиницу, В.В., очень возбужденный, сказал мне: «Если бы я взял уроки у этого человека, я мог бы многого достичь». О каких достижениях еще мечтал 66-летний В.В.? Но пение всегда оставалось важнейшей частью его жизни. Я храню дискетку с вокалом В.В., записанную им в Голландии с местным оркестром, как знак его неостывающего творческого порыва.

В.В. любил поговорить о творчестве. Относительно себя он никогда не использовал слова «талант», только «дарование». В.В.

считал прискорбным, что где-то в 30-е годы шахматы приписали к ведомству спорта, а не искусства.

Я не спорил с ним, но считал это обстоятельство огромным благом. Иначе победителей соревнований определяли бы руководители творчества и «неправильные» шахматные работники вроде меня не имели бы никаких шансов на успех.

«Страшной потерей для шахмат, определившей утрату ими положения высокого искусства, стал Холокост», – говорил мне В.В. Настоящими ценителями шахмат, их публикой, считал он, были европейские евреи. После их гибели шахматная аудитория исчезла.

Смыслов и еврейство – загадочная тема. Советское руководство, утомленное тем, что шахматный престиж их страны постоянно защищают евреи, радовалось появлению Смыслова и всячески поддерживало его. При этом в СССР, похоже, не столь уж важно было не быть евреем реально. Замаскированными евреями являлись генсек Андропов и премьер-министр Примаков. Да и сам Ленин, при деде еврее, сегодня смог бы получить удобный израильский паспорт и в эмиграции свободно переезжать из Швейцарии в Англию и обратно.

О беседах на еврейскую тему со Смысловым мне рассказывал мой товарищ, амстердамский гроссмейстер Гена Сосонко. В.В. часто играл в Голландии, они много общались.

– Знает ли В.В. о том, что в Израиле о нем пишут как об еврее? – спрашивал Гена. – Это они хотят мне польстить, – отшучивался В.В. – А не еврей ли вы по батюшке? Очень уж подозрительное у него отчество – Осипович. Где Осип, там и Иосиф. Это мы знаем, например, по биографии Мандельштама, – настаивал Гена. – Нет, не еврей я по батюшке, – отвечал, кажется, В.В. – Скорее по матушке... Потом где-то, вроде, всплывало, что дед с отцовской стороны действительно был Иосиф, а не Осип. Впрочем, В.В. сообщил, что не любит обсуждать тему своего еврейства.

Это интересная позиция, я слышал о ней в разные годы, в начале нашей дружбы, от двоих своих товарищей. Удостоверившись, что я еврей, они сообщили мне о еврействе своих мам, но оба добавили: «Я не люблю это обсуждать». Мне слышались в этой фразе и опасение потерять незаслуженный, но выгодный статус русского, и потаенная гордость принадлежности к секретному ордену.

Впрочем, В.В. был русским по вере. Православие было важным для него. И не только религия, но и религиозный мистицизм.

В 1978 году, по дороге на Всемирную шахматную олимпиаду, советская команда провела сутки в Риме. Я играл за ту команду, Смыслов был ее тренером. Мы, под непрекращающимся дождем, отправились с ним в Ватиканский музей, но увидели в нем разное. Я был впечатлен: Буонаротти, Рафаэль. В.В. же попал в мир религиозных образов. «Вот, оказывается, как было на самом деле», – повторял он у картин на библейские сюжеты. Мне это казалось несколько детским: мало ли что представилось воображению художника? А сейчас я думаю: может быть, В.В. был прав, и гению действительно открывается истина? Недаром Сикстинская Капелла – столь специальное место в нашем подлунном мире. Хотя Создатель, изображенный Микеланджело бородатым старцем – представление непредставимого...

В те годы с В.В. случилась неприятность: он сломал руку. И тут же определил причину несчастья: незадолго до того Борис Спасский подарил ему фигурку какого-то южноамериканского божка. Идол, принесший беду, немедленно отправился в мусоропровод.

В конце 1988 года мы играли с В.В. в двухкруговом турнире в Гастингсе. Его первая партия с Корчным завершилась неожиданно: в значительно лучшей позиции Виктор вдруг предложил ничью. Потом, за ужином, жаловался мне: случился заскок, что-то померещилось. В.В. воспринял это по-иному. Последняя партия турнира между этими великими игроками тоже завершилась неожиданно. Сразу после окончания дебюта Корчной грубо ошибся. Смыслов сделал выигрывающий ход и... предложил ничью. «Корчной в первой партии проявил благородство, и я пообещал в душе, что, если смогу, отвечу ему тем же», – объяснил мне В.В. А инстанцию, которой пообещал, В.В. знал, обманывать нельзя.

Действительность В.В. воспринимал как состоявшую из миров добра и зла. Я как-то спросил его: шахматы принадлежат к которому? В.В. замялся, а потом произнес: «От лукавого, конечно».

Вопрос, который я задал В.В., содержателен. Гармония, глубокая логика, парадоксальность, эстетика шахмат, справедливость результата – это вроде из мира добра. А честолюбие, тщеславие игроков? Мелкое торжество над поверженным соперником? Эйнштейн в очерке о Ласкере писал: «...меня самого всегда отталкивали проявляющиеся в этой остроумной игре борьба за владычество и дух соперничества».

Но во всем этом есть справедливость: побеждает сильнейший. Всегда ли? Мир зла в годы СССР был обширен.

Финиш одного из замечательнейших турниров в истории – соревнования кандидатов в чемпионы мира 1953 года в Швейцарии: Смыслов лидирует, но ему предстоят партии с конкурентами: черными с Кересом и Бронштейном, белыми с Решевским.

Перед партией со Смысловым Кереса вызывает на беседу «руководитель делегации» – советский функционер. Два часа он уламывает замечательного эстонского гроссмейстера согласиться со Смысловым на ничью. Иначе победу в турнире может вырвать американец Решевский. Керес отказывается: это его жизненный шанс. Но после такой «накачки» – знаю по себе – играть нельзя. Керес рискует чрезмерно и проигрывает.

Следующий – Бронштейн. О дальнейшем мне рассказывал Миша Таль. Давид соглашается с уговорами и с ничьей против Смылова. За это ему обещано очко от Геллера. Давид не должен был соглашаться? А если его отца лишь недавно отпустили из ГУЛАГа? Шел 1953-й год...

Бронштейн приходит за своим очком, но Геллер его обыгрывает. Он отверг приказ, однако Давиду об этом не сообщили... Решевского В.В. обыгрывает сам. Победа в турнире. Но ощущение мерзости остается.

Дело, возможно, и в том, что бесовство содержится в самом понятии «Чемпион мира», за который шла борьба. От Бронштейна, всю жизнь переживавшего упущенную победу в матче с Ботвинником, я слышал не очень последовательное: «Я рад, что не стал чемпионом мира. В этом звании есть нечто от фашизма». Понятно что: идея сверхчеловека.

Для обладателей звание это нередко становилось фатальным. Завоевав его, тронулся рассудком Бобби Фишер. К концу жизни создатель и первый обладатель титула Вильгельм Стейниц тоже столкнулся с психологическими проблемами. Великий М.М., еще до войны обыгрывавший чемпионов Ласкера, Капабланку и Алехина, обладая титулом, не выиграл ни одного матча, только матчи-реванши. Гарри Каспаров к концу карьеры играл в турнирах все лучше, а в матчах за титул все хуже. Казалось, что он, как и Ласкер, тоже значительно превосходивший своих современников, ищет путь избавиться от обузы чемпионства. Оба великана проиграли матчи за свой титул без единой победы. Смыслов и Таль быстро, всего через год избавившиеся от опасного титула, имели после этого счастливую шахматную жизнь. И только Карпов, получив без игры звание чемпиона мира в 1975 году, наиболее полно раскрылся в борьбе за

титул. В эпоху Карпова, при его активном участии, шахматы предельно политизировались.

В 1977 году в Ленинграде проводился грандиозный турнир памяти Октябрьского переворота 1917 года. Я – в карантине – не подписал письмо с осуждением Корчного, не вернувшегося с турнира в Голландии, и на этот турнир приехал в качестве тренера Смыслова. Да и без всякого Корчного я участвовал только в тех турнирах, в которые можно было отобраться из другого турнира. Наша нелюбовь с властью была взаимной.

Турнир развивался скандально – никакого триумфа молодого чемпиона. Уже в первом туре Карпову вкатил красивый мат Тайманов. Потом чемпион просрочил время в партии с Белявским. Комментаторы на радио и ТВ исходят жалобами на несправедливость судьбы. Срывается идеологическая кампания.

56-летний Смыслов, напротив, играл превосходно. В предпоследнем туре он встречается с чемпионом мира. Их партия откладывается.

Я наблюдал за действием из-за кулис. Появляется Карпов. «У меня лишняя пешка?» – полувопросительно сообщает мне. Потом выходит Смыслов. «Мой секретный ход – g6-g5. Не вижу, как ему спастись» – говорит он. Я тоже не вижу.

Мы внимательно проанализировали позицию. У молодого чемпиона спасения нет. На следующий день я отправился гулять по Питеру. В ту пору москвичи любили такие прогулки.

Вечером заглянул к В. В. Тот был неожиданно весел. «Ничья», сообщил он. – «Это к лучшему. С этим парнем лучше не ссориться». Через пару месяцев Спорткомитет направил В.В. на самый престижный турнир года – в голландский Тилбург.

Советскую власть, покровительствовавшую ему, В.В. ненавидел люто, считал ее бесовской. «Из Красной площади кладбище устроили», – возмущался он, видя в этом языческий культ мертвых. И Мавзолей, он объяснял, скопирован с какого-то языческого капища.

В 1976 году мы играли с В.В. за команду «Буревестник» в кубке чемпионов в Золингене, ФРГ. Как-то после завтрака он появился на собрании команды. «Марк, спуститесь – пришли ваши единомышленники» – подъял он Тайманова. В отель заявила делегация немецких коммунистов приветствовать советских братьев

по классу. У Смыслова они вызывали неприязнь.

Среди гроссмейстеров, кроме идейного М.М, членами партии в ту пору были неожиданные люди: Тайманов, Корчной и Штейн. Объяснение конъюнктурное: надежда компенсировать еврейские недостатки партийными достоинствами.

В мае 1978 года мы летели с В.В. во Львов на Зональный турнир СССР – отбор к розыгрышу чемпионата мира. «Я прикинул, – сказал В.В., глядя на меня внимательно, – живи я на Западе, делал бы по 24 тысячи долларов в год». Тогда это были разумные деньги.

Действительно ли советский антураж настолько обрыдл 57-летнему шахматисту, или он вопрошал меня: чего ты, молодой, сидишь здесь? Через год мы подали заявление на эмиграцию и на семь лет угодили в отказ. От этого антуража избавиться было совсем непросто.

Книгу своих избранных партий В.В. назвал «В поисках гармонии». Эту гармонию он искал всю жизнь и всю жизнь находил. Его стиль был изыскан и совершенен.

В.В. не изучал теорию, он ее создавал. Он считался и реально был позиционным шахматистом, великим мастером эндшпиля. В то же время В.В. говорил мне: «Мое дарование (конечно, дарование, не талант) скорее тактическое, чем позиционное».

Размах этого дарования виден и в том, что в 1984 году, в возрасте 63 лет, В.В. дошел до финального матча претендентов в чемпионы мира. Сражаться с юным гением Гарри Каспаровым было не по силам, но возрастное достижение уникально.

В позднем возрасте В.В. отказало зрение. Но творческая энергия не иссякла, и он издал сборник составленных им тогда шахматных композиций.

Иногда в человеческом роде произрастают уникальные особи. Имя одной из них: Василий Васильевич Смыслов.

Наталья Зарембская -

родилась в Ленинграде. Работала в искусствоведческой секции Государственного экскурсионного Бюро. Интерес к искусству и литературе определил ее жизнь в Новом Свете, сначала в Бостоне, где она работала в Музее Изабеллы Гарднер, затем - в Нью-Йорке, где ее деятельность связана с Музеем современного искусства. В сборниках Миллбурнского клуба был опубликован ряд ее литературоведческих статей.

Этот текст – расширенный вариант выступления, посвященного 130-летию со дня рождения Михаила Булгакова, на заседании Миллбурнского клуба в марте 2021 года.

Современники – о Булгакове

Я прочла роман «Мастер и Маргарита» вскоре после его появления в журнале «Москва»¹. Прочла с восторгом. Тому было несколько причин. Во-первых, – мой юный возраст, во-вторых – и это придавало дополнительную остроту, – я читала самиздатовскую версию. За это я благодарна соседям по коммунальной квартире. У отца этого семейства были литературные амбиции. Его друзья собирались в нашем доме. В то время они все вместе писали детективный роман «Черная пепельница». Меня же они «подкармливали» самиздатом. Это была большая удача.

Потом вышли книжные издания. Я перечитывала роман кусками и никогда не испытала разочарования. Образ Москвы в нем наложился в моем сознании на восприятие реального города на долгие годы:

«...Грозу унесло без следа, и, аркой перекинувшись через всю Москву, стояла в небе разноцветная радуга, пила воду из Москвы-реки. На высоте, на холме, между двумя рощами виднелись три темных силуэта... на черных конях в седлах, глядя на раскинувшийся за рекою город с ломаным солнцем, сверкающим в тысячах окон, обращенных на запад, на пряничные башни девичьего монастыря...»

Интерес к Булгакову не ослабевает. С начала перестройки роман был издан отдельной книгой более 300 раз², пережил девять экранизаций, включая порнофильм «Бал у Сатаны». Только в

прошлом, 2020-м, вышло четыре издания, одно из них – с рисунками Нади Рушевой³. Талантливая, рано умершая художница-график, фактически была первым иллюстратором романа.

Коммерческий успех романа определяется наличием качеств *pulp fiction*. Читается он увлекательно, легко. Читатель любого уровня находит в нем что-то для себя.

В списке бестселлеров «Живой библиотеки» (*LiveLib.ru*), в разделе «Русская классика», роман стоит на втором месте. На первом – «Записки юного врача» (последнее издание вышло из печати в 2021 году). В разделе «Мистика», рассчитанном совсем на другую читательскую аудиторию, «Мастер и Маргарита» стоит сразу за книгами Стивена Кинга и Джонатана Страуда.

Роман «Мастер и Маргарита» определил ранг Булгакова в русской литературе. На протяжении своей жизни он имел и другие литературные успехи, однако без этого романа остался бы «достоинством доцента», по выражению Блока⁴. Но Булгаков избежал такой судьбы. Вместо одинокого доцента его наследие «терзали» многочисленные поколения булгаковедов.

Булгаковедов первой волны – классиков – можно разделить на «вольных стрелков», таких как Лидия Яновская или сын разведчицы Леонид Паршин, и «апробированных и допущенных», таких как Мариэтта Чудакова, академик Владимир Лакшин или краевед Борис Мягков.

Особо скажу о раннем энтузиасте Абраме Зиновьевиче Вулисе. Он был киевлянин, оказавшийся в Ташкенте и закончивший там университет. Темой диссертации выбрал советский сатирический роман 30-х годов и искал материал о ком-нибудь, кроме Ильфа и Петрова. Натолкнулся на Булгакова. Узнал, что вдова Булгакова жива, попросился в гости, прочел роман. Факт, что она впустила безвестного ташкентского литературоведа, говорит о том, что Елена Сергеевна была готова попробовать самые неожиданные ходы. В те годы она давала читать роман многим у себя дома. И не всем он нравился. Например, без восторга, а скорее с разочарованием, прочел его Анатолий Найман, о чем рапортовал Анне Андреевне Ахматовой. Он воспринял роман как недостаточно глубокий и цельный, как образчик стилизованной исторической беллетристики.

Что же касается Вулиса, то он был в полном восторге от романа. Это была добыча, о которой литературовед мог только мечтать. Давид Эйдельман⁵ приводит эпиграмму о Вулисе, ходившую в Ташкенте:

Целуйте ручки только старым дамам,
не убоясь насмешливой молвы,
как делал Август бывший Авраамом,
сыскавший славу на любви вдовы...

Вулис начал пропагандировать роман со всей энергией молодого амбициозного провинциала. Помогло ему и знакомство с Константином Симоновым. В 1958 году Симонов, как сталинист, попал в опалу ⁶, его сняли с должности редактора «Нового мира» и отправили в Узбекистан собственным корреспондентом «Правды». В творческом отношении это пошло ему на пользу. Именно в Ташкенте он написал «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются». Там же Вулис познакомился с ним и пригласил на защиту своей диссертации. Вернувшись в Москву в 1960-м, Константин Симонов не забыл Вулиса. Добавил к его энтузиазму свой вес и влияние – и вот наконец первая часть «Мастера и Маргариты» печатается в «Москве» с предисловием Симонова и послесловием Вулиса. Помогло и то, что бывшая жена Симонова Евгения Ласкина возглавляла у редактора «Москвы» Евгения Ефимовича Поповкина отдел поэзии. Она взяла на себя редактирование романа.

Успех романа бросил ответ на все остальные произведения Булгакова, придав дополнительное значение как вещам достойным, вроде «Записок покойника» или «Белой гвардии», так и малозначительным фельетонам, наброскам, пробам пера. Мне хотелось взглянуть на раннего Булгакова непредвзято, глазами его современников, ничего не знавших о будущем романе, который вознесет его на Олимп русской литературы. Так Дюрер некогда глядел на зайца на знаменитой акварели, хранящейся в венской Альбертине. Глядел так, как если бы до него никто зайцев не видел.

Литературное окружение Булгакова было очень обширным. Я не буду говорить о многих крупных фигурах, таких как Евгений Замятин, с которым Булгаков был близок и которого он в 1931 году проводил с Белорусского вокзала в эмиграцию, и о менее значительных – как, например, Митя Стонов (Влодавский) из его раннего московского окружения (которого Булгаков хотел поцеловать в его еврейский нос ⁷). Расскажу всего о нескольких персонажах и освещу отдельные эпизоды жизни Булгакова.

Литературная жизнь Михаила Булгакова началась во Владикавказе. Он писал и раньше, но здесь он впервые рискнул зарабатывать литературным трудом. Владикавказ расположен в центральной части Северного Кавказа, на берегу Терека. Ильф и Петров в «12 стульях» писали о проблеме, с которой столкнулся во

Владикавказе Остап: «Кавказский хребет был настолько высок и виден, что брать за его показ деньги не представлялось возможным. Его было видно почти отовсюду. Других же красот во Владикавказе не было».

Город этот, основанный в конце 18-го века, при Советской власти назывался Орджоникидзе, но в 1990 году вернул себе старое название. Сейчас это столица Северной Осетии и Алании в пределах России. Здесь у входа в Дарьяльское ущелье начинается Военно-Грузинская дорога, ведущая через перевалы в Грузию. Местное название – Дзауджикау.

Все эти звучные литературно-исторические названия оставили Булгакова равнодушным. Своего «Путешествия в Арзрум» он не написал. Он попал во Владикавказ в возрасте Пушкина, но, в отличие от него, – не по своей воле. Булгаков бежал из Киева от большевиков, был мобилизован деникинцами и направлен сюда как военный врач. Было это в 1919 году. В феврале 1920-го армия Деникина оставила Владикавказ, но Булгаков застрял, потому что заболел возвратным тифом. Очнулся – в городе комиссары. Опасаясь очередной мобилизации, Булгаков поначалу скрыл свою врачебную профессию и решил представить себя писателем.

Конечно, выбор новой профессии был не случаен. Уже с 1916 года, работая земским врачом, он начал описывать эпизоды своей практики, писал в стол, отказываясь показать результаты даже жене Татьяне – Тасе⁸. Гораздо позднее эти драматические миниатюры были собраны в книге «Записки юного врача».

Булгаков устроился на работу заведующим литературной секцией в подотдел искусств Владикавказского ревкома. А возглавлял подотдел человек, который вскоре сделал его героем своего романа, – Юрий Львович Слезкин (1885–1947).

Жизнь начальника и подчиненного при советской власти началась, как и полагается, с ареста. И должна была закончиться расстрелом – ведь оба чуть ли не вчера сотрудничали в деникинских газетах «Кавказ» и «Грозный» и писали для ОСВАГа (ОСВедомительное АГентство Добровольческой армии). По легенде, спас их Нарком просвещения Терской Советской Республики Б.Е.Этингоф⁹. Я не случайно говорю «по легенде». Многие эпизоды в жизни Булгакова являются воспоминаниями разных лиц о днях далекой молодости. Рассказы эти варьируются в зависимости от позиции рассказчика или от простой забывчивости. История встречи Этингофа и Булгакова имеет по крайней мере два варианта. Один из

них изложен Мариэттой Чудаковой, второй – внучкой Этингофа О.Е.Этингоф. Приведу здесь второй, где слова Бориса Этингофа передаются следующим образом:

«Однажды мне прислали список участников ОСВАГа. Там были две фамилии: Юрий Слезкин и Михаил Булгаков. У обоих были помещены рассказы. Я просил, чтобы ко мне привели этих двух заключенных. Назавтра они должны были перестать существовать...».

Далее Этингоф противопоставляет испуганного и извиняющегося Слезкина Булгакову, который в критической ситуации ведет себя вызывающе:

«Следующим привели М.Булгакова. Предложил ему сесть. Он ответил: – могу и стоять. На вопрос, верно ли, что он участвовал в журнале, он ответил – да, и не только эта статья, но были и две другие, – и рассказал, почему он это делал: – знаете, они поступают плохо, но и вы тоже поступаете плохо, – и дал большую критику, без брани, пристойную, но очень резкую и странную критику. – Есть ли у вас еще профессия, кроме того, что вы писатель? – Писатель, с позволения сказать, а в жизни я врач. – Если вы останетесь живы, мы направим вас к больным, которых присылают с дороги... Можете ли вы обещать, что будете честно работать? – Он ответил: – вы, по-видимому, не знаете, что такое профессия врача. Врачу безразлично, красного, белого или зеленого он будет лечить. Нечего спрашивать. Иначе я работать не могу и, конечно, буду делать все, чтобы помочь, в силу своего разума... Он вел себя очень вызывающе. Все, что он говорил, было очень разумно, но форма была такая, что могла вызвать возмущение у делающего допрос. – Хорошо. Пришло два новых эшелона, и с завтрашнего дня вы приступаете к этой работе. Булгаков сказал: – хорошо, – и замечательно работал».

Рассказанная версия противоречит утверждениям, что Булгаков свое докторство тщательно скрывал. Однако похоже, что арест имел место: сообщения о нем и о последующем расстреле Слезкина кочевали из одной эмигрантской газеты в другую целый год, что позволило Слезкину в 1921 году заявить: «Слух о моей смерти, несомненно, преувеличен: я сегодня жив, что, конечно, не дает мне возможности поручиться за завтрашний день». О Булгакове ничего не писали, никто о нем ничего не знал. А вот Слезкин был популярным автором еще до Первой мировой войны. Он был старше Булгакова на шесть лет и ни на что, кроме писательства, жизни своей не тратил. Особенный резонанс вызвал его роман «Ольга Орг» 1914

года, выдержавший 10 изданий. По нему был поставлен кинофильм «Обожженные крылья».

Булгаков характеризовал Слезкина в «Записках на манжетах» как «литератора со всероссийским именем». Печатная продукция самого Булгакова в момент их знакомства ограничивалась агитками в деникинских газетах – как, например, вот эта, напечатанная в газете «Грозный» в ноябре 1919 года под названием «Грядущие перспективы»: «Расплата началась. Герои-добровольцы рвут из рук Троцкого пядь за пядью русскую землю... Но придется много драться, много пролить крови, потому что пока за зловещей фигурой Троцкого еще топчутся с оружием в руках одуроченные им безумцы, жизни не будет, а будет смертная борьба». В общем, злодей Троцкий во всем виноват. Может, поэтому к Булгакову благоволил Сталин?

О Владикавказе Слезкин написал в 1922 году роман «Столовая гора». Столовая гора – это гора с плоской вершиной, у основания которой и расположен город. Позднее роман публиковался под названием «Девушка с гор»¹⁰. В романе он вывел Булгакова под именем литератора Алексея Васильевича Турбина. Известно, что Булгаков во Владикавказе написал пьесу «Братья Турбины» (не путать с «Днями Турбиных»), поставленную там же в октябре 1920 года¹¹. Пьеса пользовалась местным успехом. Вероятнее всего, Слезкин заимствовал имя из пьесы. Во всяком случае, никаких трений между ними из-за этого не возникало.

После красочной увертюры, показывающей экзотические картины жизни города, повествование в романе Слезкина становится более трезвым. Белые ушли, и у подножья гор, как пена у береговых скал, остались те, кого в скором времени будут называть «внутренней эмиграцией», – в частности, полная театральная труппа старого образца. В результате во Владикавказе в день очередного красного праздника детям показывают спектакль по стихам Г. Гофмана «Степка-растрепка», а красноармейцам – пьесу Леонида Андреева «Дни нашей жизни»¹². И все это – в городе, где, по словам Слезкина, «ингуши ненавидят осетин, осетины – ингушей, а терские казаки – тех и других; ...они нападают друг на друга, угоняют скот, палят аулы – для того, чтобы потом всем вместе торговать на базаре и числиться гражданами великой РСФСР».

Интересно тут же процитировать «Записки на манжетах», где Булгаков упоминает Слезкина под его настоящим именем, говоря, что в его глазах «страх с тоской в чехарду играют»:

«Зашептал женский голос:

– Сегодня ночью ингуши будут грабить город...

Слезкин дернулся в кресле и поправил:

– Не ингуши, а осетины. Не ночью, а завтра с утра.

...

– Боже мой? Осетины?! Тогда это ужасно!

– Какая разница?..

– Как какая? Впрочем, вы ведь не знаете наших нравов. Ингуши, когда грабят, то... они грабят. А осетины грабят и убивают...»

Похоже, этим и ограничивался интерес Булгакова к восточному колориту. Творческого энтузиазма он у него не вызывал.

Булгаков-Турбин представлен загадочной, но безусловно крупной личностью. Слезкин показывает своего героя как известного литератора. Худой, почти двумерный, после перенесенного тифа он передвигается на негнущихся ногах, опираясь на палку. Кажется гораздо старше своих лет. В романе Турбина тридцать два года. Слезкин рисует его человеком крайне осторожным, тщательно скрывающим врачебное прошлое, прячущим свои истинные взгляды за иронической улыбкой.

Днем Турбин ухаживает за «девушкой с гор», Милочкой. Затем приходит домой, где спит его измученная жена, снимает ботинки, надевает на голову женин фильдекосовый чулок, завязанный узлом на макушке, и пишет роман под названием «Дезертир». Рукопись он хранит за портретом Карла Маркса, который висит у него в комнате.

Образ Турбина в романе все же собирательный. Так, в доме Турбина, на полу, в картонной коробке спит его маленький сын. Сын во Владикавказе был у самого Слезкина. Однако, когда в какой-то момент Турбин пессимистически оценивает самого себя, мы слышим мнение Слезкина о Булгакове:

«Собственно говоря, что он такое?.. Неудачливый журналист, мечтающий написать роман. Доктор, сам старающийся забыть об этом. Человек, не лишенный некоторой наблюдательности, кое-что умеющий видеть».

Довольно трезвая оценка в тот момент. Еще долго Булгаков и сам не был уверен в сделанном выборе. Лишь пятью годами позже он опубликовал первый опус, который доставил ему самому удовлетворение. Речь идет о «Богеме», в которой он возвращается к последнему периоду пребывания во Владикавказе. Вот как писал об этом сам Булгаков:

«Сегодня вышла “Богема” в “Красной Ниве” №1. Это мой первый выход в специфически-советской тонко-журнальной клоаке. Эту вещь я сегодня перечитал, и она мне очень нравится... Кажется, впервые позволю себе маленькое самомнение и только в дневнике, – написан отрывок совершенно на “ять”, за исключением одной, двух фраз».

«Богема» – действительно очаровательная миниатюра. К описываемому моменту Булгаков был уже вычищен из подотдела искусств и пахло новым арестом. Его жена пошла работать в контору угрозыска, и это казалось предусмотрительным ходом, пока начальника милиции не арестовали как бывшего белогвардейца. Нужно было уезжать и нужны были деньги. Выручило написание революционной пьесы на туземном материале. Помогал ему в этом местный энтузиаст Гензулаев:

«Сам он мне тут же признался, что искренно ненавидит литературу, вызвав во мне взрыв симпатии к нему. Я тоже ненавижу литературу и уж, поверьте, гораздо сильнее Гензулаева. Но Гензулаев на зубок знает туземный быт, если, конечно, бытом можно назвать шашлычные завтраки на фоне самых постылых гор, какие есть в мире, кинжалы неважной стали, поджарых лошадей, духаны и отвратительную, выворачивающую душу музыку.

...Мы ее написали в семь с половиной дней, потратив, таким образом, на полтора дня больше, чем на сотворение мира. Несмотря на это, она вышла еще хуже, чем Мир».

По приезду в Москву Булгаков уничтожил все пять пьес, написанных им во Владикавказе, но именно эта, упомянутая в «Богеме» – «Сыновья Муллы», – сохранилась.

В 1921 году Булгаков через Баку и Тифлис попадает в Батум. Отсюда, как писал Есенин:

Корабли плывут
В Константинополь.
Поезда уходят на Москву.

Булгаков выбирает Москву, хотя и всерьез думал отправиться в другом направлении. Из Батума в тот год это было нетрудно сделать. В Москву он приезжает в 1921 году. Туда же добирается и Слезкин, но через Полтаву, где он проводит полгода в подвалах Чека за статью «Красная одурь», напечатанную в той же деникинской газете, где печатался и Булгаков. В Москве продолжается их близкая дружба.

Причиной некоторого их отстранения была первая «смена вех»,

что в Булгаковском понимании означало смену жен (об этом ниже). Слезкин, который был свидетелем того, как первая жена Булгакова, Тася, выхаживала его во Владикавказе, не одобрял этого поступка. Булгаков и Слезкин оставались на «ты», но в результате охлаждения отношений Слезкин не присутствовал на читках «Мастера и Маргариты». Он высоко оценил «Белую гвардию» как хороший дебют, но ждал большего, чем незаконченный «Театральный роман» – в котором, кстати, он мог узнать себя в образе Ликоспастова, не очень-то выигрышном.

Его окончательный вердикт по поводу Булгакова был таков: очень талантлив, но мелок. Имел ли он основания для такого суждения? В общем-то, да. Это было мнение писателя, у которого еще в 1928 году вышел восьмитомник.

Кстати, у Слезкина все сложилось не так плохо. После письма Юрия Львовича Сталину в 1935 году его снова начали печатать – и печатали до 1947 года, когда он умер в своей постели. Тем не менее в истории литературы он остался «достоянием доцентов».

Интересно, что внук Слезкина, полный тезка своего деда Юрий Львович Слезкин, эмигрировал в США в 1983 году. В настоящее время он – профессор и директор Института славянских, восточноевропейских и евразийских исследований в Беркли, член Американской академии искусств и наук.

Но вернемся к Булгакову. С 1921 года он в Москве, а в марте 1922-го в Берлине начинает выходить газета «Накануне», рупор сменовеховских настроений. Идея «смены вех» родилась в среде русских эмигрантов в Берлине. Предполагалось признать, что происшедшее в России необратимо. Была надежда, что политика новой власти нормализуется. Это были начальные годы НЭПа. По мнению сменовеховцев, задача старой интеллигенции была – работать на благо родины, восстанавливать разорванные связи между дореволюционной и новой культурой.

Сменовеховцы прислали в Россию редакторов и в июле 1922 года открыли московскую редакцию. В тот момент эта инициатива поддерживалась официальной Москвой. Для Булгакова, который называл эту газету «Сочельник», появился шанс публиковать свои опусы. Большое число его фельетонов и рассказов было опубликовано на протяжении двух лет (1922–1924), и как хорошо известно, доброго слова для «Накануне» у Булгакова не нашлось.

Небольшое отступление. Здесь и далее я буду цитировать дневник Булгакова, изъятый у него в 1926 году во время обыска и

только поэтому сохранившийся. Резкость его оценок надо понимать с учетом того, что это были сугубо личные записи, не предназначенные для чужого глаза. Так, в дневнике он называл сменовеховцев «веселые берлинские б***», а по поводу своего участия в «Накануне» записал в октябре 1923 года:

«Мои предчувствия относительно людей никогда меня не обманывают. Никогда. Компания исключительной сволочи группируется вокруг “Накануне”. Могу себя поздравить, что я в их среде. О, мне очень туго придется впоследствии, когда нужно будет соскребать накопившуюся грязь со своего имени. Но одно могу сказать с чистым сердцем перед самим собой. Железная необходимость вынудила меня печататься в нем. Не будь “Накануне”, никогда б не увидели света ни “Записки на манжетах”, ни многое другое, в чем я могу правдиво сказать литературное слово».

Как же оценивали Булгакова в «Накануне»? Редактором литературного приложения в берлинской редакции был не кто иной, как граф Алексей Николаевич Толстой. Алексей Николаевич родился в 1883 году, был на восемь лет старше Булгакова, публиковаться начал со стихов в 1907 году. Он был колоритным фигурантом еще дореволюционной литературной «тусовки». В частности, был секундантом Волошина на очень литературной дуэли последнего с Гумилевым из-за сплетни о поэтессе Черубине де Габриах. Местом дуэли была выбрана, конечно, Черная речка под Петербургом. Все это выглядело опереточно, но пистолеты были настоящие. Пистолет Волошина дважды дал осечку, а Гумилев промахнулся или специально выстрелил мимо.

Итак, Толстой был маститым – и несколько скандальным из-за своего происхождения – писателем задолго до того, как Булгакову удалось первый раз опубликоваться. Толстой в эмиграции с 1919 года, с 1921 года – в Берлине. В газете «Накануне» – с момента ее основания. Булгакова он заметил сразу же. Он писал Эмилию Миндлин¹³, который представлял «Накануне» в Москве: «Шлите побольше Булгакова!». И тот посылал, не реже одного раза в неделю, – а это значило, что Булгаков сотрудничал очень активно.

В своем дневнике Миндлин вспоминает Булгакова тех лет: *«Булгаков очаровал всю редакцию светской изысканностью манер... особенно формой обращения к собеседникам с подчеркиванием отмершего после революции окончания “с”, вроде “извольте-с” или “как вам угодно-с”. Целованье ручек у дам и почти паркетная церемонность поклона –*

решительно все выделяло его из нашей среды».

Ревнивое отношение Булгакова ко всегда благополучному Толстому можно понять. Сам он, чтобы выжить, устроился обработчиком писем трудящихся в газету «Гудок»¹⁴. И был этим счастлив. Его коллега Илья Ильф хорошо его отрекомендовал: «Что вы хотите от Миши? Он только-только, скрепя сердце, признал отмену крепостного права. А вам надо сделать из него строителя нового общества!».

Но безобидным ретроградом он не был. Арон Эрлих¹⁵, устроивший Булгакова в «Гудок», говорит: «Он иногда заставлял насстораживаться самым уклоном своих шуток». И действительно, свои первые фельетоны в «Гудке» он подписывал псевдонимом Герасим Петрович Ухов – Г.П.Ухов. Или даже: «Подслушал Г.П.Ухов». В конце концов это было замечено, и Булгаков получил разнос от ответственного секретаря Августа Потоцкого.

Самый большой успех этого времени для Булгакова – премьера «Дней Турбиных» (1926 г., 5 октября) – застал его в «Гудке». В скором времени в МХАТ поступили еще две пьесы гудковцев: «Растратчик» Катаева и «Три толстяка» Олеси. Валентин Катаев описал это так: «Когда Станиславского спросили, привлекает ли театр рабочих авторов, он не без находчивости ответил: “Как же, как же, разве вы не знаете, что у нас идет пьеса железнодорожника Булгакова и готовятся еще две пьесы железнодорожников”».

Катаев пишет о Булгакове хорошо, говорит, что его товарищи по «Гудку» относились к его писаниям ревниво, но оценивали высоко.

В повседневной жизни не все было гладко: Катаев ухаживал за сестрой Булгакова, Еленой Афанасьевной – прототипом «синеглазки» в повести «Алмазный мой венец». «Синеглазый» – Михаил – однако не дал согласия на брак, потому что Катаев был беден. Булгаков считал себя главой семьи – его отец умер задолго до революции. Прежде чем запрещать, Булгакову стоило бы прочесть запись о Катаеве в одесском дневнике Ивана Бунина:

«Был Валентин Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: “За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...”»

Ясно было, что он добьется своего, что и произошло. Однако Булгаков не читал Бунина, и его отношения с Катаевым расстроились.

Но вернемся к Алексею Толстому. В 1923 году Толстой рискнул

приехать в Россию, чтобы разведать обстановку, и в этот приезд познакомился с Булгаковым. Булгаков относился к Толстому с интенсивным интересом. Все в нем привлекало и раздражало. Он записал в дневнике: «Из Берлина приехал граф Алексей Толстой, держит себя распушенно и нагло. Много пьет». В июле того же года Толстой вернулся в Россию окончательно. Булгаков вновь встретился с ним и записал: «Трудовой граф чувствует себя хорошо, толсто и денежно. Зимой он будет жить в Петербурге, где ему уже отделяют квартиру, а пока живет под Москвой на даче...»

Интересно описание этой встречи. Собрались у Коморских, друзей Булгакова. Женщин не приглашали, но жена Владимира Коморского была больна, и за хозяйку пригласили жену Булгакова Татьяну, Тасю. Пока джигиты разговаривали, Тася таскала судки с кухни. Подвыпившие гости демонстрировали галантность и каждый раз предлагали ей выпить рюмочку. В результате Татьяна, по собственному признанию, наклюкалась и на кухне села на блюдо с помидорами. К концу вечера распаренная Тася выглядела не очень привлекательно. По легенде, именно во время этой встречи Алексей Толстой дал совет: для достижения успеха писателю необходимо иметь трех жен. Сам Толстой остановился на четвертой.

Совет был принят к сердцу, и год спустя Булгаков женился вторично, на бывшей балерине Любове Евгеньевне Белозерской¹⁶, которая, кстати, прибыла из Берлина на пароходе «Силезия» вместе с Толстым. Булгаков познакомился с ней на вечере, устроенном в честь опять-таки Толстого в московской редакции «Накануне» в январе 1924 года.

Этим «матримониальные» связи двух писателей не ограничились: дочь Толстого от второго брака Марианна была первой женой Евгения Александровича Шиловского, второго мужа третьей жены Булгакова, Елены Сергеевны.

В новой для него Москве Булгаков ищет контакты среди «настоящих москвичей» и начинает посещать «Никитинские субботники». Это сообщество существовало в Москве с 1914 года как литературный салон преподавателя литературы Николая Валериановича Богушевского (вскоре после революции он был арестован и следы его затерялись). Однако фактическим создателем салона была его жена Евдокия Федоровна, родом из Ростова-на-Дону. Имя свое она изменила на Евдоксию, чтобы придать ему еще большую «благославность» (буквальный перевод этого имени с греческого).

Потом был перерыв на революционные годы и на смену мужей, и в 1921 году Евдоксия Федоровна, уже Никитина, вернулась в Москву из Ростова-на-Дону, где она пересидела наиболее драматическое время. Вернулась с новым мужем, восстановила салон и зарегистрировала его как литературное объединение под новым названием «Никитинские субботники». Ее второй муж, Алексей Максимович Никитин, был министром почт, телеграфов и внутренних дел при Временном правительстве и окончил свои дни, как и следовало ожидать, на Коммунарке в 1939 году. Однако это было еще впереди, а в те годы он руководил издательством при объединении.

Заметим, что еще в 1932 году Евдоксия Федоровна поступила предусмотрительно и вышла замуж третьим браком за того самого Бориса Евгеньевича Этингофа, который, согласно легенде, когда-то спас Булгакова от расстрела. Четыре года спустя Этингоф был исключен из партии, но уцелел и умер в Москве в 1958 году.

Кстати, обладая удивительной непотопляемостью, «Никитинские субботники» возродились в Москве во времена «оттепели» в 1962-м и продолжались до смерти Евдоксии Федоровны в 1973 году.

Конечно, Евдоксию Федоровну подозревали в связях с НКВД – ОГПУ, а позднее – КГБ. Но такие обвинения сами по себе не имеют смысла. Все подобные популярные собрания творческой интеллигенции находились – и скорее всего, по-прежнему находятся – под контролем соответствующих органов. А как же иначе?

Особенностью атмосферы «Никитинских субботников» было отсутствие определенного направления и идеологии. Это был именно салон, нейтральная территория, где острые обсуждения не поощрялись. Здесь бывали в разное время Марина Цветаева и Илья Сельвинский, Осип Мандельштам и Михаил Пришвин, Корней Чуковский, Борис Пильняк, Исаак Бабель, Константин Федин. Часто бывали актеры Василий Качалов, Иван Москвин, Елена Гоголева, Александра Яблочкина. Приходили художники – Кукрыниксы, Евгений Лансере, Константин Юон и др.

Булгаков был принят в этом кругу, и в 1923 году, в традициях клуба, удостоился рисованного портрета, который был сделан известным графиком Александром Куренным.

Но, похоже, Булгаков не вполне понимал характер этого клуба и ждал от него большего. Здесь в декабре 1922 года и в январе 1923-го Булгаков читает расширенный вариант «Записок на манжетах». В

протоколе заседания 30 декабря 1922 года зафиксировано: «Михаил Афанасьевич в своем предварительном слове указывает, что в этих записках, состоящих из трех частей, изображена голодная жизнь поэта где-то на юге. Писатель приехал в Москву с определенным намерением составить себе литературную карьеру. Главы из 3-й части Михаил Афанасьевич и читает».

Годом позже Булгаков читает здесь «Роковые яйца». Идет на заседание с большими надеждами, ожидая своего рода цехового признания. Однако этого не происходит, и в дневнике Булгаков подводит итог двум годам своего посещения салона: «Эти “Никитинские субботники” – затхлая, советская, рабская рвань, с густой примесью евреев». Не слишком великодушно, но типично для Булгакова. Неясно даже, чего в этой фразе больше – антисоветизма или антисемитизма.

Антисемитизм Булгакова не выходил далеко за средний уровень, типичный для русского интеллигента. Так же, как мы здесь, в Америке, не преминем отметить цвет кожи того или иного персонажа – про себя, а порой и вслух, – Булгаков не забудет отметить, что такой-то – еврей. Причем, за этим может последовать и вполне положительная оценка. Вот, например, о Вересаеве:

«Верес(аев) очень некрасив, похож на пожилого еврея (очень хорошо сохранился). У него очень узенькие глаза, с набрякшими тяжелыми веками, лысина. Низкий голос. Мне он очень понравился. С ним были две дамы, по-видимому жена и дочь. Очень мила жена».

Раз уж я упомянула Викентия Викентьевича Вересаева, приведу и его мнение о Булгакове. Во многих публикациях можно прочесть следующую трогательную историю их встречи в 1923 году:

«Булгаков долго собирался с духом и однажды решился прийти к Вересаеву домой.

Дверь открыл сам писатель.

– Чем могу служить? – спросил Вересаев.

– Да, собственно, ничем, Викентий Викентьевич, – виновато пробормотал Булгаков, как бы оправдываясь за внезапное вторжение, – просто хотел позвать вам руку... Ваша книга “Записки врача” очень мне понравилась...

Вересаев промолчал.

– До свидания, – неловко продолжил Булгаков. Вересаев поинтересовался фамилией визитера. Узнав, что перед ним автор “Записок на манжетах”, воскликнул: – Голубчик вы мой, что же вы

мне сразу не сказали?.. Раздевайтесь, пожалуйста, заходите, гостем будете.

Так состоялось знакомство двух врачей, выбравших в жизни литературную дорогу».

Трудно представить Булгакова, смущенно топчущегося в прихожей, но правда была в том, что, действительно, крыгь-то особо было нечем: булгаковские «Записки юного врача», которые могли бы привлечь внимание Вересаева, были опубликованы только в 1925–1926 годах. А ожидать, что Вересаев заинтересуется «Записками на манжетах», оснований не было.

Однако Вересаеву не изменило чутье – из массы публикаций он выделил одну и запомнил фамилию автора. В дальнейшем его отношение к Булгакову было отношением маститого писателя с именем к молодому, подающему надежды. Он высоко оценил «Белую гвардию», был свидетелем кратких лет «моды» на Булгакова, а в год катастрофы, 1929-й, помог ему деньгами, которые Булгаков потом долго и щепетильно отдавал. О его высокой оценке Булгакова говорит и согласие работать совместно над пьесой «Последние дни» («Александр Пушкин»). И хотя из этого ничего не вышло, они сохранили цивилизные отношения.

Булгаков любил писать письма Вересаеву. С особым вкусом, притом каким-то псевдостаромодным стилем, он писал об обиденных вещах, например: «...болен я стал, Викентий Викентьевич... По-ученому это называется нейростения, если не ошибаюсь». В таком же духе позднее он описывал ему свою новую квартиру в Нащокинском переулке: «Замечательный дом, клянусь! Писатели живут и сверху, и сзади, и спереди, и сбоку... Викентий Викентьевич! Правда, у нас прохладно, в уборной что-то не ладится и течет на пол из бака... но все же я счастлив. Лишь бы только стоял дом! Господи! Хоть бы скорее весна... Мечтаю о том, как открою балконную дверь. Устал, устал я...»

Но вернемся в Москву середины 20-х годов. Из литераторов с именем, которые рано оценили писательский талант Булгакова, наиболее благоприятный отзыв дал Максимилиан Волошин. Первая книга стихов Волошина вышла еще в 1910 году. С тех пор он был и оставался крупной литературной фигурой, не в последнюю очередь благодаря своей колоритной внешности и дому в Коктебеле, где склон Карадага повторяет профиль Волошина.

Сам родом из Киева, Волошин рано заметил Булгакова. В 1925 году он писал редактору сборников «Недра» Николаю Семеновичу

Ангарскому:

«В печати видишь вещи яснее, чем в рукописи... И во вторичном чтении эта вещь (Белая гвардия) представилась мне очень крупной и оригинальной; как дебют начинающего писателя ее можно сравнить только с дебютами Толстого и Достоевского». ¹⁷

Волошин дал такой капитальный аванс Булгакову, потому что тема «Белой гвардии», как и мировоззрение Булгакова, были ему очень близки. Он уже Февральскую революцию не принял, считал, что она открывает дорогу следующим за ней более кровавым потрясениям. Позицию писателя в этих условиях он понимал так:

Творческий ритм от весла, гребущего против течения,
В смутах усобиц и войн постигать целокупность.
Быть не частью, а всем; не с одной стороны, а с обеих.

Волошин приглашает Булгакова с женой в Коктебель в 1925 году. В тот год Остроумова-Лебедева на даче Волошина пишет акварельный портрет Булгакова. Булгаков не обделен прекрасными фотографиями, на которых он хорош собой и представлен или как денди с моноклем, или в одной из тех канонических поз, которые приличествует принимать литератору-классику. Иначе говоря, помпы он не чурался. Известно, что он был блондином, но фотографии, разумеется, были черно-белыми, и на многих он выглядел жгучим брюнетом. На этом же портрете он весь золотой и оранжевый. Это чудесный летний портрет. Светлые глаза на обгоревшем на солнце лице, белая рубашка и на голове что-то вроде банданы, еще не шапочка Мастера. Этот дикий, непохожий на все другие, неканонический портрет Булгаков очень любил. Он стоял наверху его рабочего бюро красного дерева в последней его квартире в Нащокинском переулке в Москве.

Дважды Волошин дарит Булгакову свои акварели – виды Крыма, Карадага – с весьма сердечными надписями. Вот одна из них: «Дорогому Михаилу Афанасьевичу, первому, кто запечатлел душу русской усобицы, с глубокой любовью».

После постановки «Дней Турбиных» (5 октября 1926 года) происходит взрыв интереса к любой печатной продукции Булгакова. Это его 15 минут (а точнее – два года) славы как собственно писателя. Поэт-имажинист Вадим Шершеневич пишет в те годы в фельетоне:

«– Надо написать большую статью об одном молодом писателе, который в последнее время начинает выдвигаться.»

– *Что вы, что вы! Опять о Булгакове! Не могу!*»

Помимо уже напечатанной в журнале «Россия»¹⁸ «Белой гвардии» именно в этот период альманах «Недра»¹⁹ публикует его «Дьяволиаду» и «Роковые яйца». Эти его крупные вещи подвергаются самому большому натиску критики.

Заметим, что из многочисленных критиков и издателей Булгакова тех лет практически никто не пережил террор. Исключением был Виктор Шкловский – писатель, критик, эсербоевик, дуэлянт²⁰, Георгиевский кавалер и создатель ОПОЯЗа – Общества по изучению поэтического языка. Это его Вениамин Каверин представил в своем романе 1928 года «Скандалист, или вечера на Васильевском острове» под именем Виктора Некрылова.

Оба брата Виктора Шкловского были расстреляны – Николай в 1918-м, Владимир в 1937-м, – а он выжил и умер в Москве в своей постели в 1984 году.

Шкловский был в Киеве в 1918-м, и Булгаков вывел его в «Белой гвардии» как отрицательного героя, под именем Михаила Семеновича Шполянского, который выводит из строя броневика гетмана Скоропадского. Шкловский сам признавался в этом в своей хронике того времени «Сентиментальное путешествие» – он подсыпал сахар в бензобаки броневиков.

Шкловский упомянул Булгакова в своей книге «Гамбургский счет». Книга знаменита прежде всего введением самого понятия «гамбургский счет» – как подлинной, нелицеприятной оценки, свободной от сиюминутных обстоятельств и корыстных интересов:

«Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы.

Они борются при закрытых дверях и завешанных окнах.

Долго, некрасиво и тяжело.

Здесь устанавливаются истинные классы борцов – чтобы не исхалтуриться.

Гамбургский счет необходим в литературе.

По гамбургскому счету – Серафимовича и Вересаева нет.

Они не доезжают до города.

В Гамбурге – Булгаков у ковра.

Бабель – легковес.

Горький – сомнителен (часто не в форме).

Хлебников был чемпион».

Написано это было в 1924-м, опубликовано – в 1926 году. «Булгаков у ковра» – что это значит? Рыжий у ковра, развлекающий публику в перерыве между схватками настоящих борцов? Основной

частью писательской продукции Булгакова в эти годы были фельетоны, так что эта оценка была не лишена оснований. Отношения Булгакова и Шкловского испортились.

Персональное внимание к Булгакову Шкловский проявил, написав рецензию на «Роковые яйца» в 1925 году:

«Дело в том, что в искусстве есть чередования главенства формы и материала. Сейчас одолевает материал. Самая переживаемая часть произведения – тема. Успех АХРР, Гладкова и Михаила Булгакова равнокачественен».

(АХРР – Ассоциация художников революционной России – была объединением художников-академистов, решивших приложить свою классическую выучку к новым темам. Наиболее известные из них – Исаак Бродский, Евгений Кацман и первый президент Академии художеств СССР Александр Герасимов. Федора Гладкова с его «Цементом», опубликованным в 1925 году, представлять не нужно. «Цемент» – одно из классических произведений соцреализма. В эту компанию, по мнению Шкловского, попадает и Булгаков.)

«Бывают такие эпохи в искусстве, и они необходимы: завоевывается новый материал. Как пишет Михаил Булгаков? Он берет вещь старого писателя, не изменяя строение и переменяя его тему. Так шоферы пели вместо: “Ямщик, не гони лошадей” – “Шофер, не меняй скоростей”.

Возьмем один из типичных рассказов Михаила Булгакова “Роковые яйца”.

Как это сделано?

Это сделано из Уэллса.

...

Машиной владеет неграмотная посредственность. Так сделаны “Война в воздухе”, “Первые люди на Луне” и “Пища богов”.

...

Я не хочу доказывать, что Михаил Булгаков плагиатор. Нет, он – способный мальчик, похищающий “Пищу богов” для малых дел.

Успех Михаила Булгакова – успех вовремя приведенной цитаты».

О творчестве Булгакова в те годы писал не только «скандалист» Шкловский, но и «нормальные» критики. Вот пример такого отзыва в статье Евгении Мустанговой:

«Литературная судьба Булгакова печальна: до сих пор имя его затрагивалось лишь в небольших рецензиях, которые отводили ему обычно полочку между Эренбургом и Замятиным, и этим оценка Булгакова как писателя исчерпывалась ...

А между тем Булгаков заслуживает внимания марксистской критики двумя неоспоримыми качествами: 1) несомненной талантливостью, умением делать литературные вещи и 2) не-нейтральностью его, как писателя, по отношению к советской общественности, чуждостью и даже враждебностью его идеологии основному устремлению и содержанию этой общественности».

В этой атмосфере хвалить Булгакова без оговорок было просто опасно. Не случайно редкий положительный отзыв о «Роковых яйцах», помещенный в «Новом мире», не был подписан полным именем: Л-в (может, это был Абрам Лежнев):

«Повесть Булгакова – это не просто “легкое чтение”. Лица, типы, картины – все это невольно запоминается, все это злободневно и метко. Маленькой фразы достаточно, чтобы осветить ярким лучом смеха как будто неприметный уголок нашей сегодняшней жизни».

Лучше других писали о Булгакове критики «Перевала» – например, Абрам Лежнев и основатель «Перевала» Александр Воронский. Но понимание происходящего у обоих было марксистское, и для них была очевидна чуждость Булгакова. Это всегда было камнем преткновения при попытке критически осмыслить написанное Булгаковым.

Например, Лежнев, отзываясь о «Белой гвардии», говорит, что автор старается подражать Льву Толстому (лестное сравнение), но пеняет Булгакову за поэтизацию персонажей. Воронский называет «Роковые яйца» и «Белую гвардию» вещами выдающегося литературного качества, но замечает: «Писатель сам подает повод для всяческих кривотолков, и в конце концов неизвестно, куда он ведет нас: может быть, совсем не туда, куда хочет идти наш новый читатель, которому дорог Октябрь».

Итог своей жизни в литературном процессе этого десятилетия Булгаков подвел сам, когда подсчитал, что на 298 отрицательных отзывов пришлось лишь три положительных.

Для критиков же, пытавшихся разобраться, к чему зовут «Роковые яйца», итог подвел «большой террор». Евгения Яковлевна Рабинович – Мустангова и Абрам Зеликович Горелик – Лежнев родились в еврейских семьях, Александр Воронский – в семье православного священника. Все они были расстреляны в конце 30-х годов. Издатель и редактор «Недр», где были напечатаны «Роковые яйца», Николай Семенович Клестов – Ангарский был расстрелян несколько позднее – в 1941 году.

Из тех критиков, для которых Булгаков был однозначно

вредоносным явлением, упомянем троих. Все трое, согласно соперничающим мнениям булгаковедов, могли быть прототипами критика Латунского в романе «Мастер и Маргарита». Это друг Маяковского Осаф Литовский, это Александр Орлинский, театральный критик, возглавлявший одно время (1923–1925гг.) Общество Друзей Воздушного Флота (ОДВФ) СССР, и Леопольд Авербах, глава РАППа (Российской Ассоциации Пролетарских Писателей).

Чеканнее всего позицию этой группы критиков выразил Осаф Литовский: «Произведения Булгакова, начиная от его откровенно контрреволюционной прозы и кончая “Мольером”, занимают место не в художественной, а в политической истории нашей страны, как наиболее яркое и выразительное проявление внутренней эмиграции, хорошо известной под нарицательным именем “булгаковщины”»²¹.

Литовский был единственным, кто не имел заслуг перед революцией. Видимо, это его и спасло. Орлинский и Авербах погибли в конце 30-х годов.

При всплеске интереса к Булгакову как к литератору, вызванном постановкой «Дней Турбиных» во МХАТе, обилие критической ругани было все же не смертельным. В сезоне 1926 года «Дни Турбиных» шли во МХАТе, «Зойкина квартира» – в студии Вахтангова, а «Багровый остров» – в Камерном театре. У писателя были деньги, будущее представлялось радужным.

Конец благополучию положила начавшаяся в 1928 году кампания «правая опасность и театр». Руку к этому приложил и Маяковский. Он был близок к Булгакову по возрасту, лишь на два года младше. Они встречались в литературных клубах, пикировались, играли в бильярд. Однако Маяковского бесконечно раздражал успех «Дней Турбиных». Дело для него было не в качестве пьесы, а в самом факте успеха подобной пьесы и «булгаковщины» в целом.

В октябре 1926 года с докладом «Театральная политика Советской власти» выступил Луначарский, а Маяковский выступил в прениях. Специально остановился на пьесе «Дни Турбиных», используя для пущего эффекта ее оригинальное название:

«В чем неправ совершенно, на 100%, был бы Анатолий Васильевич? Если бы думал, что эта самая “Белая гвардия” является случайностью в репертуаре Художественного театра. Я думаю, что это правильное логическое завершение: начали с тетей Маней и дядей Ваней и закончили “Белой гвардией”. Для меня во сто раз приятнее, что это нарвало и

прорвалось, чем если бы это затушевывалось под флагом аполитичного искусства ...Мы случайно дали возможность – под руку буржуазии – Булгакову пискнуть – и пискнул. А дальше мы не дадим. (Голос с места: – запретить?) Нет, не запретить. Чего вы добьетесь запрещением? Что эта литература будет разноситься по углам и читаться с таким удовольствием, как я 200 раз читал в переписанном виде стихотворения Есенина».

Вместо этого Маяковский предлагает устраивать обструкции в театральном зале, а если будут составлять протокол по поводу хулиганства, то в отдельный протокол вносить тех, кто аплодирует. Его возмущает, что театр потрафляет не той публике, которой он должен посвящать всю свою творческую энергию.

Еще раз Маяковский «ужалил» Булгакова в пьесе «Клоп», написанной осенью 1928 года, – единственного из всех драматургов – современников.

Действие происходит в 1979 году, через 50 лет после гибели героя пьесы Пьера Скрипкина (он же Петр Присыпкин, бывший партиец и рабочий). Профессор готовится к оживлению замороженного трупа. Ассистирует ему состарившаяся медсестра Зоя Березкина, полвека назад – подруга Присыпкина, которую он бросил ради удачной женитьбы.

«Зоя Березкина:

– Товарищ! Товарищ профессор, прошу вас, не делайте этого эксперимента. Товарищ профессор, опять пойдет буза...

Профессор:

– Товарищ Березкина, вы стали жить воспоминаниями и заговорили непонятным языком. Сплошной словарь умерших слов. Что такое “буза”? (Ищет в словаре.) Буза... Буза... Буза... Бюрократизм, богоискательство, бублики, богема, Булгаков... Буза – это род деятельности людей, которые мешали всякому роду деятельности...»

Есть некая ирония в том, что памятник Булгакову во Владикавказе – кстати, первый в России (2012) – установлен на улице Маяковского.

Но наибольшим «вкладом» Маяковского в судьбу Булгакова была его – Маяковского – смерть в 1930 году. Похоже, она удержала Булгакова от самоубийства; кроме того, на следующий день после похорон Маяковского, 18 апреля 1930 года, ему позвонил Сталин и

устроил его судьбу на все следующее – и последнее – десятилетие его жизни.

Это десятилетие, особенно жизнь с третьей женой, Еленой Сергеевной Ниренберг²², и в ее интерпретации, представлена какой-то фантазмагорией, вихрем светской жизни скромного либреттиста и его жены, где ананасы в коньяке сменяются очередным посещением американского посольства в Спасо-хаусе или приемом иностранных гостей. По сути, идет проституирование Булгакова иностранцам под управлением работников НКВД, которые к тому же претендуют на роль друзей дома.²³ Жизнь Булгаковых в эти годы представлена как сытая, благополучная жизнь московской «золотой» богемы, где обувь у частного сапожника заказывают из самой дорогой лайки и где посещение престижных концертов сменяется вечерами, которые заканчиваются в пять утра следующего дня. А к 11 надо на работу в Большой театр. Как в этих условиях удалось Булгакову писать и переписывать свой знаменитый роман, количество вариантов которого булгаковеды уже довели до восьми? Тем не менее это произошло. По крайней мере можно понять, почему роман был не вполне закончен.

Как воспринимался в эти финальные годы Булгаков советской литературной средой? Приведу воспоминания Евгения Габриловича. Евгений Иосифович Габрилович – эпитомия благополучного советского писателя, он был сценаристом таких популярных фильмов, как «Машенька» Райзмана, «Убийство на улице Данте» Ромма, «Ленин в Польше» Юткевича, «В огне брода нет» Панфилова. Лауреат многих премий, герой соц. труда. В начале 30-х годов он получает квартиру с балконом все в том же Нащокинском переулке. Далее – Габрилович:

«Оказалось, что была еще одна дверь, из другой, соседней квартиры, выходящая на тот же балкон. И за этой дверью, среди мебели красного дерева и синих обоев, жил с семьей Михаил Афанасьевич Булгаков. Я знал, конечно, Булгакова по “Дням Турбиных”, он казался мне, по моим тогдашним понятиям, писателем не без возможностей. Даже талантливым. Но в те годы талантливых было вокруг великое множество, и спустя года три выяснилось, что они не очень талантливы, а потом – что совсем не талантливы.

Мы долго жили с Булгаковым рядом, в Нащокинском переулке, но, как говорится, не встречались домами. Как соседи с хрупкими стенами тридцатых годов, мы глухо слышали все, что свершалось за этими стенами: пиры и размолвки, смех, пение, назидания потомству. И чтение

вслух.

Да, в те годы Булгаков мог только читать свои вещи. Может быть, потому утвердилось и крепло во мне убеждение, что писатель он средний, хотя и своеобразный. Правда, на сцене порой давались его пьесы, но я не видел их. Среди великих Олимпа тридцатых годов, которых на все лады возносила критика, он был почти неизвестен. И как-то исподволь, но фундаментально кристаллизовалось мнение, что он сошел.

Прошли годы, дом в Нащокинском повял, одни ушли в мир иной, другие ушли в дома покрасивей... Другие волны, другое время... Вышел в свет роман «Мастер и Маргарита». Я прочитал его.

И изумился этой работе. Я поразился громаде раздумий, ярости чувств, простору пера, раздолью фантазии, грозной меткости слова. Причудливости прекрасного и ничтожного. Я читал эту странную прозу, сраженный тем, что жил рядом с этим, слышал обеды, ужины, домашний ход дня, но не слышал главного и неслышного. И я вспомнил тот единственный раз, близко к его кончине, когда, наряду с разговором о свадьбах, писателях, уличенных или, напротив, отмеченных, я спросил Булгакова и о том, что он пишет сейчас.

– Пишу кое-что, – сказал он, устремив взор с балкона к сараям. – Так, вещицу».

-----

¹ Роман «Мастер и Маргарита» был напечатан в журнале «Москва», №11, 1966, с предисловием Константина Симонова и послесловием Абрама Вулиса. Главным редактором «Москвы» в это время был Евгений Поповкин. Заметим, что это была уже не первая крупная публикация Булгакова. Еще в 1962 году в издательстве «Молодая гвардия» вышел роман Булгакова «Жизнь господина де Мольера». В справке, сопровождающей роман, Вениамин Каверин впервые упомянул о «Мастере и Маргарите» как о произведении, в котором «невероятные события происходят в каждой главе».

Первые издания отдельной книгой за рубежом – 1967, YMCA-Press, Paris; 1969, «Посев», Франкфурт-на-Майне; в России – в 1973 году, в издательстве «Художественная литература»; текст к изданию готовила Анна Саакянц; Елена Сергеевна Булгакова к этому времени уже умерла.

² Полный список изданий книги Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: <https://www.livelib.ru/book/664551/editions>.

Три новых издания 2021 года уже отмечены на сайте.

³ Надежда (Найдан) Николаевна Рушева (1952, Улан-Батор – 1969,

Москва) умерла в 17 лет от кровоизлияния в мозг. На титульной иллюстрации, изображающей встречу Берлиоза и Бездомного на Патриарших прудах, Елена Сергеевна Булгакова оставила свой автограф: «Как жаль, что я не знала это необыкновенное существо – Надю Рушеву».

⁴ В мизантропическом послании «Друзьям» 1908 года Александр Блок писал:

Печальная доля – так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достойным доцента,
И критиков новых плодить...

⁵ Давид Эйдельман. Подвиг Вулуса, или спецоперация по изданию романа «Мастер и Маргарита»:

<https://davidaidelman.livejournal.com/1015828.html>.

⁶ После смерти Сталина Симонов, шестикратный лауреат Сталинской премии, выступил со статьей, призывавшей советских и зарубежных писателей к созданию Сталинианы. Никита Хрущев на встрече партийного руководства с писателями сказал: «После XX съезда голос писателя Симонова звучит как-то невнятно!» На что тот ответил: «Никита Сергеевич! Даже шофер не сразу может дать задний ход. Одни писатели изымают из собрания своих сочинений произведения о Сталине, другие спешно заменяют Сталина Лениным, а я этого делать не буду». Результат – смещение с поста секретаря правления Союза писателей, освобождение от должности главного редактора «Нового мира» и «творческая командировка», а по сути – ссылка в Ташкент.

⁷ Дмитрий Миронович Стонов (Дмитрий Меерович Влодавский; 1897/1898–1962) – русский советский писатель. Арестован в марте 1949 года, осужден на 10 лет лагерей; освобожден в 1954 году.

5 января 1925 года Булгаков записал в дневнике: «Сегодня специально ходил в редакцию “Безбожника”. Был с М[итей] С[тоновым], и он очаровал меня с первых же шагов. – Что, вам стекла не бьют? – спросил он у первой же барышни, сидящей за столом – То есть как это? (растерянно). Нет, не бьют (злоеще). – Жаль. – Хотел поцеловать его в его еврейский нос».

⁸ Лаппа, Татьяна Николаевна (1892–1982). Первая жена Михаила Булгакова. В браке с Булгаковым: 1913–1924гг.

⁹ Борис Евгеньевич Этинггоф (Варшавский) (1887–1958). Нарком просвещения Терской Советской Республики. Редактор газеты

«Коммунист» во Владикавказе. В 1936-м исключен из партии, в 1954-м – восстановлен. Ольга Евгеньевна Этингоф, внучка Б.Е.Этингофа, – доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой истории искусства древнего мира и средних веков; старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

¹⁰ Роман Ю.Л.Слезкина «Столовая гора» впервые был опубликован в 1925 году с разрешения Луначарского. В более поздних изданиях выходил под названием «Девушка с гор». Одна из героинь романа, Милочка, – девушка с гор, романтический интерес Турбина, стремится активно участвовать в новой жизни. Все остальные герои – из «бывших».

¹¹ Во Владикавказе Булгаков написал несколько пьес: «Самооборона», «Братья Турбины», «Глиняные женихи», «Сыновья муллы» и «Парижские коммунары». Впоследствии Булгаков сжег рукописи этих пьес. Сохранилась театральная копия «Сыновей муллы», революционной пьесы на туземном материале, создание которой описано в рассказе «Богема». Эта пьеса продолжала идти в театрах Владикавказа и Грозного еще долгое время после того, как Булгаков покинул эти края.

¹² Леонид Андреев. «Дни нашей жизни», 1908.

Студент Николай Глуховцев влюбляется в нежную, чистую девушку Оль-Оль. Но Ольга признается, что она содержанка. Ее отец после смерти оставил семье долги и мизерную пенсию. Сама мать, Евдокия Антоновна, поставляет ей клиентов.

Пьеса была очень популярна, в Москве были даже выпущены конфеты «Дни нашей жизни», что Андрееву очень нравилось.

¹³ Эмилий Львович Миндлин (1900–1981) – русский советский писатель. Многолетний корреспондент «Вечерки» – «Вечерней Москвы». В 1955 году был арестован и осужден за антисоветские высказывания, с 1956 года – в ИТУ. Реабилитирован в 1971 году.

¹⁴ Отраслевая газета «Гудок» выпускается непрерывно с 1918 года и по наши дни. На Интернетe представлена сайтом *gudok.ru*. Во времена Булгакова в ней работали И. А. Ильф, Е.П.Петров (они даже жили при редакции, за фанерной перегородкой), В.П.Катаев, Ю.К.Олеша, К.Г.Паустовский, С.С.Смирнов, В.А.Чивилихин, Л.И.Славин, М.М.Зоценко, поэт Саша Красный (Александр Давыдович Брянский), который был почти сверстником Булгакова – родился в 1894-м, а умер в послеперестроечном 1995 году.

¹⁵ Арон Исаевич Эрлих (1896–1963) – советский журналист,

писатель, сценарист. Сотрудник ЛИТО Наркомпроса, газеты «Гудок». В 1922 году помог Булгакову получить работу в «Гудке».

В автобиографической повести «Тайному другу» Булгаков вывел Эрлиха под именем Абрам: «На одной из моих абсолютно уж фантастических должностей со мной подружился один симпатичный журналист по имени Абрам. Абрам меня взял за рукав на улице и привел в редакцию одной большой газеты, в которой он работал».

¹⁶ Любовь Евгеньевна Белозерская (1895–1987) – вторая жена Булгакова; в браке с Булгаковым: 1925–1932 гг.

Первый ее муж – журналист, писатель Илья Маркович Василевский (1882–1938; расстрелян). Был такой журналист старшего поколения Ипполит Федорович Василевский (1850–1920). Он писал под псевдонимом «Буква». Отсюда псевдоним Ильи Марковича – «Не-Буква».

¹⁷ Литературным дебютом Л. Н. Толстого была повесть «Детство», напечатанная в журнале «Современник» в 1852 году. Дебютом Ф. М. Достоевского был роман «Бедные люди», напечатанный в «Петербургском сборнике» в 1846 году.

¹⁸ Журнал «Россия», или «Новая Россия», являлся неформальным органом сменовеховцев. Исайя Григорьевич Лежнев определял журнал как «первый беспартийный публицистический орган» в Советской России; авторы журнала требовали невмешательства государства в духовную жизнь интеллигенции. «Белая гвардия» печаталась в «России» в 1924-м (№4) и 1925-м (№5) годах. Весной 1926 года журнал прекратил существование. Исайя Лежнев был человеком мудрым. «Сосланный» на три года за границу за свое вольномыслие, он вернулся, был восстановлен в партии по личной рекомендации Сталина и, пережив его, благополучно умер в Москве в 1955 году.

¹⁹ Альманах «Недра», печатавшийся в Москве, с 1922 года редактировал «старый» (на самом деле 50-летний) большевик и издательский работник Н. С. Ангарский-Клестов – один из немногих функционеров, оценивших талант Булгакова. В книге четвертой в 1924 году была опубликована «Дьяволиада», а в книге шестой – в следующем, 1925-м, – «Роковые яйца». В той же книге была напечатана поэма Волошина «Россия». Николай Семенович Клестов был репрессирован и погиб в 1941 году.

²⁰ Об этой дуэли Шкловский рассказывает так: «К весне 1921 г.

стрелялся с одним человеком. Стрелялись в 15 шагах; я прострелил ему документы в кармане (он стоял сильно боком), а он совсем не попал». (Виктор Шкловский. Сентиментальное путешествие. С. 77). Дуэль состоялась из-за Надежды Филипповны Фридлянд (1899–2002), начинающей актрисы и поэтессы, участницы семинара Николая Гумилева.

²¹ Позицию этих критиков хорошо иллюстрирует публикация Григория Файмана, в которой приведен текст диспута в Комакадемии, состоявшегося 25 октября 1926 года и посвященного вредоносному влиянию булгаковщины. А. Орлинский выступил в прениях по основному докладу. <https://newtimes.ru/articles/detail/12821/>

²² Елена Сергеевна Ниренберг (1893–1970) – третья жена Булгакова. В браке с Булгаковым: 1932–1940 гг.

²³ «Друзья» дома:

Эммануил Жуховицкий (1881–1937) – переводчик. Расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу английской и германской разведок. Казимир Добраницкий (1906–1937) – журналист, партийный деятель, сын революционера. Расстрелян по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной террористической организации. Борис Штейгер (1892–1937) – осведомитель ГПУ, специализирующийся на деятелях искусства. Расстрелян по обвинению в шпионской и диверсионной деятельности.

Петр Ильинский - прозаик,

поэт, эссеист. Родился в 1965 году в Ленинграде, выпускник МГУ. В 1991–1998 и 2001–2003 годах – научный сотрудник Гарвардского университета. Книги: «Перемены цвета» (Эдинбург, 2001), «Резьба по камню» (СПб., 2002), «Долгий миг рождения. Опыт размышления о древнерусской истории VIII–X вв.» (2-е изд. СПб., 2017), «Легенда о Вавилоне» (СПб., 2007) и «Век просвещения» (2016). Статьи и рассказы публиковались в российской и зарубежной периодике («Отечественные записки», «Время и место», «Русский журнал», «Зарубежные записки», «Северная Аврора»). Живет в

Кембридже (США), преподавал (2008–2016 гг.) в Бостонском университете. Работает по специальности в частном секторе.

Детектив с неопределенной развязкой,

или Классики знают всё

И ты, Брут, продался большевикам!

Ильф и Петров

Лицо – зеркало души, – сказал Марк Туллий Цицерон. То есть сказал он немного по-другому, а в виду имел уже совсем иное, что для так называемых «крылатых» выражений – дело самое обыкновенное. И если хотите знать, то римский старик возвышенных материй вообще не касался, а всего лишь обсуждал технику актерского исполнения, и даже еще точнее – ораторского. Иначе говоря, давал рекомендации своим историческим наследникам. Дескать, дети мои, для победы в судебном ристалище надо обязательно сопровождать процессуальные речи телесным движением, но не чрезмерным, а сдержанным. Руками отнюдь не размахивать и ни в коем случае не гримасничать, а использовать одни лишь глаза, и самым что ни на есть благородным образом, дабы слушатели неотрывно следили за просветленным лицом оратора (кое есть отражение сами знаете чего – см. выше) и верили ему на все сто, даже не понимая, о чем он говорит, – по скудоумию ли своему или просто от незнания языка, на котором идет вещание. Вот насколько современным и проницательным человеком был этот Марк Туллий!

Но мы-то в оные годы о таких тонких материях знали очень мало – точнее сказать, ничего. Отчасти по молодости, отчасти по причинам социальным, из которых главной было увлечение

приключенческой литературой романтического свойства. Все это накладывалось на присущее русскому народу прекраснодушие, выражающееся в полном доверии так называемым «своим» и полном неприятии так называемых «чужих» (в состав которых уже примерно лет пятьсот непременно входят власти и их присные). Впрочем, наша речь сегодня не о властях, тем паче что в описываемую историческую эпоху они вполне заслуживали вышеупомянутого недоверия. Хотя, может, и о властях тоже...

Итак, да будет известно уважаемым читателям (особенно молодым), что в те самые времена, то есть совершенно недавно, мы все находились под неусыпным контролем и наблюдением. К каким-то категориям граждан присматривались более тщательно, к каким-то – чуть менее, но без внимания высокого начальства не оставался никто. Естественно, что студенты университета, мои тогдашние соученики, тоже не были забыты. Даже, быть может, внимание к ним в некотором роде было особенное: мало ли что выйдет из того или иного научника? Значит, нужно быть готовым ко всему, а потому предельно информированным (это я пытаюсь, по мере возможностей, воспроизвести логику властей, простому человеку, как правило, непонятную).

Здесь я должен заметить, что мы прекрасно понимали, в какой стране живем, и поэтому более или менее умели держать язык за зубами. Но молодость неукротима, и сгоряча (или подшофе, что примерно одно и то же) и мне, и моим друзьям не раз случалось высказывать некоторые не вполне отточенные политические формулировки. Утром же накатывало неприятное сожаление о речах несомненно излишних: а вдруг действительно, как и в лохматые дедушкины годы, в каждой компании есть осведомитель? Но ничего не происходило, мы успокаивались, и так раз за разом, поэтому до поры до времени рассуждения о всевидящем, согласно классику, оке Старшего Брата оставались чисто теоретическими.

Теперь передо мной встает еще более сложная задача: объяснить известные тогда каждому, а ныне забытые исторические реалии. Дело в том, что в те годы студенты ездили на сельхозработы. Точнее, обязаны были ездить. Такова была трудовая повинность, которую от них требовало государство. Смысла в этом не было никакого, в первую очередь для самого государства, – ни экономического, ни политического. Но оно почему-то держалось за этот глубоко бесполезный обычай. И скорее всего, без какого-либо резона, а просто потому, что в принципе не любило отменять никаких ранее

изданных распоряжений, почитало себя, что ли, имманентно непогрешимым. Такая черта, впрочем, присуща любой власти, – только некоторые общества путем долгой тренировки и ценой большой крови научились начальственные поползновения обуздывать, а другие еще находятся в самом начале этого весьма увлекательного процесса. И мы тогда жили в государстве величественном, правоверном и необузданном и своих ошибок, даже сельскохозяйственных, не признающем.

Между прочим, оно, то самое государство, даже платило за массовые выезды на осенние поля, пусть небольшие деньги, но все-таки... Примерно те же суммы – конечно, с учетом инфляции и валютных курсов, – которые нынешние плантаторы, латифундисты и прочие акулы агропрома платят сезонным мигрантам, а иногда нашим прямым потомкам – студентам, подрабатывающим на уборке урожая. Но вот что интересно: в мире правящего чистогана этим почти все довольны – и юнцы из бывших стран Восточного блока, подрабатывающие на грядках Западной Европы, и центральноамериканские пеоны, пропальвающие нивы и огороды калифорнийских и прилежащих земель (можно заменить пеонов на дехкан, тогда нивы нужно будет перенести на Кубань), и даже владельцы-капиталисты. Да, я знаю про условия труда, ненормированный рабочий день и отсутствие профсоюзов – я же сказал, что довольны не все, а почти все. Но мы были недовольны происходящим на полновесные двести процентов и чувств своих скрывать вовсе не собирались. Интересно, что и колхозники, которым мы как бы оказывали посильную картофелеуборочную помощь, тоже были полновесно недовольны нами (и отнюдь не всегда владели своей профессией), поэтому качество нашего совместного труда находилось на уровне ковровой дорожки или немногим выше. В общем, с сельским хозяйством в той стране дела обстояли очень неважно. Отчасти поэтому (а может, и не отчасти) она приказала долго жить, и уже довольно давно.

Однако вот что обязательно надо отметить: на этих самых сельхозработках мы, то есть городские дети, были помещены в относительно необычные для нас условия. Например, в отличие от учебной практики, мы занимались неприятным и совершенно ненужным делом, в котором мало понимали, а кроме того, делились не на группы в соответствии со своей кафедральной принадлежностью, а состояли в подразделениях, которые носили еще не ставшее тогда легендарным наименование «бригада». Иначе говоря, наша трудовая ответственность была коллективной. Та

власть вообще очень любила коллективную ответственность. Впрочем, снова: а какая власть ее не любит? Группой (даже не толпой) управлять гораздо легче, чем отдельно взятыми людьми, – это известно давно и не требует особых доказательств.

Так вот, на сельхозработах, именовавшихся в просторечии «картошкой», как и в других нетипичных ситуациях, связанных со стрессом внутри неожиданно сложившегося коллектива, иногда происходили события неожиданные и даже экстраординарные.

Наша история началась чуть ли не в первый день страды, когда помимо уже отрубившей на полях почти месяц бригады грузчиков (ее составляли студенты постарше, как правило, отслужившие в армии и вообще видевшие жизнь) понадобилось сформировать еще одну – отчасти в помощь трудовому авангарду, а отчасти – ему на смену. Тут же организовались две конкурирующие группы кандидатов: одна из таких же по возрасту ребят – покрепче и поспортивнее, а другая – из малохольных позавчерашних школьников. Судьба наша решилась честным жребием, и тут хлипкие интеллигенты побили закаленных пролетариев самым простым и действенным способом: мы возложили ответственность на молодого человека, предположим по имени Сергей, который пользовался успехом у дам и вообще имел счастливое выражение лица. Противники же наши выставили человека с лицом недовольным и даже, я бы сказал, вечно обиженным. Легко догадаться, на чьей стороне была длинная соломинка. Так мы стали грузчиками, что, естественно, казалось нам гораздо более привлекательным, нежели роль переборщиков подгнившего картофеля. Да, поначалу мы в прямом смысле валились с ног от непривычной нагрузки, но молодость – страшная сила, и через несколько дней все наладилось. Как наше начальство проглотило штуку со жребием, сделавшую грузчиками заведомо физически более слабую группу, – вопрос отдельный (впрочем, см. сделанное ранее замечание о сельскохозяйственной и вообще профессиональной квалификации всех вовлеченных в эту историю граждан).

Спустя совсем немного времени упомянутая выше штурмовая бригада, которая прибыла на поля родины в начале августа, уже окончательно отработала положенный месяц и готовилась отбыть в неизвестном направлении. Как я уже говорил, это были люди постарше нас года на три и имевшие некоторый жизненный опыт. Кроме того, их путь сквозь тернии науки был более чем окольным:

после обязательной тогда двухлетней военной службы им требовалось пройти через так называемый «рабочий факультет», или рабфак – там для них заново препарировали школьные знания и готовили к дальнейшей учебе, способности к которой, по единогласному мнению бывших срочников, армия отбивала прямо-таки безотказно.

Таким образом, в формально едином потоке штурмующих науку налицо были две весьма отличные группы студентов-мужчин, разнившиеся не только по возрасту и опыту, но и по происхождению, ибо выпускники лучших школ, как правило из привилегированных районов больших городов, имели гораздо больше шансов поступить в вуз сразу и таким образом избежать призыва (чуть позже под красные знамена стали забирать и студентов, прямо посреди семестра, что уже отбивало охоту к обучению у всей страны и опять-таки отчасти привело к ее разрушению). Был еще один сложный момент: выпускники рабфака отчетливо видели, что недавние школьники уже имеют перед ними фору в три-четыре года, а к тому же и лучше воспринимают новые знания. Из-за такого неравенства (иначе это не назвать) в наших отношениях, особенно поначалу, присутствовало некоторое напряжение. Здесь мне немного повезло, ибо я, уж не знаю почему, был тогда настроен на демократический лад и при выполнении лабораторных работ стал вполне сознательно трудиться в паре с одним из армейских ветеранов.

Постепенно мы с ним перешли к отношениям совершенно приятельским. То есть мы даже иногда совместно выпивали. И как-то на учебной практике, в начале того самого судьбоносного лета, сблизились настолько, что он, будучи в легком помутнении мозгов, поведал мне, что ему со товарищи удалось обнаружить субъект доносительства в самом ядре теплой компании малолеток, к которой автор принадлежал. Легко догадаться, что я немедленно попытался узнать имя и прочие приметы означенного «шпиёна». Но тут мой приятель оказался тверд в сохранении военной тайны и просто посоветовал не развешивать язык на каждом углу. И правильно сделал. Я запомнил лишь свое смущение: ведь мои братья по духу были людьми незаурядными и все как один симпатичными, потому – кто же из нас, таких чистых и прелестных, мог оказаться злобной гадюкой?

Но вот теперь мы с моим извечным партнером по ретортам, пробиркам и перегонным колбам оказались плечом к плечу в кузове колдыбающегося по полю грузовика. Как уже сказано, я в тот момент

выступал в роли еще совершенно начинающего грузчика, то есть пытался со своим столь же малоопытным напарником забросить наполненные картошкой мешки на борт вышеупомянутого транспортного средства. А бывалые бойцы, в том числе и мой приятель – назовем его, к примеру, Алексеем, – обучали нас, как правильно устанавливать эти мешки в кузове, чтобы они формировали некоторую продуманную структуру.

Постепенно кузов оказался наполненным, машина взревела, дернулась, и мы, с популярным в те годы чувством глубокого удовлетворения, к тому же помноженным на изрядную физическую усталость, ехали по полю, раскачиваясь на свободной от картошки узкой полоске кузова. Грохот мотора не столько затруднял разговор, сколько делал его совершенно недоступным для посторонних, хотя бы и находившихся совсем рядом. «Лёха, – неожиданно сам для себя сказал я, – вот насчет стукача. Вы послезавтра отваливаете, а нам здесь жить. Сам знаешь, что такое “картошка”. Скажи уж на прощание, кто он». Против ожидания, Лёха не стал артачиться. «А вот!» – немедля ответил он и сдержанным движением кисти указал на сидевшего в пяти шагах моего напарника, того самого, с которым мы только что вталкивали наверх набитые до отказа мешки.

Должен признаться, что сначала я ничего не понял. «Чего?!» – «Да, да», – подтвердил Алексей и выпрямил палец в указанном направлении.

Вам, может быть, кажется, что ничего особенного не произошло. Но потрясение оказалось серьезным. И дело было не в том, что я говорил лишнее в присутствии заклеянного соученика, – скорее всего, нет, потому что мы с ним почти не соприкасались вне альма-матер, хотя водили знакомство уже очень давно, еще с доуниверситетских времен. И не в том также, что мы только что вместе осваивали непривычное для нас обоих ремесло грузчика, при этом искренне подбадривая друг друга. Нет, главная, по выражению одного политика, «загогулина» состояла в том, что мой интеллигентно-задумчивый напарник по погрузке нисколько не соответствовал образу фольклорного доносчика – он был до чудесного застенчив, а также невероятно деликатен: как-то в автобусе, когда мы заспорили о максимальной продолжительности жизни, он предложил нашей небольшой компании отойти чуть в сторону от оказавшихся по соседству лиц почтенного возраста. Кажется, эта чрезмерная воспитанность обсуждаемого джентльмена и его излишняя четкость в обоснованности мнения и составляла

основную причину нашего малого общения: я относился к тем юношам, кто был скор на слова, суждения и поступки, но при этом отнюдь не считал моего полуприятеля существом низшего порядка – скорее, наоборот. К тому же его лицо – правильное, открытое и озаренное несомненной работой мысли – полностью соответствовало очевидным чертам его характера. Так что в моей голове ярким бутоном полыхнул настоящий когнитивный диссонанс. Слава богу, теперь я знаю, как это называется. А тогда, вследствие разящего удара по еще неокрепшей, почти подростковой психике, ваш рассказчик тут же ошалел и немедленно забыл сообщенную информацию. Даже в какой-то мере решил вычеркнуть разговор в кузове из памяти и примерно неделю о нем не вспоминал.

И очень может быть, что никакого продолжения эта история не имела бы, но через несколько дней начали происходить довольно странные вещи. Например, молодой человек (ныне – доктор наук и вполне известный ученый) отлучился на полчаса с картофелесортировочного пункта, чтобы попить у радушной хозяйки свежего молочка, после чего благополучно возвратился обратно, а назавтра утром на поверке-линейке неожиданно получил строгий выговор с предупреждением за самовольное оставление рабочего места на сорок восемь минут. После повторения подобных, совершенно вопиющих казусов, они стали предметом обсуждения в нашей теплой компании. То есть обсуждения, конечно, никакого не было, просто мы хором возмущались произволом сатрапов и грозили набить морду неизвестному пособнику начальства, которое на глазах становилось чересчур всезнающим. Указанный мне Алексеем застенчивый кавалер тоже присутствовал на импровизированной сходке борцов за общее дело. И тут меня будто что-то дернуло за язык.

– А я знаю, кто это, – заявил я ни с того ни с сего. – Мне рабфаковцы перед отъездом сказали.

В оправдание моего порыва надо заметить, что вторая фраза, несмотря на то что в ней содержалась чистейшая правда, была настоящей, если пользоваться терминологией соответствующего ведомства, «дезой». Все знали, что стукачи со стажем были раскрыты ветеранами еще в процессе обучения на рабфаке (да и не слишком-то прятались). Поэтому можно было подумать, что мне под большим секретом сообщили одну из общеизвестных фамилий. Тем не менее наступило молчание.

– Ну и что ты думаешь делать? – спросил кто-то из будущих

профессоров.

- Проверять, естественно, - геройски ответил я. - Пусть кто-нибудь выйдет со мной за дверь, я ему все расскажу, и мы проведем небольшую операцию.

Немедленно вскочил тот самый, счастливый молодой человек, сделавший нас грузчиками, мы условились называть его Сергеем. Был он, как мне тогда казалось (а я уже начинал во всем сомневаться), юношей безобидным и аполитичным. Интересовался он девушками и... Нет, пожалуй, больше ничем (вот здесь я точно ошибался - просто он не особенно корпел над занимавшими многих из нас науками и со временем стал довольно известным художником). Кстати, все это, как я опять же понял задним числом, говорило в пользу Сергея как напарника-следователя: он совершенно не собирался делать карьеру по месту основной работы. Я не возражал против такого компаньона, ибо получилось так, что мы с ним состояли в одной смене на вечернее омовение: душ в конце коридора, на два места, очередь занимать сразу после ужина, шуток насчет нетрадиционной ориентации не отпускать. Посему нам было где провести закрытое совещание.

Против ожидания, Сергей воспринял известие о предательстве в наших рядах на удивление спокойно. Кроме того, он сразу обратил мое внимание на то, что поутру подозреваемый обычно куда-то исчезает, почти никогда не являясь на утренние линейки, присутствие на которых вменялось нам всем в обязанность. И однако не несет никакого наказания за столь серьезное нарушение дисциплины. Помимо того, деликатный тихоня недавно и безо всяких к тому причин был отпущен высоким начальством на пару суток в Москву. Возникли и другие косвенные улики, точное перечисление которых за давностью лет невозможно, да и не нужно. В результате было решено некоторое время понаблюдать за объектом, а если подозрения будут только крепнуть, то дожидаться удобного момента и провести спецоперацию.

С тех пор мы с Сергеем вечерами обязательно отлучались из жилого корпуса, говоря, что отправляемся ухлестывать за студентками дружественного факультета, которые обитали совсем неподалеку и в дневное время трудились на соседних полях. Это было правдой только отчасти (Сергей имел гораздо больший успех, нежели автор этих строк). Одновременно мы действительно продолжали строить свои контрразведывательные козни. С удивительным постоянством по возвращении в корпус нас всегда первым встречал подозреваемый и вежливо осведомлялся, хорошо ли

нам было. Мы отвечали, что было хорошо, но подробностями не делились.

Со своей стороны, мы кое-что примечали, и через несколько дней расписание жизни объекта было нам неплохо известно. Он действительно регулярно куда-то исчезал, ему сходили с рук мелкие провинности, за которые начальство неизменно раздавало нам плюхи разной степени тяжести, а когда мы с Сергеем удалились в малопопулярную часть КСП (картофельно-сортировочный пункт, расшифрую я для будущих поколений), наш покуда еще находившийся под защитой известной презумпции юнец неожиданно появился у нас за спиной и попросил разрешения узнать, о чем это мы тут разговариваем. «О бабах», – грубо ответил я и даже добавил какие-то подробности, дабы как можно сильнее уязвить противника. Он действительно смутился и прекратил бестактные расспросы. К этому времени мы заметили, что любопытство свое наш друг проявляет практически повсеместно.

В итоге было решено невзначай сообщить ему, что завтра вечером в соседней бригаде намечаются крупная пьянка и некоторые дополнительные развлечения, а тамошнего старшину предупредить о полной недопустимости подобной акции и рассказать, в чем дело (конечно, без каких-либо имен). К этому моменту мы уже предъявили свои аргументы нескольким членам нашего небольшого кружка, которые немедленно с нами согласились и поделились своими собственными на этот предмет наблюдениями. Тут я впервые осознал, что русский человек все видит и примечает, но до поры до времени, в соответствии с особенностями национального характера, молчит. Даже в молодости.

И вот как-то под вечер, в лучших традициях советских шпионских фильмов не самого высокого пошиба, я походя упомянул о том, что мы-то – грузчики аховые (в действительности был употреблен несколько другой эпитет), поскольку вышиваем недостаточно, – то ли дело соседи, которые как раз завтра собираются хорошенько вломить. Присутствовали при этом четверо: Сергей, подозреваемый и еще один член нашей бригады, который на тот момент не знал ни об операции, ни об ее объекте (в качестве нейтрального свидетеля). Фраза моя была воистину корява до безобразия. Разговор развития не получил, и я остался в полной уверенности, что наш замысел потерпел блистательный провал.

Каково же было мое изумление, когда через два дня нас отозвал в

сторону командир соседней бригады и сообщил: только что у него произошло случайное утреннее randevu с высоким начальством. Начальство пребывало в добродушном настроении и, не грозя особыми санкциями, благосклонно осведомилось, не болит ли у старшего голова со вчерашнего, а также интересовалось, куда они успели деть пустые бутылки. Тогда мы не выдержали и назвали имя подозреваемого. Сосед, со своей стороны, нисколько не удивился: «То-то я думаю, зачем он вчера в нашу комнату приперся. Он вообще у нас никогда не тусовался, а тут зашел и говорит: “Ребята, можно я у вас посижу?” Потерся, потерся и смотал. Кажется, я даже упомянул что-то о походе в магазин».

После этого шлюзы немедленно прорвало. Информация была доведена до сведения всей нашей грузчицкой десятки, и состоялся закрытый суд. Это – наименее приятная часть данной истории: все было как в дурном сне, включая всамделишные рыдания подозреваемого. Некоторые из нас его, однако, оправдали. Их было двое: во-первых, лучший друг разоблаченного, который просто сказал, что все это – вранье, и, во-вторых, один начитавшийся романтических книг бакалавр, попросивший обвиняемого не сходя с места поклясться в невинности, причем на здоровье своей матери, – что тот мгновенно и сделал. Приговора, естественно, не было, просто семеро из нас прекратили с уличенным гражданином всяческие отношения. Качество работы нашей бригады от этого не пострадало, ибо мы к тому времени уже достаточно навестились в кидании и укладке мешков.

Продолжения эта история, конечно, не имеет. Года через четыре один из моих тогдашних товарищей рассказал при встрече, что волею случая получил доступ к картотеке организации юных коммунистов, членами которой мы пока еще успешно числились. Тогда страна уже начинала трансформироваться, и молодежное руководство всех рангов было занято учреждением частных предприятий и разнообразной кооперативной деятельностью, а вовсе не сохранением секретности. Так вот, приятель этот утверждал, что обнаружил искомое личное дело, а в нем – подробные материалы по нашему ненаглядному дружку, в частности, обстоятельства его, так сказать, вербовки. Детали сейчас уже значения не имеют – помню, что там фигурировали общежитие, студентка-иностранка, оперотряд, неожиданно врывающийся в комнату, и остальные известные банальности. Потом мне, впрочем, говорили, что собеседник мой – изрядный выдумщик, поэтому стопроцентной уверенности у меня все-таки не было (и нет до сих пор). Хотя за

прошедшие почти сорок лет я получил, по словам известного персонажа, некоторую дополнительную информацию к размышлению.

Легко догадаться, что объект нашей антитеррористической операции благополучно закончил вуз и с успехом работал в одном из крупных исследовательских центров родины. И в недолгую пору расцвета борьбы советской власти с алкоголизмом я неожиданно наткнулся на его заметку в одном из самых знаменитых научно-популярных журналов. Автор заметки призывал искоренить злостный недуг до последнего шкалика и уговаривал коллег обмениваться с ним разнообразной научной информацией, что должно было послужить на благо и привести к покорению высот. Ну, он всегда был старательным и прилежным работником, и за его научную карьеру в том обществе волноваться не стоило.

Здесь эта бытовая зарисовка уже жаждет финала, однако жизнь интереснее любой литературы. Прошлым летом в Москве я столкнулся с еще одним бывшим однокурсником, человеком приятным и остроумным. Добавлю важную деталь: он относился к не такой уж редкой, но очень интересной породе «возвращенцев» – поработавших на Западе не один год дельных ученых, по разным причинам вернувшихся в родные пенаты и ныне занятых поднятием российской науки и посильным изменением российской жизни. Поэтому нам было что обсудить.

Каким-то образом в разговоре возникло имя подозреваемого (без упоминания самих подозрений, о которых сокурсник не знал, ибо до того момента не был частью нашей истории). «Так он же рядом с нами жил, когда мы работали в Луизиане!» – воскликнул мой собеседник. «Чудны дела твои, господи, – подумал я, – кого только не приносит в Америку! Настоящий котел. Плавильный, так сказать». А вслух, стараясь не очень ёрничать, осведомился, не получил ли наш герой от свободного мира какого-нибудь особого статуса как лицо, пострадавшее от коммунизма, и не жаловался ли он на притеснения от погибшего режима. «Ни в коем случае не жаловался, – запротестовал собеседник, – а все время приходил к нам в гости и учил, как жить». Тут уже настала моя очередь удивляться, ведь мне помнился человек с нежной внутренней конституцией и в некоторой степени даже робкий. «Да-да, мы тогда снимали квартиру, питались кукурузными хлопьями, а оставшиеся деньги отправляли родителям. А он нам все втохивал, что это неправильно, надо сделать, как он: взять заем сразу на несколько домов – тогда их легко

отстегивали, – потом все, кроме одного, сдать квартирантам и жить припеваючи». – «Ну и?..» – я был заинтригован. «Так ведь как раз грянул финансовый кризис, цены рухнули, а жильцы съехали. Но он, не будь дурак, платить банкам перестал, а снял со счета оставшиеся деньги и махнул в...» – была названа вполне достойная и относительно благополучная страна западного мира.

«Да, – подумал я, – конечно. Он же был должен какие-то паршивые несколько сот тысяч. А тогда бегали только за теми, кто утащил десятки миллионов, если не больше. К тому же наши необычные фамилии тем и прекрасны, что мы можем запросто поменять в их латинском написании одну или даже две буквы, и ничего не изменится – кроме того, что на свет появится новый человек с чистой кредитной историей».

– Молодец какой, знай наших! И ты больше про него ничего не слышал?

– Да нет, слышал: устроился, преподает, даже открыл там какой-то сервис по специальности и очень успешен, вполне себе колосится и радует глаз.

И здесь до меня наконец дошло, что определенный тип людей процветает в любом обществе и в любую эпоху и что именно способность к такому процветанию была уже много лет назад написана на застенчивом и улыбчивом лице нашего персонажа. О, молодость, прощай, ты была хороша даже своими заблуждениями!

Сознавая себя героем сочинения почти драматического и в некоторой мере назидательного, я мысленно обратился к классику: «Туллий, ну хорошо, ты все знал про нас, юных несмышленьшей, искренне варившихся в чайнике прекраснодушия и соке самовлюбленности! Но откуда тебе было ведомо про доверчивых иноземцев?» Тут я вспомнил, что Цицерон неоднократно ездил в заграничные командировки, и страшное подозрение охватило мою душу. Ужели то был опыт? Или все-таки гений?

Так времена и нравы беспощадно испытывают наше терпение.

Москва – Кембридж
1991-1996, 2020

Выйти на площадь

*Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!*

Галич

Все это было вчера, но уже забывается. Если не записывать воспоминания, то их может не остаться. Память умирает без тренировки, и совсем неважно, чьи мемуары, – нужно, чтобы в них жило время. Позвольте теперь оборвать вступление и перейти к сути.

Много лет назад я учился в школе и счастья своего не понимал. А все оттого, что и при коммунистах тоже встречались пренеприятнейшие учителя. Но мой рассказ не о том: просто надо было определить возраст героя, что мы и сделали столь изящным образом. Итак, с временем разобрались, теперь – место.

На берегах Невы, где я, подобно другим великим людям, тогда жил, есть музей. Я имею в виду Музей, небесно-голубой, золотой и бесконечный. Так вот, я там занимался, или, как говорили люди ушедшей эпохи, «посещал кружок». Было это по субботам, поэтому надо мной не висели домашние задания, утренний будильник и прочие обязательные неприятности, ныне докучающие моему сыну. И было в Музее красиво и свободно. Да, вы не ослышались – свободно.

Конечно, теперь я прекрасно понимаю, как намучилась наша преподавательница с детьми из самых культурных семей града Петрова. Было нам по тринадцать лет, и положение спасало только то, что свой предмет она знала блестяще и могла захватывающе и долго рассказывать о всевозможных средневековых и ренессансных материях. Поэтому некоторое время мы все же стояли на месте. Но потом...

Дважды или трижды мы, в том числе и я, срывали пломбы с музейных витрин, причем ни разу никто не признался. Что понятно: проступок был порядочный и должен был повлечь немедленное и несмылаемо-позорное исключение из круга адептов прекрасного. В эпоху обострения классовой борьбы нам могли бы приказать вывернуть карманы, и – конец... Но к счастливому времени моего детства нравы в отечестве стали относительно мягкими, поэтому до шмона в Музее дело не дошло. Людмила Александровна же (имя настоящее) наверняка писала за каждую свинцовую шайбочку подробные объяснительные на имя самого Директора. А может, ее вызывали и еще куда-нибудь, как легко представить, зная порядки в родном отечестве. При этом Директора мы почему-то уважали, ибо

радостно доверяли легенде о том, как он отказал тогдашнему градоправителю в свадебном прокате императорского сервиза на невесть сколько персон. Таким образом была сохранена честь Музея (которую я со товарищи, в промежутках между актами прямого вандализма, ревностно охранял), а сервиз был востребован крупным государственным деятелем в другом хранилище культурно-бытовых ценностей.

Естественно, мы вопили на весь Дворец, скатываясь по роскошным лестницам, а в дополнение я как-то потрогал нос одного надменного мраморного венецианца (возможно, дожа), за что был изгнан бдительной служительницей. И прочая, и прочая... Несмотря на все это, Людмила Александровна даже вывезла нас во время весенних каникул в город Таллин (о количестве «н» в названии которого тогда никто еще не думал спорить). Перед отъездом она, как и положено, провела родительское собрание на ступенях Музея где-то в восемь часов вечера. После чего стая бешеных отроков и отроковиц получила от мам по стопке бутербродов и термосу и отправилась на запад. Таллин был прекрасен – но это совсем другая история...

Наша же начнется прямо сейчас. Виноват во всем был итальянский поэт Данте, о котором большинство из нас тогда услышало в первый раз, а наиболее образованные – примерно во второй. Довольно быстро выяснилось, что он очень неплохо сочинял стихи и слишком много думал. Это время от времени имеет место даже в позднем средневековье и особенного интереса не представляет. Но дело в том, что предстоявшее занятие было посвящено Флоренции, и Людмила Александровна попросила нас по возможности освежить свои знания касательно «Божественной комедии». Мы молча кивнули.

Я-то чувствовал себя королем, ибо в связи с библиофильскими усилиями своего родителя мог попросту снять эту книгу с полки, чего нельзя было сказать о большинстве моих коллег-кружковцев. Дальнейшее понятно: снять я ее, конечно, снял, даже попробовал на вес, ненадолго открыл, да и поставил обратно, ибо, хоть развит я был не по годам, но не настолько. Впрочем, цели своей Людмила Александровна все же достигла, потому что через десять лет с совсем небольшими копейками я «Комедию» прочел и, может быть, даже что-то понял. Суть, однако, в другом.

В следующую субботу Данте, как и было обещано, стал главным героем занятия. Шла речь о борьбе гвельфов с гибеллинами и

говорились еще какие-то не вполне понятные нам слова. Но биография великого флорентинца оказалась вполне доступной. И по ходу подробного с ней ознакомления мы выяснили, что глупые соотечественники не нашли ничего лучше, как изгнать гениального поэта из родного города по политическим соображениям. Услышав все это, мы, в соответствии с характером времени, были возмущены и даже несколько негодовали. Тут, как говорится, мог быть и сказочке конец. Ан нет.

Последовала заключительная мораль (некоторые люди любят из всех историй делать выводы). Воспроизвожу дословно: «И вообще, дети, когда страна изгоняет художника, то виновата страна, а не художник».

И даже это сошло бы ей с рук, только вот среди нас оказался один чересчур образованный вундеркинд (в Петербурге такой воздух: они там растут как грибы, и все слишком много думают – прямо как Данте). Впрочем, о чем думал пытливым юноша, мне неизвестно (боюсь, что и ему тоже), но он немедленно задал совершенно безобразный, с точки зрения современника, вопрос (некоторым потомкам этого не понять, ну и пусть):

– Людмила Александровна, а как же Солженицын?

О да, мы поняли, что что-то произошло. Лебединый полет слов Людмилы Александровны прервался, лицо ее покрылось пятнами (позже я узнал, что так бывает с женщинами, когда они нервничают). Святые со стен грустно на нас посмотрели, а блаженный Августин почесал в затылке. Мы впитывали происходящее ушами и глазами (в конце концов, это был урок) и, в связи со своей полной или почти полной неосведомленностью, молчали. Тиканья часов не было слышно, ибо в шестом классе почти ни у кого часы не водились. Напомню, что как раз в то время излишне назойливые и разговорчивые уже разъехались по отдаленным пересылкам, но обратно пока не вернулись.

Пауза продолжалась.

– И в случае с Солженицыным то же самое, – твердо сказала Людмила Александровна. Пауза закончилась, и святые были явно удивлены. Дети, и я в том числе, ничего не поняли, но все запомнили. Занятие продолжилось в прежнем режиме.

Восьмого марта в Таллине мы, ощущая себя джентльменами высшей пробы, дружно скинулись по двадцать копеек на цветы Людмиле Александровне (один жмот дал десять). С девочек деньги

не брали. Ночью же, покауда она выстаивала на вокзале наши обратные билеты, воспитанные отроки не менее дружно предавались швырянию матов и танцам на брусках в физкультурном зале знаменитой ревельской школы номер один, что находится прямо под крепостной стеной. Девочки не принимали в этом участия, но смотрели на нас с явным любопытством. Так что мы показали себя с самой лучшей стороны.

Тогда же, после обязательной прогулки через двор Капеллы на Конюшенную и дальше на Невский, которая являлась неотъемлемой частью моего искусствоведческого рациона (и моциона!), я пришел вечером домой, терпеливо дождался водворения телефонной трубки на место и спросил: «Мама, а кто такой Солженицын?» К тому времени я знал, худо-бедно, три запретные фамилии: Набоков, Солженицын и Сахаров. Трудности ненавязчивого подслушивания разговоров подвыпивших взрослых привели к некоторой путанице, и я искренне считал, что Сахаров – это много лет живущий за границей знаменитый писатель, а об остальных и вовсе не имел никакого понятия, за исключением того, что их имена каким-то образом являются табуированными и произнесению вслух не подлежат.

Мама вздохнула. Что она подумала, я не знаю, но кое-какие вещи она мне в тот вечер рассказала. А я ей.

Сама история на этом заканчивается, но жизнь, как любят писать в газетах и плохих романах, продолжается и идет вперед. И в этой жизни за истекшие годы произошел ряд событий. Не касаясь всем известных, скажу о некоторых частных.

Людмила Александровна продолжала еще довольно долго, как мне кто-то передавал, работать в Музее, и вместе с ним в один прекрасный день благополучно оказалась в другом городе и в другой стране. Следовательно, с массивным зданием в начале Литейного из сорока родителей моих соучеников не переписывался никто. И значит, фраза Людмилы Александровны была для них бесполезна.

Обучавшиеся же у нее дети давно разбежались по Ленинграду-Петербургу, да и по Руси великой; кто-то, наверное, оказался за границей, а кто-то – наверняка в сумасшедшем доме.

Лет шесть спустя я узнал, что мой отец, выслушав в тот же вечер рассказ о вышеупомянутом происшествии, неожиданно для себя и для мамы пробормотал: «...Только пулеметами». «Что?!» – в ужасе спросила мама. «С интеллигенцией, – удовлетворенно пояснил отец, – можно бороться только пулеметами». Он был тогда настроен

довольно оптимистично, ибо расстреливать уже двадцать лет как перестали, а в компетентные учреждения города на Неве еще не начали поступать остроумные письма, в которых мой отец обвинялся в преступных симпатиях к злополучному государству Израиль, в подтверждение чего выдвигался абсолютно неопровержимый аргумент – его женитьба столько-то лет назад на девушке с однозначно неблагополучной записью в пятой графе паспорта СССР и совместная с нею жизнь на протяжении того же срока.

О судьбе заявителей я не имею данных. Смеею предположить, что в свое время они преуспели, а в нынешнее – выжили. Мой же отец в поисках научного счастья покинул город Ленинград, но – к возможному неудовольствию мастеров пера и промокашки – не ради палестинских песков или калифорнийских каньонов. В отличие от десятков и сотен тысяч более практичных соотечественников, он решил удовлетвориться западно-столичным духом Москвы («Там люди в метро бегают по эскалаторам, а не ходят!»), а оный при ближайшем рассмотрении оказался душком. И дело, конечно же, не в Москве, которую я, прожив там одиннадцать лет, успел очень даже полюбить, а в том, что сей неприятный запах денно и ночью испускали тогдашние правители страны. Привыкшие к этому примерно двести восемьдесят миллионов носов искренне не понимали причины своего перманентного обонятельного дискомфорта, но все чаще нервничали, ибо против природы не попрешь и чувства не обманешь. Оттого перемены были, конечно же, не за горами, но это тоже другая история.

Мои родители прожили вместе почти шестьдесят лет – вероятно, поэтому Израиль до сих пор стоит.

Еще я должен заметить, что из детей не так уж трудно сделать приличных взрослых. По крайней мере, у них есть к этому все задатки, что бы там ни говорили некоторые учителя, давешние и нынешние, школьные и не только.

Ведь помните, Людмила Александровна, что мгновением поднятием рук мы всегда отдавали предпочтение не томно закатывающему глаза святому Себастьяну кисти вполне заслуженного художника Перуджино, а истерзанному, но непобежденному тициановскому Себастьяну-бойцу? Единогласно и без малейших сомнений!

Ада Кане - родилась в Ленинграде. Закончила Приборостроительный факультет Ленинградского кораблестроительного института (ЛКИ). После получения степени кандидата технических наук преподавала на кафедре сопротивления материалов ЛКИ и вела научную работу. В США живет с семьей с марта 1979 года. Работала в корпорации EBASCO в области прочности атомных электростанций. Последние 25 лет преподавала в *Fairleigh Dickinson University, NJ*.

Хэнти

Когда моя девятилетняя дочь Яна стала настаивать на том, чтобы завести собаку, в нашей маленькой семье произошел раскол.

Яна любила всех живых существ, с которыми сталкивалась – голубей, воробьев, кошек, мышей, лягушек (во всех стадиях их развития), жуков, червяков, – все, что летало, бегало, прыгало, плавало, ползало. Но особенно ее привлекали собаки. Еще в младенчестве она вождленно протягивала ручки к каждой проходящей дворняге и захлебывалась от восторга, если лохматый объект ее восхищения вилял ей хвостом.

Ее привязанность к собакам с годами становилась сильнее и достигла своего пика, когда ей было девять лет. Она решила, что без собственной собаки просто не может быть счастливой или даже умеренно довольной своей жизнью. Более того, она заявила, что собирается стать дрессировщицей или ветеринаром, а потому уроки игры на пианино считает бесполезной тратой времени. Она полагала, что это время лучше потратить на чтение книг по биологии, всевозможных романов, рассказов и стихотворений о собаках, руководств и пособий по дрессировке и воспитанию собак.

Я была против собаки. Для охраны она нам точно не нужна. К тому же собака будет отнимать много времени у всех нас. Я пыталась объяснить Яне опасность общения с бродячими собаками. Но мои усилия были тщетны и уговоры напрасны. Каждая бездомная собака, жившая в нашем районе, в конце концов появлялась у дверей нашей квартиры. Все они знали нашу дочь. Она кормила их и абсолютно не боялась. Часто, когда утром я открывала дверь квартиры, одна или две собаки уже ждали своего благодетеля. Увидев меня, они обычно убегали. Но однажды огромная, лохматая, грязная дворняга попыталась протиснуться в квартиру прямо около меня. Просто ужас!

После этого инцидента я попросила Яну кормить ее четвероногих друзей на некотором расстоянии от дома. Какое-то время это в определенной степени работало. Теперь вместо того, чтобы встречаться лицом к лицу с бродячими собаками сразу за дверью нашей квартиры, я обычно проходила мимо их небольшой стаи прямо у входа в наше здание. Было очевидно, что даже накормленные где-то вдали от нашего дома, они без труда находили его, вынюхивая Янины следы, – ведь именно этим и славятся собаки.

В один холодный зимний день я застала Яну сидящей на скамейке около дома с расстегнутой шубкой: она грела своим телом маленькую бездомную собачонку. Этот эпизод очень взволновал меня. И я решила еще раз поговорить с Женей.

Женя не возражал против того, чтобы завести собаку. Однако считал, что дочь должна приложить какие-то усилия для получения столь желанной награды. У него был довольно амбициозный список требований к Яне – от отличных отметок в школе по основным предметам до полной уборки своей комнаты. И, конечно, Яна должна принять на себя обязанности по уходу за собакой – кормить ее, вставать рано утром и выгуливать собаку перед уходом в школу.

Женин подход произвел на меня впечатление. Я чувствовала – если Яна хотя бы частично выполнит его условия, то я смогу терпеть существование собаки в квартире. Процесс ускорила моя свекровь, заявив: «Если вы не купите ей собаку, это сделаю я! Куплю щенка на рынке».

Стало ясно, что собаку придется приобретать. Но тогда уж нужно выбрать размер, породу, цвет, пол. Я считала, что надо взять миниатюрную собачку. Но Женя заявил, что для человека его роста (он высокий и широкоплечий) было бы унижительно водить на поводке маленький четвероногий пушистый комочек. Естественным компромиссом была собака среднего размера.

Выбор породы занял гораздо больше времени. В конце концов мы остановились на пуделях. Эти собаки умны и добродушны. К тому же они не линяют. В итоге собакой нашего выбора стала «девочка» полноразмерного – королевского – черного пуделя.

Ветреным весенним днем мы с Женей отправились в ленинградский собаководческий клуб, в отделение декоративных собак. Неприятливая дама дала нам заполнить анкету. На ее вопрос, почему мы хотим завести собаку, я ответила, что наша дочь хочет стать ветеринаром. Дама потеплела, приняла наше заявление и тут же объявила, что у нее есть отличный помет: отец был чемпионом в

прошлом году, а мать имеет большую и солидную родословную. Покопавшись в каких-то бумагах, она вытащила серую папку с официальными документами. «Вот, посмотрите родословную», – дама просто сияла от гордости. Можно было подумать, что это была ее родословная.

Мы посмотрели на бумагу, которую она нам протянула. Это было впечатляюще. В ней были перечислены родители, прапородители, а также прапрапородители новорожденных щенков.

Дама предупредила, что щенку нужно дать имя, начинающееся с буквы «Х». «Некоторые люди не понимают, что существуют правила присвоения имен каждому помету, а затем, когда они регистрируются на выставку собак, им приходится переименовывать свою собаку!» – сказала она с выражением неподдельного ужаса. Мы пообещали дать щенку правильное имя и тепло расстались.

Теперь, когда все было в порядке, мы сообщили Яне, что через три недели у нас будет щенок. Услышав эту новость, она издала долгий и восторженный клик победы и пустилась в бешеный танец по квартире. Наша обычно сдержанная и не очень спортивная дочь прыгала в экстазе по дивану, кроватям, креслам, подбрасывая подушки, тапочки и другие предметы, кружилась и кричала слово «Собака!», как если бы это было какое-то волшебное заклинание. Короче говоря, она вела себя как шаман древнего дикого племени, благодаривший духов за первую успешную охоту после долгого голода.

Когда дочь немного успокоилась, мы рассказали ей все, что знали о нашей будущей собаке: королевский черный пудель, девочка. И сказали, что ей нужно дать имя, которое начинается с буквы «Х». Эта последняя деталь заставила Яну задумчиво нахмурить брови. В русском языке не так много слов, начинающихся с буквы «Х», и большинство из них не особенно подходят для имени собаки. В течение следующих нескольких дней наши разговоры часто внезапно прерывались, потому что один из нас вдруг широко открывал глаза и выкрикивал очередное Х-слово. Потом все мы некоторое время сидели и думали. Затем произносили: «He-e-e!»

Но однажды Яна вернулась из школы с сияющим лицом. Она сказала, что на уроке английского языка они проходили новое слово: *happy* – счастливая. И предложила так и назвать собаку – Хэппи. Мы сразу согласились. Это было первое практическое применение изучения Яной английского языка. И это был отличный выбор.

И вот в один из солнечных дней в конце мая мы втроем поехали

на трамвае на другой конец города за нашей собакой. Яна выглядела лучезарно-радостной, несла небольшую плетеную корзинку, выложенную выстиранным, выглаженным с двух сторон, сложным вчетверо махровым полотенцем. Мы ехали забрать щенка – Хэппи.

Мы подошли к двери и позвонили. Дверь открыла женщина средних лет. Она провела нас на кухню. Весь пол был устлан газетами. Семь неуклюжих щенков – черных или шоколадно-коричневых – ползали, играли, ели молочную кашу из миски, дремали или жевали длинные уши своей матери. Маленькие пуделята были просто очаровательны, виляли своими крошечными остриженными хвостиками и спотыкались о собственные висячие уши. Через минуту Яна представилась всей собачьей семье и уже играла на полу со щенками. Женщина показала нам, где среди маленьких пуделят были девочки. Мы все трое согласились, что одна из них – с особенно гладкой, блестящей, каракульчовой шкуркой, переползавшая через своих менее подвижных братьев и сестер, – была самой активной. Итак, это и была Хэппи!

Яна осторожно взяла щенка, который тут же лизнул ее в нос, и стала нянчить Хэппи и шептать ей что-то в ушко. Затем положила этого нового члена нашей семьи в корзинку. Судя по всему, Хэппи почувствовала себя уютно и вскоре мирно заснула.

Поездка на трамвае заняла больше часа. Всю дорогу Яна сидела у окна. Трамвай шел вдоль широкой, сверкающей в солнечных лучах Невы, мимо величественных дворцов, золотого шпиля Петропавловки, по изящным мостам. Обычно Яна любила наблюдать за красивым городом и его серебристым, вечно движущимся отражением в воде. Однако в этот день она сидела напряженно, прямая, полностью поглощенная своим черным щенком, спящим в корзине у нее на коленях.

Я никогда не видела Яну такой счастливой, такой ликующей, как в тот день. Вечером наши двери не закрывались: все дети из дома пришли посмотреть на щенка. Ближайшим друзьям Яны было даже разрешено прикоснуться к мягкой шкурке. Яна была занята – подогревала молоко, вытирала постоянно образующиеся на полу лужицы, ласкала щенка. Хэппи хорошо приспособилась к своей новой среде. Ей нравилось быть в центре внимания.

Закончился долгий светлый день. Мы уложили Хэппи на кухне на свернутое одеяло, которое было обозначено как ее спальное место, похлопали и погладили ее и с чувством выполненной миссии легли спать.

Но только мы устроились в постели, как услышали скуление на кухне. Месячный щенок, разлученный с матерью, не мог согласиться с тем, что ему подходит имя Хэппи. Через одну-две минуты Хэппи душераздирающе выла с повизгиванием. Мы встали. Как только Хэппи увидела нас, она перестала выть. На всякий случай мы дали ей теплое молоко и даже угостили печеньем, погладили и нежно поговорили с ней. Затем положили ее на одеяло, выключили свет и на цыпочках вернулись в спальню. Не успели мы забраться в кровать, как щенок завыл еще громче прежнего.

Мы оба сидели в постели, прислушиваясь к жалобным воплям. Как мы будем работать завтра, если не выспимся? Как Яна будет справляться завтра в школе? Но вдруг мы поняли, что в квартире стало тихо. Осторожно вошли на кухню. Одеяло под кухонным столом было пустым. Мы заглянули в комнату дочери. Рядом с Яной лежал щенок, оба крепко спали. Это было нарушением запрета на собаку в постели, о чем мы договорились только сегодня утром. Мы смотрели на мягкое черное ухо, распростертое на Яниной руке, на две мордочки, девочки и щенка, носом к носу, с одинаковым выражением мирного блаженства. Не говоря ни слова, мы закрыли дверь и пошли спать...

Годы, проведенные вместе с Хэппи, были едва ли не лучшими в нашей жизни. Что касается Яны, то Хэппи вызвала в ней прилив творческих сил. В девять лет Яна неожиданно начала писать стихи. Ее приняли в литературный кружок под руководством теперь известного поэта и легендарного руководителя детской творческой группы Вячеслава Абрамовича Лейкина.

В те годы Яна написала много стихов, посвященных Хэппи. Приведу несколько детских Яниных стихов – опубликованных или просто сохранившихся в нашем архиве.

О моей собаке

Моей собаке – знаю точно –
 Опасной службы не нести,
 Ей к раненым через сугробы
 Под вой снарядов не ползти.
 Ей не тащить по тундре сани,
 Не сторожить от вора дом,
 За зверем по лесу не гнаться,
 Сбивая ветки, напролом.
 Ей просто жить в моей квартире
 И быть товарищем моим...
 Вы говорите – это просто.
 Ну что ж, мы с нею промолчим.

Перед купаньем

Кафельные стены,
 потолок весь белый,
 слышно, как журчит вода, –
 дрейфит самый смелый.
 Грязная собака
 страдает в коридоре:
 Ох, меня сейчас схватят!
 Ай, какое горе!
 Мне, верно, уготован
 кусок ужасный мыла...
 Ах, если б только это сном
 и неправдой было!
 Выкупают с мылом
 в ванной ненавистной!
 Неужели снова
 буду гадко-чистой?!

* * *

Мчится собака черная
 По вечернему синему снегу,
 Я гляжу на нее изумленно,
 Удивляюсь упругому бегу.
 Неужели это мой пудель,
 Что в зубах нам приносит тапки
 И гостей умиляет танцем
 На задних стриженных лапках?!
 Пружинисто, по-звериному,
 Мчится пудель красиво и быстро,
 Из-под черных лапок взметая
 Голубые снежные искры.

* * *

Бег, наскок и снова наскок,
 А из-под лапок летит песок.
 Собаки мчатся по пляжу и лают.
 Собаки в собачьи игры играют.
 А море плещется неустанно
 И смотрит с улыбкой на берег песчаный,
 Где собаки мчатся по пляжу и лают,
 Где собаки в собачьи игры играют.

Кого?

О чем-то родители шепчутся,
 Закрывшись таинственно в кухне...
 Мы в спальне с моей собакой
 От любопытства пухнем.
 В голове догадки запутались,
 Сны беспощадно гоня:
 Кого собрались воспитывать –
 Пуделя или меня?

Зиновий Кане – инженер-кораблестроитель, кандидат технических наук в области сверхкрупнотоннажных танкеров для перевозки сырой нефти. В Штатах – с марта 1979 года. Работал в Танкерном департаменте компании *Exxon International* во *Florham Park, NJ*, в Техническом отделе по проектированию, строительству и обслуживанию сверхкрупнотоннажных танкеров, а с 1990 года – в группе управления международным танкерным флотом. Преподает в *Fairleigh Dickinson University, NJ*. Не по паспорту – Женя.

Васька

В соседнем городке есть небольшой красивый парк *Frelinghuysen Arboretum* – ближайший от нашего дома. Мы с Адой часто ходим туда гулять. В этом парке, как и во всей нашей округе, много белок. Все они кажутся одинаковыми, заняты добыванием пропитания или играют, не обращая на вас внимания, пока вы находитесь на безопасном для них расстоянии. Но как только вы приблизитесь к ним, они шмыгнут к ближайшему дереву. Если подойти к дереву поближе, белка быстро переместится на другую его сторону. Вы, наверное, пробовали поиграть с белкой, когда она на другой стороне дерева, но она всегда вас перехитрит: у белка прекрасный слух.

Однажды в парке мы увидели стайку белок, и когда приблизились к ним, они, конечно, мгновенно разбежались. Все, кроме одной. Она продолжала свою напряженную работу. Мы решили не беспокоить ее и обошли это место.

Через несколько дней мы опять были там и снова увидели стайку белок, и опять одна из них не убежала от нас. Это повторилось еще несколько раз, и мы стали обращать внимание на храбрую белку. Как-то я решил испытать ее и начал очень осторожно приближаться к ней. Некоторое время она игнорировала меня. Но в какой-то момент посчитала меня угрозой и убежала к ближайшему дереву, но не спряталась за ним. Когда я подошел еще ближе, она быстро перебралась на дерево и повисла там вниз головой, даже не пытаясь спрятаться. Похоже, белка с любопытством смотрела на меня и не очень-то боялась. На нас произвела впечатление смелость этой белки, и мы решили, что принесем ей орехи. Несколько раз мы приходили, забывая орехи, но всегда могли заметить и узнать эту белку по ее поведению.

Наконец мы принесли в парк орехи. Мы увидели стайку белок –

у них там было несколько излюбленных мест. Я медленно подошел к ним и стал издали бросать орехи. Белки испугались резких взмахов руки и убежали – все, кроме нашей отважной знакомой. Она деловито разыскала и съела предназначенное для всей стайки угощение. Мы обрадовались и с этого дня неизменно приносили орехи. Нам всегда удавалось найти нашу белку в самых разных местах. Как бы мы ни разбрасывали орешки, она их находила, не пропуская ни одного. Мы пробовали намеренно бросать их во все стороны, но ничто не могло ускользнуть от внимания этой замечательной белочки.

Так мы стали с белкой своего рода друзьями и решили дать ей имя. Почему-то мы подумали, что эта белка – самец, и дали ей имя Васька, ну а полное – Василий. Известно, что Василий – это русский вариант имени *Basil*. Замена латинского “*B*” на русское «В» не так уж редка в русском языке. Лучший пример – *barbarian*, по-русски – всем знакомое слово «варвар». Это маленькое лингвистическое отступление имеет смысл в дальнейшем изложении.

Васька очень быстро привык к своему имени. Приходя в парк, мы шли к месту обитания белок, и когда оказывались близко, начинали звать: «Васька, Васька», и вот он уже бежит к нам издали или слезает с ближайшего дерева. Мы приносили ему разные виды орехов, и Ваське нравились все наши угощения. Когда парк не был переполнен людьми, он даже следовал за нами, как маленькая собачка. Казалось, что ему тоже нравилась наша компания.

Теперь мы узнавали Ваську не только по бесстрашному поведению, но и по внешнему виду. Белки только на первый взгляд кажутся одинаковыми. На самом же деле у них есть отличительные особенности. У нашего Васьки был особый изгиб довольно пушистого хвоста, ушки немного асимметричные, а на правом бедре коричневатое пятно.

Наш роман с Васькой начался осенью. А ближе к концу зимы Ада повредила ногу, катаясь на лыжах. Раньше мы всегда прогуливались по парку, но несколько недель Ада не могла ходить, и мы все время сидели на одной и той же скамейке, на которую она водружала ногу в гипсе.

Нашим любимым местом была красивая лужайка в окружении кустов роз с маленьким прямоугольным фонтаном. Скамейка располагалась на краю этой лужайки. Конечно, теперь, зимой, кусты были голыми, а фонтан был закрыт фанерой. Лужайка с этим незатейливым фонтаном была местом проведения самых разнообразных церемоний, большей частью свадебных. Рядом росло

несколько больших деревьев, на одном из них было дупло. Наш Васька избрал его своей резиденцией, и мы это знали. Мы, бывало, подходили к этому дереву и звали его. Он очень скоро появлялся и выглядывал из дупла, словно хотел сказать: «Ну что вы меня беспокоите?» Это выглядело так, будто его раздражало, что его выманили из уютного жилища. Но узнав нас, он спускался на землю и принимал наши ореховые подношения.

Поскольку теперь Ада сидела без движения на этой скамейке, я решил подманить Ваську поближе к ней. Я позвал его, и он, конечно, быстро появился. Я медленно направился к скамейке, бросая Ваське орешки. Он следовал за мной, подбирая орешки, но все равно в какой-то момент считал ситуацию слишком опасной для себя и отбегал. И тем не менее каждый раз оказывался все ближе и ближе к нам. Орехи были большим искушением для него.

После нескольких наших посещений парка Васька приучился сразу подходить к скамейке, отвечая на наш зов. Мы кидали ему орехи, разбрасывая их по лужайке. Он находил все. Ни один не был упущен, как бы мы их ни разбрасывали. Аде очень нравились визиты нашего друга. Теперь ей уже было не так скучно все время сидеть на одном месте.

А мы продолжали его искушать. Однажды я положил орехи близко к ботинку, потом на ботинок, потом вытянул ногу и положил орехи на джинсы, каждый раз все выше и выше: на колено, затем на скамейку, на подлокотник, на руку, на локоть, на плечо. Нет проблем! Ваське стало со мной так комфортно, что он не боялся брать у меня орехи прямо из рук! Как-то я решил подразнить его, не выпуская орешек из пальцев. Васька бесцеремонно затребовал свое угощение – зубы у него были очень острые, укус был сильным, но я успел отдать ему орешек и отдернуть руку. Мне повезло, кожу он не прокусил. Больше уж я его не дразнил.

Прошло шесть недель, и у Ады сняли гипс. Мы приходили в парк, как только представлялась возможность. Мы заслужили Васькино доверие и всегда проводили с ним какое-то время.

Летом, когда Яна со своим мужем-американцем приехала к нам на каникулы (они оба учились в одном университете), мы привели их в парк – показать нашего необыкновенного Ваську. Он прибежал откуда-то на наш зов. Яна с детства любила животных и сразу стала кормить Ваську из рук. Зять, не привыкший к общению с животными, к тому же из семейства грызунов, не сразу осмелился дать Ваське орехи из рук. Но когда Васька побежал за нами по дорожке как собачка, он все же решился его покормить. Сохранилась

фотография, запечатлевшая этот момент.

Очень часто, придя в парк, мы шли прямо к дереву с дуплом и начинали звать: «Васька, Васька!» Через несколько секунд из дупла высовывалась знакомая мордочка заспанного и несколько раздраженного существа – вот, мол, пришли гости и будят меня. Но все же он быстро спускался к нам и, вися на задних лапках вниз головой, принимал нашу дань, причем сначала грыз орешки, а потом набивал полные защечные мешки, благосклонно приняв наши поглаживания, и убегал в свое дупло. Теперь он спешил на наш зов в любом месте парка, где он обычно проводил время.

Однажды мы пришли в парк и, как всегда, стали звать Ваську. К нашему удивлению, он не появлялся. Мы проверили все знакомые места и в конце концов нашли его. Но наш друг был занят: он принимал ореховые подношения от другой пары. Конечно, мы его узнали. Мы стали расспрашивать пару (их звали Кэти и Пол) о Ваське и сказали, что он «наш питомец» и что у него есть имя. Они ответили, что он и «их питомец» и что они тоже дали ему имя. К нашему обоюдному удивлению, они назвали его *Basil!* Тем не менее, они не достигли того дружеского доверия, которое мы установили с ним: принимать орехи прямо из наших рук или сидя на плече. Потом мы несколько раз встречали Кэти и Пола. Она была дизайнером и художником, он занимался компьютерами.

Как-то мы пришли в парк, когда там была художественная выставка любителей, рисовавших парковые пейзажи в разное время года. Ада заметила несколько акварелей с белкой. На одной картине, самой большой, с хорошо прорисованными деталями, была изображена белка в самом центре свадебной церемонии у фонтана. Ада воскликнула: «Это же наш Васька!» Рядом лежал альбом для выбора лучших картин и для комментариев. Мы выбрали эту картину как лучшую и написали художнику, что она нам нравится, и мы думаем, что, скорее всего, это наш общий друг Васька – *Basil*. Мы оставили свой номер телефона для связи.

Очень скоро нам позвонила Кэти. Она рассказала, что они с Полом поженились, устроили свадебную церемонию в парке, на полянке с фонтаном. Когда они обменивались клятвами и кольцами, *Basil* вступил на середину лужайки перед ними. Из толпы раздалось восхищенное «аа-аа-х!», Кэти и Пол очень обрадовались неожиданному визиту *Basil*. Его никто не звал, он сам рискнул появиться на церемонии, явно узнав своих друзей и совершенно не боясь большой, шумной толпы! Этот момент Кэти и отобразила на своей картине, назвав ее «Незванный гость».

Прошли лето и осень; зима только началась. Однажды мы позвонили нашему близкому другу Ингрэму. Он был чем-то сильно расстроен. И мы решили взять его на прогулку в наш любимый парк, чтобы отвлечь от всех неурядиц и забот, хотя день выдался довольно неприятный: было холодно, иногда шел снег вперемешку с дождем. Ингрэм знал о нашем приключении с Васькой и историю с Кэти и Полом, но мы не надеялись на встречу с нашим другом в такой пасмурный день. Тем не менее взяли упаковку орехов – мы всегда держали их наготове в машине.

Без особого энтузиазма мы начали звать Ваську около его резиденции. К нашему величайшему удивлению, он выглянул из дупла (как в мультфильме) и после короткого обозрения заспешил вниз по дереву. Теперь он был с пушистым зимним хвостом. Ингрэм был просто поражен. Пока мы кормили Ваську с рук, к нам подошла парочка. В такой непогожий день сюда мало кто приходил. Каково же было наше удивление, когда парой оказались Кэти и Пол! Они просто решили прогуляться по парку, вовсе не надеясь увидеть *Basil*, и уж тем более нас. Они тоже были очень удивлены, увидев всех нас в такую погоду. Наш друг Ингрэм не мог поверить, что тут не было никакого сговора. У него сложилось твердое убеждение, что все мы (в том числе и Васька) задумали это мероприятие ради него, чтобы его подбодрить. А он действительно повеселел и выглядел отдохнувшим.

Наша дружба с Васькой продолжалась еще пару лет. Он очень хорошо знал нас, гулял с нами по дорожкам, разрешал гладить его. Орехи мы ему не бросали – мы присаживались, и он неторопливо выбирал своими когтистыми лапками из ладони те, что ему больше всего нравились... Но однажды нам не удалось его найти, он просто исчез. Мы пытались подружиться с другими белками, но ни разу, никогда не было ни одного зверька, даже отдаленно напоминавшего это замечательное существо!

Теперь мы редко бываем в этом парке, но придя сюда, всегда стоим перед Васькиным деревом. За 25 лет оно еще больше разрослось. Дупло теперь находится выше, но никто в нем не живет. Мы стоим, смотрим на дупло и вспоминаем нашего замечательного, необычного, храброго друга. Как бы хотелось увидеть его заспанную недовольную мордочку и ощутить в пальцах его настойчивое усилие, чтобы вытащить из них очередную орешек.

Какая это была удивительная дружба! Васька – это чудо природы, бесстрашный беличий Джеймс Бонд!

Яна Кане - родилась и выросла в Ленинграде. Несколько лет училась в ЛИТО под руководством Вячеслава Абрамовича Лейкина. Эмигрировала в США в 1979 году. Закончила школу в Нью-Йорке, получила степень бакалавра по информатике в Принстонском университете, степень доктора философии в области статистики в Корнеллском университете. Живет в США с мужем. Работает в должности *Senior Principal Engineer* в фирме *Comcast*. Русскоязычные стихи и проза вошли в сборники «Общая тетрадь», «Неразведенные мосты», «Страницы Миллбурнского клуба», «Двадцать три», «День зарубежной русской поэзии» и публикуются в журналах «Семь искусств», «*Elegant New York*», «45-я параллель», «Мосты». Англоязычные стихи публикуются в журнале «*Chronogram*», в сетевом журнале «*Trouvaille Review*» и в антологии «*Red Wheelbarrow*». Вышли две двуязычные книги: «Равноденствие» («Образ», Москва, 2019) и «Зимородок/*Kingfisher*» («Геликон», Санкт-Петербург, 2020).*

Переплетения

В последние несколько лет я стала замечать, что стихи мои существуют не каждый по отдельности, а складываются в циклы, в которых я поэтапно развиваю какую-то тему. Появляются диптихи и триптихи, где я смотрю на один и тот же аспект бытия с разных, порой даже противоположных, точек зрения. Я стала чаще вдохновляться произведениями других авторов и поэтому включаю в свои тексты эпитафии или цитаты. Я теперь также больше занимаюсь переводами.

Все это происходит не потому, что я сознательно задала себе направление на большее взаимодействие текстов. Скорее наоборот, мое сознание наблюдает и констатирует этот процесс. Я думаю, что для меня (быть может, и для других «пишущих» людей) сочинение стихов всегда было процессом диалога, переплетения многих нитей, среди которых мое собственное «я», существующее «здесь и сейчас», – лишь один из участников, и зачастую не главный. Со временем (хочется верить, с продвижением к мудрости) эта переплетенность приобрела для меня большее значение и ценность. Подборка в этом году включает триптихи («Мироздания», «Душа»), циклы («Водоворот», «Год», «Грани») и переводы.

---

* Книгу «Зимородок/*Kingfisher*» можно прочесть или скачать (бесплатно) на странице <https://www.litres.ru/yana-kane/zimorodok>. Стихи на русском и английском языках, а также диалоги с авторами и читателями можно прочесть на сайте [stihi.ru: https://stihi.ru/avtor/yanastihiru](https://stihi.ru/avtor/yanastihiru).

Мироздания Триптих

1. Творец

*Какая чудовищная гордыня –
творить Бога, глядя в зеркало.*

Саша Казаков

Как тщетно мы боготворим творца –
Божественен он только в миг творенья.

Затвердевает лава вдохновенья,
И остаются плоть, слова... камня,
Застывший образ озаренного лица.

Пыл веры, пламя жертвоприношенья,
Свеча молитвы, молния прозренья –
Лишь отблески огня того мгновенья,
Когда в движении одном – генезис, гений,
И свет начала не страшится тени,
Еще не зная неизбежности конца.

2. Иное

*... одинаково чуждое
Жизни, и смерти, и всем их синонимам.*

Дмитрий Быков

Но есть иное мирозданье,
Где твердь от вод неотделима.

Там голос грозного Творца,
Как метеор, промчался мимо,
Пророкотал, как дальний гром,
Не опалив, не расколов
Простор блаженного безмолвья
Восторгом и проклятьем слов.

3. Эмпиризм

*Не дано нам ни воли, ни знания,
И действительность нам не дана.*

Виктор Фет. Теорема

Не дано нам ни воли, ни знаний,
Кроме тех, что награда труду,
Кроме тех, что куем и чеканим,
Из себя добывая руду.

Не ища доказательств, но снова,
И начало приняв, и конец,
И числом озаренный, и словом,
Поднимает свой молот кузнец.

Душа *Триптих*

1. Тайком от разума

Сквозь шум и хаос,
Задыхаясь и спеша,
Расслышишь
И признаешь понемногу,
Что молится озябшая душа
Тайком от разума
Низверженному Богу.

2. Прозреньё

Душа, не верящая в Бога, –
Нагая, смертная душа.

Ее не манят песни рая
И муки ада не страшат.

Ей некуда нести молитвы:
Смиренье, благодарность, лесть.

Она в пути своем бездомна.
Ей сострадание и честь
В ненастье служат маяками.

Она живет в последний раз.
И пусть прозреньем озарится
Весь путь ее в предсмертный час.

3. Свобода

Душа печальна и пуглива,
Нежна, насмешлива, беспечна,
Мудра, бесхитростна, лукава.

Со смертным телом неразлучна,
С ним смертна.

Век свой быстротечный
Познав, приняв, она свободна,
Светла, неповторима, вечна.

Водоворот

1. Переправа

Мне столько раз приходилось с тобой расставаться,
Сколько за жизнь выпадает прощаний с собою –
С верой своей и неверием, страхом, надеждой,
С обликом в зеркале, с домом, прозванием, судьбою,
Сколько за долгую жизнь переправ происходит,
Где понимаешь, что нет без потери свободы.

И каждый раз – вброд и вплавь через новую реку,
Дальше и дальше, сквозь быстро бегущую воду.

2. Человек-амфибия

Человек-амфибия поворачивает время вспять.
Человек-амфибия возвращается в лоно вод.
Отныне бездна станет ему землей.
Отныне вода заменит ему небесный свод.

Не надо его окликать, жалеть, вспоминать.
У кромки воды оборвалась цепочка слов.
Он сам избрал свободу вместо судьбы,
И он познает мир до рожденья миров.

3. Зодиак

Здесь – свой зодиак.
Разгадывай, звездочет,
Тайны морских звезд,
Толкуй жемчужные сны.
Теперь океан – твой дом.

4. Наследство

Нет причины нам делить наследство,
Спорить и искать, кто нас рассудит.
Всякий волен черпать из колодца.
Хватит всем, в нем неба не будет.

Нет причины мериться печалью:
Кто вернее помнит, горше плачет.
Все мы пьем одни и те же звезды.
Каждый сам поймет, что это значит.

5. Круговорот

Первый миг отречения от истока –
На рассвете весной в пробудившейся чаще.
Не удержат берез невесомые тени
Этот талый поток, безмятежно журчащий.

Дальше – в землях других круговерть, половодье,
 Струи гнут и прядут затонувшие травы.
 А потом – русла муторное заточенье
 В берегах, где разруха, клоака, отрава.

Но удастся побег в сумрак, в пласт водоносный,
 И за каплею капля – долгий путь очищенья.
 Наконец – свет слиянья с простором соленым
 И к истоку метелью ночной возвращенье.

Год

1. Нарциссы

Сонм шестикрылых нарциссов
 Поднимает золотые трубы.
 Беззвучный хор ликующего аромата
 Возвещает пришествие весны.

2. В траве

В траве золотисто-зеленой
 Кузнечики серые сонно
 Стрекочут, стрекочут, стрекочут,
 Сухим рассыпаются звоном
 И слух, усыпляя, щекочут.

В траве золотисто-зеленой
 Гудят медоносные пчелы.
 Звук теплый, густой и тяжелый –
 Невнятный напев монотонный,
 То ближе, то вновь отдаляясь,
 Пльвет, над цветами качаясь.

В траве золотисто-зеленой
 Чуть движутся легкие тени
 От облака, полного лени,
 Плывущего в сини бездонной.

И спит человек утомленный
 В траве золотисто-зеленой.

3. Лес после грозы

Каким чудом уцелела паутина,
 Поймавшая рой сверкающих капель, –
 Радужная оболочка зрачка,
 Парящего в пустоте?

После слепящего взрыва,
 После слепого мрака –
 Ясный взор в самую глубь
 Опаленной молнией чащи.

4. Годовщина

В преддверии годовщины смерти
подступает бессонное беспокойство.

Душа мечется в поисках слов и действий,
взывает к разуму,
бьется о стены плоти,
как будто еще есть куда спешить,
как будто птица потери
еще неуклюже прыгает,
еще не оттолкнулась от земли,
еще не распахнула
широкие черные крылья.

5. Август

Август тихо плачет по ночам.

Днем жара, как прежде, непреклонна,
Сад роскошен, синева бездонна,
А гроза – так молнией с плеча.

Но полночный дождь, прохладный, редкий,
Серебрится на усталых ветках...

Август тихо плачет по ночам.

6. Сентябрь

Какие ласковые дни!
Сентябрь по шерстке гладит.
Теперь мне дышится легко,
А он мне шепчет на ушко,
Что все-то он уладит:
Жару прохладой усмирит,
День с ночью уравниет,
А в остальном (поверь, поверь!)
Все дальше будет, как теперь:
Он лету – верный брат и друг
И больше ничего вокруг
Вовек не поменяет.

7. Настойка

Каждый вдох – глоток
Терпко-пряной настойки.
Астры. Листья. Дождь.

8. Утро первого инея

Утро первого инея –
Неземной над землею покой.

Осеннее солнце так низко,
Что можно коснуться рукой
Остывшей поверхности диска.

9. Пляска

Этой ночью ты зажгись, ты спляши,
Огонек, на белой свечке души.
Тьма предзимняя безлунна, длинна.
Не робей, пляши, огонь, у окна.

Ты маши своим атласным платком
Перед черным неподвижным зрачком
И задорным золотым язычком
Со своим зеркальным спорь двойником.

Не жалея воска белой свечи,
Ты отплясывай в крошечной ночи.
Без усталости, без страха, без сна
До зари пляши, огонь, у окна.

10. Январь

*И будет снег неторопливый
Идти, как символ чистоты...*

Елена Касьян

Черное серебро – ранний сумрак, мороз.
«Декабрь, декабрь!» – крик ворона на ветру.

Но небо смягчится – ночью повалит снег.
И чаша пустая заполнится манной к утру:
Манной покоя, сладостью тишины.
Душа отдохнет наконец от тревог и бед.
А пробудившись, увидит – пришел январь,
Между белым и белым – молочный свет.

11. Первый снег

*Прежде Евы была Лилит...
Не из глины, не из ребра –
Из рассветного серебра.*

Вадим Шефнер

Льжи, как длинные языки,
Лижут снежный пломбир.
Все печали под снегом спят,
Ясен морозный мир.

Первозданный снежный Эдем
Не знает ни зла, ни добра.
Бежит по рассветному серебру
Льжница из серебра.

12. Ворожба

Если зимняя ночь
 Была тебе повитухой,
 Если первую песню
 Пела тебе старуха,
 В колыбели качая
 Под замерзшим оконцем,
 Если звезды светили
 В окно твое раньше солнца,
 То тебя не закружит
 Весеннее половодье,
 Ты с конем доплывешь
 И в руках удержишь поводья,
 Ты не сомлеешь в жару,
 Не оробеешь в грозы,
 Осень тебя не купит
 На золото или на слезы...

Зимняя ночь распахнет
 Тебе объятая метели,
 Обовьет, укачает
 В ледяной колыбели.

13. Колыбельная

Пускай покой к тебе приткнется теплым боком
 И замурлычет под твоей ладонью.
 Морозные просторы заоконья
 Забудь на время. Пусть бессонным оком
 Луна, как часовой, глядит сквозь дымку,
 Пусть зимний ветер флюгер ржавый вертит.

Тревоги жизни и печали смерти
 Забудь на время.
 Спи с теплом в обнимку.

14. Конец февраля

Свет прибывает. Но душа не верит
 Посланцам марта на исходе февраля –
 Ни почкам, набухающим на ветках,
 Ни числам на листках календаря.

Она с зимой расстаться не спешит,
 Свой снежный кокон сбросить не готова.
 Душа внимает тишине в тиши.
 Она еще не вызрела для слова.

15. Март

От солнца мартовского прячется зима
 То под корягу, то в мохнатый ельник.
 Забыты гордость и кураж метельный.
 Выходит к ночи. На худом плече – сума.

И молит пощадить, повременить,
 Как будто равноденствие – край бездны
 Или как будто властен свод небесный
 Апрель, июль, сентябрь отменить.

16. Земля

Мне столько раз выпадало
 Вспахивать грядки весной,
 Пробуждая огород,
 И осенью, баюкая его
 После первых заморозков;
 Мне столько раз приходилось
 Навек прощаться, укрывая землей
 Могилу близкого человека,
 Что теперь, когда я ощущаю
 Запах влажной земли,
 Ее вязкую тяжесть на лопате,
 В памяти одновременно всплывают
 И названия сортов гладиолусов и помидоров,
 И слова поминального кадиша.

17. Росток

Прах встречается с духом...

Светлана Ергольская

Прах встречается с духом,
 Как борозда с зерном.
 Словно бы неживое –
 Со скованным мертвым сном.

Кажется, что навеки.
 Но наступает срок –
 Во мрак прорастает корень,
 Тянется к свету росток.

На краю

1. Зеркало

*Словно в зеркале страшной ночи,
 И беснуется и не хочет
 Узнавать себя человек...*

Анна Ахматова. Поэма без героя

Амальгама серебра и ртути,
 Мора, взлета, безразличья, жути –
 Свет полночный проникает в дом.

И, проснувшись невпопад, мы даром
 Гоним из зеркал оскал кошмара,
 В прошлом веке свой не узнаем.

2. Феникс

Феникс сжигает себя,
Как сжигают свой дом, отступая,
Не оглянувшись на черный скелет,
Искр меркнущих стаю.

Феникс сжигает себя
И крик свой предсмертный не слышит.
Память свою он обрушил вовнутрь,
Как стропила, как крышу.

Проговоришься ему
Про огонь, про его пепелище –
Он удивленно в лицо поглядит:
«А о чем ты, дружище?»

3. Грань

Сердце земное – дом и очаг,
Любимые лица.
Сердце нездешнее – грозная тень
Хищной птицы.

У судьбы, что есть, – дневные пути.
У несбывшейся – в полночь дорога.
Зрячим взором увидишь и свет, и мрак,
А незрячим – лишь Бога.

4. Серенький Волчок

Каждого из нас в младенчестве
баюкала колыбельная:
если ты неосторожен,
если заглядываешь за край,
жди Серенького Волчка.

Клыкастая пасть
ухватит тебя за мягкий бок,
потащит в зловещую чашу.

Уменьшительное «серенький»,
ласкательное «волчок» –
попытка превратить оскал
в подобие улыбки.

Песня не говорит, что произойдет,
когда ты окажешься в лесу.

Быть может,
мощные челюсти расчленият тебя –
обед для волчьего семейства.

Быть может,
они бережно поместят тебя в тепло логова:
присоединяйся к мохнатым братьям и сестрам,
тереби жадными губами
набухшие молоком сосцы волчицы.

К тем из нас,
кто поддался соблазну края,
с наступлением ночи
приходит Серенький Волчок.

В сумраке светятся янтарные глаза.
Дыхание хищника влажно, горячо.
Звериная луна поднимается над чащей.

5. Голос

Звонкою песнью своею его очаруют сирены...

Гомер. Одиссея. Пер. В. В. Вересаева

Голос твой, невод твой
Глубоководнее слов.
Тонет в пучине,
Уходит к основам основ,
Ловит не смысл, а звучанье
Камланий и снов.

Шепот русалочий,
Смех и напевы сирены
Голос твой, невод твой
Тянет из тины и пены.

6. Сейчас

Давайте попросимся сейчас,
Пока еще прощание не впору,
Пока еще не знаем, где и как...
Пока еще не ведаем, как скоро...

Поговорим сейчас начистоту,
Сняв грим своей иронии небрежной,
Простив, если осталось что прощать,
И не стесняясь слов простых и нежных.

7. Свет

*Давно уже привыкли
молчать о том, что мы
из пустоты возникли
среди крошечной тьмы.*

Виктор Фет

Нет, не пустыми были
Безумные мечты,
Роенья звездной пыли,
Уроки пустоты.

Трепещет свет, танцует,
Взвихря тень свою,
Страшится и ликует
У бездны на краю.

Переводы

Из Арнольда Силкока

Предупреждение о томатном соке

На днях братец Джим с кем-то крупно повздорил –
Фингал ему враг его запомидорил!
Как так? Помидор – овощ мягкий и нежный...
Но тот был в жестянку закатан прилежно.

Из Огдена Нэша

Бегемот

Глядите, вот он – бегемот.
Как вид его смешит народ!
Но посмотреть со стороны:
Так ведь и мы ему смешны.

Друг бегемот, давай рассудим:
Черты людей милее людям.
А ты – вершина всех красот,
Коль взглянет твой со-бегемот.

Кукушки

Кукушки – самки и самцы – народ богемный.
Гнездо и брак блюсти не станут ни в какую.
А потому всех прочих птиц уклад семейный
Они цинично критику-ку-ку-ют.

Кобра

У кобры яда полон рот.
Ногами служит ей живот.
Дразнивший кобру вам доложит:
Забава та себе дороже.

Пес

Давно уж это не секрет и не вопрос:
Да, человека обожает пес.
Взяв за основу полевые испытания,
Добавлю: в мокром псе активней обожание.

Муравей

Повсюду муравья привычно чтут –
 Мол, благороден неустанный труд.
 Ну да. А вам бы мил был отдых и покой,
 Будь вы облиты муравьиной кислотой?

*Из Ив Мерриам***Бессонная мечта**

Бессонная мечта:
 уйти в ночи
 не как ворюшка, пойманный с поличным,
 обделавшийся, скрюченный от страха,

а как любовник,
 что насытился слияньем,
 постиг экстаз такого забытья,
 которое во времена Шекспира
 звали смертью.

Из Артура Расселла

У эмоджи
 слезы брызжут
 из внешних
 уголков глаз

По моему опыту
 они набухают
 во внутренних
 уголках

блестят
 на нижних ресницах
 стекают
 по скулам

бродят
 по щекам
 пока не доберутся
 до складок

от ноздрей
 к губам
 а затем
 капают

на еду
 которую не ешь
 на книгу
 которую не читаешь

Можешь
дотянуться
кончиком языка
слизнуть

распробовать
замерить глубь
своей печали
пока они текут

Игорь Мандель – статистик, доктор экономических наук, родился и вплоть до отъезда в Америку жил в Алматы, преподавал статистику в Институте Народного хозяйства, в 90-е годы работал в американских компаниях. В Америке с 2000 года. Занимался статистикой в применении к маркетингу; с 2019 года – президент фирмы *Redviser*. Регулярно публикует научные работы; на русском языке вышли четыре книги иронической поэзии, книга сновидений (в соавторстве) и статьи: <http://z.berkovich-zametki.com/avtory/mandel/>; <http://i.7iskusstvo.com/avtory/mandel>. Живет в Fair Lawn, NJ.

Застольная беседа

Е. Доказательств нет, и я в это не верю. Этингер пишет совершенно произвольные вещи, ничего не доказано. Меня попросили написать статью по этому поводу, и я сейчас много чего читаю. Недавно была конференция, там выступал главный оппонент Костырченко, Наумов. Его аргумент...

Б. Ну как это не было? Письмо Эренбург подписывал или нет?

Е. Это ведь очень запутанная история. Недавно оно опубликовано, это письмо...

И. Как? Нашлось?! Впервые слышу, это очень интересно!

Е. Да, уже около года. Так вот, там не очень понятно. Нет сомнения, что это оригинал, там все подписи есть, и Эренбурга в том числе. Согласно его версии, к нему пришли Минц и Маринин, попросили подписать, он сказал, что должен посоветоваться со Сталиным, и т. д.

И. Да, это очень известная история.

Е. Хорошо, но дочь пишет, что к Эренбургу приходили еще раз, вечером, и срочно попросили поехать в «Правду». Он поехал, вернулся абсолютно мрачный и разбитый и сказал, что подписал письмо. Но это было, кажется, 9 февраля, в то время как опубликованное письмо датировано 2 февраля. То есть подписал он его все же раньше. Было два варианта письма. Вопрос – что именно было подписано? То, что недавно опубликовано, не содержит никаких призывов к правительству насчет искупления евреями своей вины, готовности их к депортации и т. д. Оригинал очень странный – какие-то фамилии вклеены, где-то есть подписи, где-то нет, и прочее. Ощущение, что все это какая-то компиляция, что-то готовилось на всякий случай, но не было использовано...

А. Но могли использовать в любой момент. Подготовка шла. Мы

жили в самом элитарном районе Киева, мне было пять лет, и мальчик Юра во дворе мне говорит: «А всех жидов скоро выселять будут». Ну, как...

Б. Конечно, слухи были постоянно. Папа держал топор под кроватью. Мы жили под Москвой, рабочий поселок, там и без приказа сверху спокойно могли убить. Сталин сказал Хрущеву: «Почему бы рабочим не взять палки и не побить евреев?» Когда все вышли из кабинета, они молчали – каждый понимал, что возникать не надо. Хрущев понимал: если выполнит указание, то потом на него всё повесят и убьют. Если не выполнит... Как не выполнить? К нему подходит Берия: «Ну что, получил заданьице?» И тут Хрущев текст прерывает. А Берия сам уже был под мингрельским делом...

Е. К Хрущеву в те дни приехал кто-то с Украины и спрашивает: «Никита Сергеевич, тут слухи ходят, что евреев будут депортировать...» Хрущев говорит: «Вот видишь этот телефон? Прямая связь. Я сейчас позвоню товарищу Сталину и скажу, что вот товарищ интересуется». Так тот в ногах валялся, умолял не звонить. Такая была ситуация...

Б. Бараки строились...

Е. Бараки не строились, пустое все это. Исследовался трафик поездов – никаких изменений, никакого уплотнения режима не было в эти дни.

И. Да, должна же быть какая-то подготовка, инфраструктура...

С. Какая подготовка?! Зачем? Взяли и увезли, что тут рассоливать?! Так уже делали.

А. Мне дед рассказывал, как они ехали – кажется, в 1941 году – на восток. Остановились где-то. А там другой поезд стоит, пассажиры на перроне. Он разговорился с какой-то молодой женщиной. Она говорит: «Нас ночью подняли, не дали и пяти минут, вот надела пальто на ночную рубашку, везут куда-то». Это были немцы Поволжья, депортировали их.

Е. Ну, Наумов так и пишет, что отсутствие приказов – еще не доказательство. Первые документы о депортации чеченцев датированы двумя годами после депортации.

Б. Ну, и почему же вы думаете, что все это не готовилось? Столько фактов, свидетельств...

Е. Да глупо это, все это было ни к чему. Не надо было Сталину, не настолько он глуп.

С. А почему вы думаете, что он не был глупым?

А. Смотрите, если сравнивать Сталина и Гитлера, то две большие разницы, как говорят в Одессе.

С. В смысле? И кто же умнее?

А. Сталин, конечно.

С. И в чем же это он так умен?

Е. Совершенно бессмысленные расстрелы и репрессии...

С. Ну, врагов уничтожал, это же логично.

Е. Каких врагов? Их был абсолютный мизер, а он убивал миллионы.

И. Подождите, я сейчас разьясню...

Е. И все равно настоящих врагов не уничтожил...

И. Минутку, сейчас все станет ясно. Да, Сталин был умный человек, согласно всем обычным критериям. Например, очень хорошо учился.

С. Где это он учился? Он недоучился.

И. Он учился в семинарии, которую не закончил, но там он был то четвертым, то пятым из...

С. Четвертым из пяти?

И. Пятым из шестисот, из шестисот студентов. Это я недавно прочитал необычную книгу – «Юный Сталин», Монтефиоре. Там очень много уникальной информации о ранних годах. Оттуда ясно – конечно, это был умный парень, с детства, очень много читал.

А. Он сам все читал; вписал Некрасова в списки на Сталинскую премию. Там были статьи разгромные, сорок шестой год, ни одного упоминания вождя. И вдруг вождь сам вписывает...

И. Да, где-то есть оценка, что прочитывал около 400 страниц в день.

А. Хотя Казакевич тоже Сталина не упоминал, и тоже Сталинскую премию получил.

Е. И Гитлер много читал; оставил вполне приличную библиотеку, с пометками на полях. Фихте...

И. Да, читающая была публика. Вот чем эта книга очень интересна... У меня никогда не было цели изучать биографию Сталина и прочее. Игорь Ефимов подсказал; он ее тоже читал – для нового романа, как я понимаю. Я не удержался, да и недорого. И сейчас не жалею. Автор там огромную работу проделал, в 23 архивах возился – в Тбилиси, Батуми, Баку, Гори и так далее. Впервые

воспоминания матери Сталина изучил. Представляете?

Е. На каком языке это было?

И. На грузинском. Он сам не знал, но у него было множество помощников, переводили с грузинского, абхазского... Как-то я недооценивал... Страшный народ был эти ребята. Представьте сверхконспиративную атмосферу, где все они жили много лет. Все друг друга подозревали. Внедрялись агенты охраны. Сталин нескольких вычислил и велел уничтожить – черт знает, правильно или нет. Главные агенты, по книге, так и не были обнаружены. Ну, Малиновский – наиболее известная фигура. Были и другие. Но всем управлял Ленин.

А. Как Ленин?! Он жил где-то за границей, не вмешивался.

И. Да нет, еще как вмешивался. Нужны были деньги. Сталин их постоянно добывал эксами. В 1905 году, что ли, был 3-й или 4-й съезд в Лондоне – там же были и большевики, и меньшевики; они разбежались в 1903-м, но все равно еще социал-демократы, единая партия. Так вот, принимается решение категорически запретить экспроприации. ОК, но еще до съезда Сталин с Лениным между собой решают, что эксы все равно будут, независимо от решения. И точно. В 1907-м Сталин совершает самый знаменитый грабеж в Тбилиси, вместе с небезызвестным Камо; около 40 человек убито, больше миллиона рублей добыли. Все в конечном счете переправляется Ленину в Европу. Из-за этих денег поссорились Ленин, Красин и Богданов...

С. Ну, из того, что человек читает, и прочее, еще не следует, что он умный и т. д.

И. Конечно, нет. Я что, Сталина защищаю, что ли? Но просто, по личному опыту, – я не видел, чтобы кто-то хорошо учился в школе, а потом вдруг подурнел. Наоборот бывает – хоть и редко. К примеру, Эйнштейн. Ошибки делал, в огромном количестве... Но кто видел, чтобы хороший ученик вдруг дураком стал?

С. Сталин уничтожал врагов, тех, кто хоть в чем-то ему перечил, и в это имело смысл.

А. Но ведь далеко не только врагов.

С. Ну, хоть один пример – кого еще?

А. Бухарин – ну какой он враг?

С. Бухарин?! (Смеется.)

А. Преданнейший был человек, делал все, что прикажут. Да все они, собственно...

С. Троцкий...

Е. Я думаю, Троцкий был бы лучше Сталина, если бы влез наверх. Тоже понял бы, что надо делать социализм в одной стране, отказался бы от идеи мировой революции. И, наверно, допер бы, что НЭП надо сворачивать.

И. Трудовые армии...

А. Да, но он был более гибким. Ленин сказал, что НЭП – это надолго. Никто бы, наверно, не свернул его так грубо, как Сталин.

И. Что мы знаем насчет того, кто как бы себя повел? Темное дело. Ну вот наш тут разговор. Что мы пытаемся понять – был приказ выселять евреев или не был; был бы НЭП свернут при Троцком (да хоть и при Ленине) так быстро или нет, и так далее? Что мы знаем о принятии этими людьми их решений? Ничего, абсолютно ничего. Что мы знаем о самих себе? Я делал десятки ошибок в своей жизни – и что, я понимаю сейчас, почему я их делал? А любой из вас?

Е. Вот, я на Г. безошибочно женился...

И. Отлично, один вы такой безошибочный, да и то насчет Г., которая тут рядом сидит. А мы со Сталиным нет. Ну представьте себе, как все реально устроено. Поставьте хоть себя на их место. Десятки обстоятельств в каждую текущую секунду. На любое решение влияет целая цепь событий. Часто сам не помнишь, как оно вообще было. А мы пытаемся «восстановить историю», понять, что там было или не было, и почему кто-то что-то решил так, а не иначе. Да хотя бы одно звено этой цепи выпало – и уже все становится непонятным. Может быть, в целом что-то и ясно, – к примеру, что большевики были почти как бандиты с большой дороги, но бескорыстные (в подполье и на первых порах власти) и фанатичные, ни перед чем не останавливались, потому и победили. Но достаточно ли этого для объяснения всяких деталей или даже крупных вещей? Нет. Чем выше уровень авторитарности в обществе – тем больше что-то зависит от лиц на самом верху. Сталинская чертова личность становится вдруг очень важной. Его мнительность, взращенная с детства, а потом в подполье, в тюрьмах, в ссылке, неожиданно превращается в важнейший фактор мировой политики. Да и до сих пор влияет на ситуацию в России – посмотрите на эти нынешние нравы, гэбэшную пропитанность воздуха. Он ведь все это задал своим поведением. Мог услатить евреев? Мог. Было ли это «выгодно»? А в каком смысле? Кто бы в 1953 году, во время корейской войны, слово поперек сказал бы победоносной России с ядерным оружием?! Какая-то мелочь – может, письмо Эренбурга, может, любая из десяти других неизвестных вещей,

– приостановила этот процесс. И слава Богу. И так во всем. Что там Сталин! Да вот Трамп – что мы знаем? Но ведь все происходит на наших глазах. История – самая гиблая из всех наук. И поэтому самая привлекательная из них. Люди любят истории, только их, собственно, и обсуждают. Вот как мы сейчас.

С. А что Трамп? Всё знаем про него.

И. Поэтому ты перестал шапку носить с “*Make America Great Again*”?

С. Я могу хоть сейчас надеть, если хочешь.

И. Ладно, не надо. Вот яркий пример – не дают мужику ничего сделать. Это вам не евреев депортировать куда попало под горячую руку. Нет на нас диктатуры. Хоть бы что-то сотворил, насчет здравоохранения, что ли.

Е. Я написал проект реформирования всей системы здравоохранения и послал в двенадцать организаций, включая президента. Хоть бы один удостоил меня ответом.

А. И что, вы-таки знаете, как оно должно быть? А то народ в смущении.

Е. Ну конечно. Мы с Г. уже 12 лет на *Medicare*. За это время не было ни малейших проблем. Меня недавно направили на стентирование. Раньше делали в *Westchester County*. Но в этот раз доктор Берни говорит – пойдете к доктору Стерн на Манхэттене. «Почему?» – спрашиваю. Он посмотрел на меня и отвечает: «Там лучше». Понимаете? И вот – мне сделали не через пах, а через маленькую дырочку на руке (*показывает*).

И. Вот это да! Через пах очень противно, я знаю.

Е. Да. То же самое с Г. Ей еще сложнее операцию сделали, и все это бесплатно. По этому образцу и должно все работать. Медицина – единственная область, где не должно быть конкуренции. Поэтому все равно она придет к системе единственного плательщика, то есть государства.

А. Ну, у меня совсем другие впечатления от *Medicare*. Я уже почти год пытаюсь оспорить идиотский счет – все бесполезно. Бюрократия, неэффективность. И, главное, – вы, вообще, о чем говорите?! Единый плательщик – это Советский Союз. Вы хотите стоять в очередях и ждать, пока вам сделают анализ, который сейчас вам делают немедленно?

И. Господа, А. не просто так тут выступает. Он в этой индустрии...

А. Если ты опять об эрекции...

И. Я не о ней, но именно он, как статистик, давал заключение, что «Виагра» таки работает – ну, не всегда, конечно, а когда человек того хочет. Но и без эрекции он всю американскую жизнь в этой области проработал...

А. Да уж. Насмотрелся я на социалистическую медицину. Помню, мы собирались проводить клинические испытания на фирме, но все это выходило очень дорого. И мне пришла в голову идея – почему не провести их в Восточной Европе, где все несравненно дешевле? Я сказал начальству, оно задумалось и мудро решило – идея хорошая, но давайте тогда уж в Западной Европе, это как-то привычнее. И вот идет заседание в Лиссабоне, и они поднимают этот вопрос. Там было много народу, и один врач очень высокой квалификации в этой области говорит – что, вы тут хотите делать испытания? Это просто смешно. Да вы даже на разрешение потратите пару месяцев, потом на согласование процедур еще полгода, и так далее. Даже не начинайте. Ему говорят: «Так мы же сами будем за все платить». – «А это неважно. Не в деньгах дело. Все зарегистрировано. У вас просто ничего не выйдет». Как в воду глядел. Не вышло. Начальство сильно удивлялось.

И. Тут все не так просто. Совершенно ясно, что американская система абсолютно неэффективна. Самая, наверное, нелепая в мире. Исторически так сложилось. Я помню, был один фильм – про разные системы, делал его американский журналист. И вот он разговаривает с министром здравоохранения Тайваня. И тот ему говорит – мы страна молодая, неопытная. Прежде чем запустить систему здравоохранения в современном виде (а было это не так давно, лет пятнадцать-двадцать назад), мы послали специалистов во многие страны – посмотреть, как там. Потом собрали лучшие элементы и построили свою систему. Журналист спрашивает: «А что вы из США взяли?». Тот вежливо улыбнулся и отвел взгляд.

Е. Во всех капиталистических развитых странах медицина государственная. Цены намного ниже, проблем у людей нет.

Н. А лечиться едут к нам, особенно когда что-то серьезное.

И. Почему врачи должны быть в таком безумно привилегированном положении? Мне сделали одновременно колоноскопию и эндоскопию; приходит бумага – не счет, а просто «извещение» – вот, мол, врач начислил 36 000 долларов, но страховка у нас не дура, он получил всего 22 000. Как?! За два часа глядения в экран – двадцать две тысячи?! И так каждый день?! Это что, нормально? Да нет ни одной страны такой! И ведь самое забавное – всегда так. Они рисуют нелепые цифры, им платят какие-то нелепые суммы – и все

десятилетиями играют в эту игру. Театр абсурда.

А. Но лечат хорошо.

И. Да, хорошо. Но в очень многих странах тоже лечат ничего себе, но процентов за 10–15 от американской стоимости...

Ну ладно. Кажется, уже одиннадцать, пора и честь знать.

Лазарь Мармур – родился в Ленинграде. В 1972 году закончил Кораблестроительный институт. Инженер-механик в области больших грузоподъемных машин. Имеет несколько патентов. Стихи пишет со школы. Посещал литобъединения Давыдова и Горбовского. 30 лет назад эмигрировал в США. Публиковался в различных периодических изданиях. В этом году вышла новая книга стихов – «Лестница в небо».

Стихотворения

Високосный год

Приходит год, и все дожди
Идут в одну и ту же сторону,
Наглеют вирусы и вороны
На воспаленной мостовой.
И нависают облака
Одной непроходимой тучею,
Какой-то мерзостью летучею,
Над непокрытой головой.

Болячек разных торжество...
Как будто с организмом в стоворе,
Мне больше не сдаются козыри,
Мигает лампа, кран течет.
И бессловесный, как Иов,
Живу, хотя мне впору вешаться.
Когда ж он, наконец, натешится,
Проклятый високосный год?!

Сонет 10

И снова високосный год.
Февраль беснежен и отчаян,
И ветренен, и беспечален
Над суетою всех невзгод.

Последний день, прозрачный лед.
Как бесподобно мы скучаем!
И впереди не различаем
Прохладной старости приход.

Чисты, беспечны небеса...
И наполняет паруса
Моей надежды зимний ветер.

Легко поверить в чудеса,
Когда лишь внуков голоса,
И небеса,
И ты,
И дети.

* * *

Это старое колесо
На обочине всех дорог,
Где молоденький лес-лесок
Будто выскочил за порог,

Где осенняя мошкара
Над прощальным теплом гудит...
Где давно уже все пора,
И лишь сердцу легко в груди.

* * *

Время наше зимнее
Кроет окна инеем,
Годы наши долгие не пускают вскачь.
В ритмы эти новые,
Крепкие, бойцовые,
Кости наши старые не пытайся впрячь.

Нам еще донашивать
Все, что было нашего,
Что отцы и матери напевали нам.
Про дороги дальние,
Про глаза печальные,
Про места кандалные,
Про седой туман.

Город далекий

Глупые птицы сбиваются в стаи
В небе прокисшем.
Дни и короче, и выпуклей стали,
Строже и тише.

Город далекий, город холодный...
Сонной пиявкой
Там присосалась к Неве полноводной
Лебяжья Канавка.

Город имперский, город бредовый.
Чудо! Пальмира!
Боже, как долго идти по Садовой
К площади Мира!

Город прощальный, город ничейный...
Папин и мамин,
Стоит лишь вправо свернуть по Бассейной
Между домами.

* * *

Война меняет человека –
 Эстета делает калекой,
 Студент становится абреком,
 А смельчака рвет на куски...
 Казалось, мы к беде готовы.
 Но почтальонки ходят снова,
 И голоса по миру вдовы,
 Ложатся в землю колоски.

Война меняет человека –
 Хоть гения, хоть имярека, –
 Как будто мало было веку
 Ему отпущенной крови.
 Опять пожары и вороны?
 Опять Сережкам с Малой Бронной
 Цеплять потертые погоны
 И саваны кроить?

Сонет 14

Еще не вечер. Окна кроет тьма.
 Толкаясь, застилают небо тучи.
 Вдруг – высверк! Духота. И гром трескучий
 Раскалывает надвое дома.

Еще не вечер. Не сойти б с ума.
 Потоки лжи бессмысленней и круче.
 Лютует вирус, власть смакует дуче,
 Вооружаются окрестные дома.

Еще не вечер, – я твержу опять
 (плюс слово, что нельзя употреблять,
 хотя его не выбросишь из речи).
 Развеется, как призрачный, туман,
 Вернется звук в оглохшие дома...
 Еще не вечер, брат, еще не вечер.

* * *

Я побывал в Аду.
 Там пусто и темно,
 Ни капель с потолка,
 Ни дьявола, ни монстров,
 Ни тверди, ни воды,
 Все очень, очень просто.
 Там нету ничего.
 И нет уже давно.

Я побывал в Аду,
 На самом его дне.
 Вергилию привет
 И тем, кто шел за ними.
 Я был там... Был,
 Утратив даже имя.
 Вернувшись, говорю,
 Что ничего там НЕТ.

Изкор

Сиротская доля,
Сиротская мицва,
Читать над свечой.
И снова, и снова,
Пусть только приснится,
Уткнуться в плечо.

Лишь имя подставить,
Но сердце от боли
Замкнет горячо.
Сиротское время,
Сиротская доля,
Читать над свечой.

* * *

Бабье лето быстро кончилось –
Всё дожди, дожди, дожди.
Будто разом обесточилось
Все, что мнилось впереди.

Отзовись хоть малой весточкой,
Так ли осень хороша,
В тонкой шкурке человеческой
Не озябла ли, душа?

Памяти Цветаевой

Сорок первый год. Елабуга
На излуцине реки.
Там двойная в небе радуга,
Всем законам вопреки.

Весь до края август прожит,
А на западе – война.
Что ты ей готовишь, Боже?
В чем, скажи, ее вина?

Что была неосторожна,
Выбрав ненасытный путь?
Что вернулась – саблей в ножны,
Раз уж нечего вернуть.

Сыну – братская могила...
Бог узнает и простит.
Каждому, кого любила,
Только пепел из горсти.

Все долги ее просрочены.
Опадают тополя...
Легче так, одною строчкою, –
Крюк, веревка и петля.

Памяти И. Бродского

Не выходи из комнаты, подглядывай за пространством.
Пачку сомни, но только не выходи из транса.
Строчку пропой, у свежей просто волшебный запах,
Можно и дальше строить, лицом на Запад.

Не выходи из комнаты, не отвлекайся делом.
Лучше искать в деталях, чем заниматься целым,
Складывая в уме чертово это лого.
Только не увлекайся поисками ночлега.

Не выходи из комнаты, даже к своим каналам,
Северным или южным, также большим и малым,
Там, где вода по осени, веса и цвета ртути,
Ходит вокруг да около, не открывая сути.

Можешь, конечно, выдумать, что там еще за дверью.
Ты все равно обманешь, я все равно поверю.
Только прошу, пожалуйста, не подводи итога.
Не выходи из комнаты.
И не кури так много.

Сонет 15

И посох стучит о порог.

Яна Кане

Прогнутся деревья под бешеным ветром,
И звезды, как листья с небес,
Слетают к Земле перед самым рассветом
В холодный неприбранный лес.

Как было легко нескончаемым летом,
Хоть славы и денег в обрез,
Прогуливать жизнь, не заботясь об этом.
На то нас и выдумал бес.

А кто-то копил и считал, выбирая.
И выбился в люди, и стал генералом
Однажды, в положенный срок...
Но осень сметает опавшие листья,
Знакомые и незнакомые лица...
И посох стучит о порог.

Осень

Словно после осады,
Бессмысленной и жестокой,
Ветер качает вдруг опустевшие ветки.

Надежда

На той стороне дождя,
Где солнце целует окна,
Где, радуго возводя,
Поет бородастый Бог,
Где, вымотавшись за день,
Зонты и деревья сохнут,
Где пахнет трава весной,
И каждый твой вдох глубок...

На той стороне дождя,
Где чисто, тепло и сухо,
Где, вылупившись едва,
Апрель предъявил права,
Где, ползая по стеклу,
На волю стремится муха,
Туда, где уже давно
Некошенная трава...

И та сторона дождя
Когда-нибудь будет рядом.
Не слыша привычный стук,
Подумаешь, что оглох.
И солнце из облаков
Подарком тебе, наградой,
За то, что так долго ждал,
В окне растворит стекло.

Александр Матлин -

инженер-строитель, специалист по морским портам и водным путям. В Москве писал сатирические рассказы и фельетоны и публиковал их в советской периодической печати. В начале семидесятых годов в популярной серии «Библиотека Крокодила» вышла его книжка «Выталкивающая сила». Гонорар за нее он истратил в 1974 году на отказ от советского гражданства и выездную визу. Он утверждает, что это были, как говорят в Америке, *“the best things money can buy”*. В США продолжал проектировать причалы и писать рассказы и стихи, которые регулярно публикуются в американской русскоязычной прессе. Многие из них ходят по интернету, зачастую без имени автора. В 2010 году в Москве, в издательстве «Вагриус», вышла его книга рассказов и стихов «На троих с ЦРУ». В 2014 году в Нью-Йорке, в издательстве “MIR Collection”, вышла книга «2 = 1», в которую вошли рассказы по-русски и по-английски. В 2019 году в Чикаго, в издательстве “Bagriy Co” вышел сборник рассказов «Войти в реку времени».

Рассказы

Моя первая работа в Америке

Среди наших иммигрантов принято считать, что знание английского языка – необходимое условие для того, чтобы найти работу в Америке. Может быть, это и правда, но не всегда. Во всяком случае, по моему личному опыту знание языка приносит только вред. А если вы мне не верите, то вот моя история.

По профессии я инженер-строитель. К тому времени, когда я приехал в Америку, у меня за плечами было пятнадцать лет опыта, и я был уверен, что в этой стране я рано или поздно найду применение этому бесценному опыту. Я составил хорошее резюме и начал рассылать его по инженерным компаниям.

К моей радости, все мои адресаты оказались чрезвычайно вежливыми и отзывчивыми людьми. Каждый день я получал от них в ответ по два-три письма, в которых меня искренне благодарили за то, что я проявил интерес к их фирме, выражали неподдельный восторг по поводу моей высокой квалификации и с огорчением объясняли, что как раз сейчас у них нет возможности взять меня на работу. Что делать, такие времена настали.

По прошествии нескольких месяцев моя уверенность в будущей инженерной карьере слегка поблекла, и я созрел для того, чтобы работать кем угодно – чертежником, клерком, уборщиком – лишь бы

работать.

В конце концов фортуна сжалилась надо мной. Мне позвонил некий человек по фамилии Голдберг и пригласил меня на интервью. Мистер Голдберг владел небольшой мастерской по изготовлению простых металлоконструкций – таких, на которые вешают дорожные знаки вроде «Стоп», «Объезд», «Осторожно канава» и тому подобное. Ему нужен был чертежник. Черчение там было предельно простым, а уж для инженера с пятнадцатилетним опытом – вообще плевое дело.

Мистер Голдберг встретил меня с радостной улыбкой и немедленно повел показывать свое производство, которым он гордился, как собственным ребенком. Он явно хотел произвести на меня впечатление, а я, в свою очередь, хотел произвести впечатление на мистера Голдберга, и поэтому наше первоначальное общение было похоже на встречу двух близких родственников после долгой разлуки. Но вскоре тон этой радостной встречи начал постепенно тускнеть.

Тут я должен сделать небольшое отступление и поговорить о специфике своей русской, или советской – как вам будет угодно – ментальности того времени. Что делает советский человек для того, чтобы произвести впечатление на своего коллегу? А вот что: он объясняет, что тот, его собеседник, мало чего понимает в своей профессии, все делает неправильно и вообще соображает слабо. Вам это кажется странным? Мне тоже – сегодня. Но тогда это казалось естественным, и за этим стояла очень простая логика: если я говорю вам, что вы мало что смыслите в своей профессии, значит, я, естественно, смыслю больше вашего. Значит, вы должны признать мое профессиональное превосходство, уважать меня от всей души и немедленно принять на работу. Понятно?

Поэтому все, что мне показывал мистер Голдберг в своей мастерской, встречало мое снисходительное неодобрение. Сначала он повел меня в сварочный цех.

– Вот, – сказал он гордо и даже с некоторым самодовольством, – здесь мы делаем сварку. Мы почти полностью отказались от ручной сварки. У нас есть несколько современных сварочных автоматов.

Признаться, я никогда раньше не видел таких сварочных машин, какие показал мне мистер Голдберг, но это не помешало мне сказать:

– Это так вы делаете сварку? Это все никуда не годится. Когда я начну у вас работать, я покажу вам, как надо правильно варить

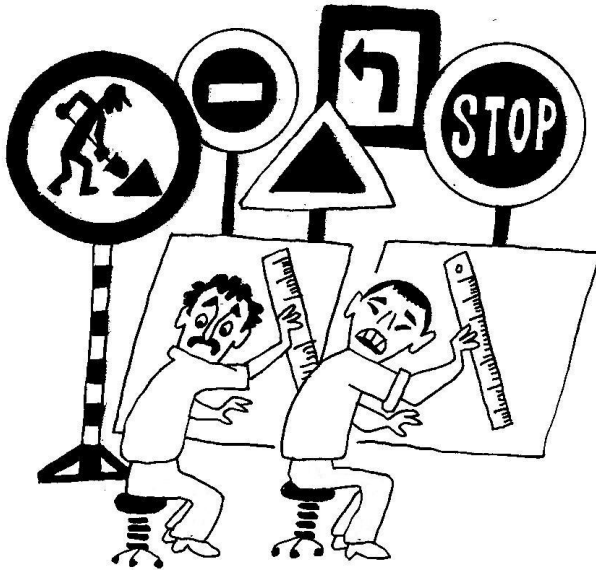
стальные конструкции.

Радостная улыбка сползла с лица мистера Голдберга, но я не обратил на это внимания. Мы вернулись в офис и зашли в комнату, где, склонившись над чертежными досками, работали два чертежника, один – китаец, другой – мексиканец.

– Ага, – сказал я, распираемый чувством превосходства, – это так вы делаете чертежи? Кто ж так чертит? Когда я начну у вас работать, я покажу вам, как надо чертить.

Тут мистер Голдберг совсем перестал улыбаться, и в глазах его появилась некоторая тоска, но я все еще не придал этому значения. Продолжая тоскливо не улыбаться, он сказал:

– Спасибо, что вы пришли. Приятно было познакомиться. Пожалуйста, не звоните мне; я сам позвоню, когда надо будет. До свидания.

Я пошел домой и начал ждать звонка мистера Голдберга. Прошел день, потом второй, а он все не звонил. На третий день я решил позвонить ему сам. Когда мистер Голдберг услышал мой голос, он явно пришел в раздражение:

– Зачем вы звоните? Я же сказал, чтобы вы не звонили. Я позвоню сам, если надо будет

На что я ответил вполне вежливо и безо всякого нажима:

– Конечно, мистер Голдберг. Я понимаю, мистер Голдберг. Просто я подумал: а вдруг вы потеряли мой номер телефона?

– Я не потерял ваш номер телефона, – сказал мистер Голдберг. – Пожалуйста, больше не звоните мне.

Я подождал еще дня три, но он не звонил. Тогда я снова решил позвонить ему. На этот раз, услышав мой голос, мистер Голдберг рассвирепел.

– Я просил вас не звонить мне! – нервно заверещал он. – Я уже сказал вам, что не потерял ваш номер телефона! Я знаю его наизусть! Пожалуйста, прекратите мне звонить!

Но я не хотел сдаваться. Мне нужна была работа. Я сказал:

– Мистер Голдберг, если вы не возьмете меня на работу, вы так и не будете знать, как правильно делать сварку.

И вот, когда я это сказал, мистер Голдберг, который до того момента все еще сохранял некоторую видимость вежливости, окончательно потерял контроль над собой и заорал срывающимся голосом:

– Все! Хватит! *You go fuck yourself!* – И бросил трубку.

Как видите, мистер Голдберг оказался не таким уж вежливым человеком. Но я на него не обиделся. Потому что я плохо понимал по-английски и не знал, что значит "*go fuck yourself*". Я порылся в словаре, но не нашел ни такого слова, ни выражения. Тогда я позвонил моему другу Володе.

Володя приехал в Америку на целых шесть месяцев раньше меня и потому считался коренным американцем и знатоком английского языка. К моему счастью, он оказался дома, и я спросил, знает ли он, что значит английское выражение "*go fuck yourself*".

Как выяснилось впоследствии, Володя не знал, что это значит, но признаться в этом значило бы признаться, что он чего-то не знает по-английски, то есть потерять лицо. Володя не вынес бы такого позора. Он сказал:

– О чем ты говоришь, старик! Конечно, знаю! Это... ну, как бы тебе объяснить по-русски... ну, в общем, идиома.

– Ага, – согласился я. – Что она значит?

– Как бы тебе объяснить по-русски... ну, в общем, это зависит от контекста.

Тогда я рассказал Володе всю историю с самого начала: и про то,

как мистер Голдберг улыбался, и как он показывал мне свою мастерскую, и как я ему потом звонил много раз, и как он, в конце концов, сказал “*go fuck yourself*”.

– Ну, теперь понятно, – сказал Володя, дослушав мой рассказ. – Он тебя берет на работу.

– Не может быть! – прошептал я, не веря своему счастью. – Ты уверен?

– Уверен ли я? – В Володином голосе зазвучал сарказм. – Представь себе – да, я уверен! Ты что, думаешь, я не знаю английского?

Моему ликованию не было предела. Наконец-то! Настоящая работа! Я набрал номер телефона, который уже знал наизусть.

– Мистер Голдберг, это опять я, – сказал я, переводя дыхание. – Помните, я вам вчера звонил, и вы мне сказали “*go fuck yourself*”? Помните?

– Ну что ж, значит, я так и сказал, – признался мистер Голдберг.

– Когда мне начинать?

Наступила пауза. Видимо, никогда в жизни мистеру Голдбергу не задавали такого вопроса. Он немного помедлил и сказал устало:

– *You go fuck yourself right away!*

И повесил трубку.

На следующее утро я надел мой самый лучший, он же единственный, костюм, повязал мой самый лучший, он же единственный, галстук и без четверти восемь предстал перед мистером Голдбергом в его кабинете. Когда он увидел меня, у него появилось такое выражение, как будто он только что вынул из супа волос. При этом с его лицом случилось что-то странное: сначала оно порозовело, потом побелело, а потом пошло неровными синюшными пятнами. Он хрипло спросил:

– Что вы тут делаете?

– Я пришел, чтобы *fuck myself*, – ответил я, гордясь своим знанием изысканных английских идиом.

– Чтобы... что?

– *Fuck myself*, как вы просили, – повторил я. – Вы не беспокойтесь, мистер Голдберг. Я знаю, как это делать. Я буду это делать хорошо.

Постепенно до мистера Голдберга начала доходить суть происходящего. Лицо его снова порозовело, несколько секунд он, как

рыба, открытым ртом хватал воздух, а потом разразился истерическим, громоподобным хохотом. Он ржал, как целое стадо жеребцов, и не мог успокоиться минут десять. За дверью офиса стали собираться встревоженные сотрудники. Пришла секретарша со стаканом воды, но мистер Голдберг жестом отправил ее обратно. В конце концов он перевел дух, вытер слезы и сказал:

– Я не смеялся так уже восемь лет, с тех пор как мой конкурент проиграл мне большой городской заказ и умер от инфаркта. Ты заслужил награду. Я беру тебя на работу на две недели. Я буду платить тебе два двадцать пять в час, потому что по закону не могу платить меньше. Но ты должен вкалывать на совесть, иначе эти две недели окажутся очень короткими. Так что давай... *go fuck yourself*.

Тут на него опять напал приступ хохота, и он знаком велел мне убираться.

Так началась моя первая работа в Америке, в маленькой мастерской по изготовлению металлоконструкций. Первые два дня я изучал новые для меня американские чертежные инструменты и правила, а в последующие три дня первой недели произвел на свет и положил на стол мистеру Голдбергу пять чертежей. Это было примерно столько, сколько производили оба чертежника в этой мастерской за целую неделю. В конце концов я был инженером с пятнадцатилетним стажем, а советские инженеры в мое время

чертили сами.

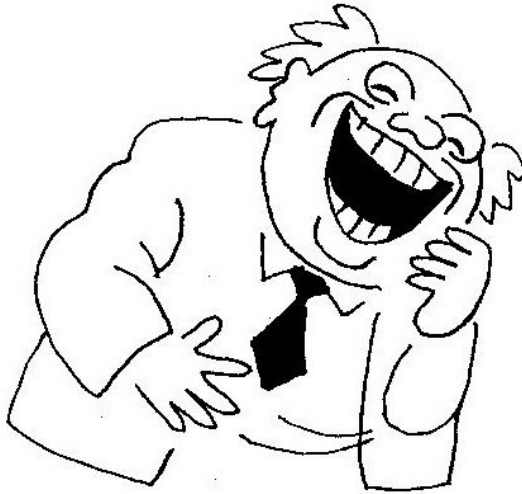
К концу второй недели мистер Голдберг вызвал меня к себе, закрыл дверь кабинета и предложил мне постоянную работу с окладом четыре пятьдесят в час. Как только я принял его предложение, он уволил своих двух чертежников, китайца и мексиканца, которые работали у него много лет.

- Это капитализм, Алекс, - сказал он мне. - Мы здесь собрались не дурака валять.

По-английски это звучало так:

- *We don't fuck around here, you know. We fuck ourselves.* - И он разразился хохотом...

Много, много лет прошло с той поры. Я сделал успешную профессиональную карьеру. Я достиг уровня высшего руководства, по-английски говоря *senior management* в солидной инженерной фирме в Нью-Йорке. Мое имя хорошо известно в профессиональных кругах в моей области. Но никогда в течение моей многолетней карьеры в Штатах я не получал такую гигантскую, стопроцентную прибавку к зарплате, какую дал мне мистер Голдберг много лет назад. Вот так: что ни говори, а иногда лучше не понимать изысканные английские идиомы.

Вам, не верящим в чудеса

Я с вами заранее согласен, дорогой читатель. Так же, как и вы, я не верю в чудеса. Тем не менее, хотите – верьте, хотите – нет, они иногда случаются. Вообще, все зависит от того, что называть чудом. Лично я – материалист, у меня инженерное образование, я верю в Бога и считаю, что чудо – это просто событие с очень малой вероятностью. Как, например, наступить на змею в центре Чикаго. Впрочем, это глупый пример. Но вот вам другой пример; это то, что произошло с моим другом.

Как звать этого моего друга, я уже не помню. Мы с ним старые друзья, а к старости память тускнеет. Кажется, его звали, а может, и сейчас зовут, Гриша. Он жил, а может и сейчас живет в маленьком городке *N*, предместье какого-то среднего города какого-то неприметного штата вроде Северной Каролины или Южной Дакоты. Как говорят американцы, в середине «нигде», а я бы перевел, как «в центре пустоты». Много лет назад Гришу привела в этот город работа. Потом, много лет спустя, работа кончилась, Гриша ушел на пенсию, но из своего, ставшего родным, города не уехал.

У Гриши, как и у всех жителей этого города, был небольшой дом с двумя туалетами, лужайкой спереди и лужайкой сзади. Впрочем, описание Гришиного дома не имеет отношения к содержанию этой истории.

Жители городка *N* не отличались излишним дружелюбием. Соседи знали друг друга в лицо, но близких связей не заводили. Случайно увидев друг друга около дома, они говорили «доброе утро» или «прекрасная погода, не правда ли?» и на этом их соседские отношения заканчивались. Поэтому, когда Гришин сосед то ли умер, то ли продал дом, и в его дом въехал новый сосед, Гриша на это событие не обратил внимания. Месяц спустя, сажая цветы перед домом, он увидел нового соседа, щуплого седого старичка, и сказал ему «доброе утро», на что старичок вежливо ответил: «прекрасная погода, не правда ли?» Спустя еще месяца два Гриша, сгребая листья с лужайки, снова увидел старичка-соседа, который кивнул Грише и сказал «доброе утро», на что Гриша, конечно, ответил: «прекрасная погода, не правда ли?»

На этом рассказ о взаимоотношениях Гриши с соседом можно было бы закончить, но старичок вдруг бросил свой садовый инструмент, подошел к Грише и сказал:

– Извините, пожалуйста, что я вас беспокою. Я тут человек новый,

города не знаю. Не подскажете ли, где ближайшая скобяная лавка?

Старичок говорил с легким акцентом непонятного происхождения, то ли польским, то ли немецким.

«Наверно, грек», – пронизательно подумал Гриша.

Он объяснил соседу-старичку, как проехать в ближайшую скобяную лавку, старичок поблагодарил, и на этом беседа закончилась. Беседа, как видите, была не Бог весть какой содержательной, но она положила начало новым отношениям, некоему подобию соседской дружбы. Когда около месяца спустя они, находясь каждый перед своим домом, снова увидели друг друга, и Гриша сказал «доброе утро», сосед-старичок не просто ответил «прекрасная погода, не правда ли?», а сначала подошел к Грише, а уже потом сказал:

– Прекрасная погода, не правда ли?

И, протянув руку, добавил:

– Позвольте представиться. Меня зовут Диметри.

«Точно, грек», подумал Гриша и тоже представился:

– Грег.

– Приятно познакомиться, – сказал старичок.

– Приятно познакомиться, – сказал Гриша.

Прошло еще два года. Дружба Гриши с соседом продолжалась.

Она проявлялась в том, что, изредка завидев друг друга, они обменивались рукопожатиями и, поговорив о погоде, расходились по домам. И вот в одну из таких редких встреч Гришин сосед Диметри, нарушая каноны принятых соседских отношений, сказал:

- Извините меня за бестактность. Я заметил у вас легкий акцент. Можно спросить, из какой вы страны?

- Из России, - сказал Гриша. - А вы? Уж не оттуда ли тоже?

- Нет, нет, что вы, - сказал Диметри с явным неудовольствием. - Никакого отношения к России я не имею. Я с Украины.

- Что вы говорите! - воскликнул Гриша. - Я ведь тоже с Украины. Это я так, по привычке, называю ее Россией.

Тут они разом перешли на русский язык, в котором звук «г» звучал мягко, почти как английское «эйч», а слово «что» звучало, как «шо», и Гриша в первый раз пригласил своего друга зайти в дом. Он усадил его в кресло и предложил рюмку милой их украинским сердцам горилки с перцем. Гость вежливо отказался. Потом он отказался еще раз. На третий раз он согласился, и они выпили. Старичок одобрительно причмокнул, огляделся по сторонам и, как всякий вежливый гость, сделал комплимент:

- У вас прекрасный дом. Мне особенно нравится вон та картина. По-моему, я ее где-то видел раньше.

- Не думаю, - сказал Гриша. - Это работа одного знакомого художника, подарок мне на день рождения.

- Возможно, я что-то путаю - согласился Гришин гость. - Хотя, знаете, память у меня прекрасная. Ничего не забываю.

- У меня тоже, - без ложной скромности сказал Гриша. - Не могу пожаловаться.

Дальнейшая их беседа носила эмоциональный характер и постоянно прерывалась восклицаниями вроде «что вы говорите!», «скажите, пожалуйста!», «подумать только!» и «надо же!».

- В каком городе вы жили? - спросил Диметри.

- В Киеве.

- Что вы говорите! И я в Киеве.

- Скажите, пожалуйста! А в каком районе?

- В Сталинском. В самом центре, на улице Ворошилова.

- Подумать только! А я там учился в школе.

- Надо же! А в какой школе?

– В девяносто первой мужской школе.

– Что вы говорите! В девяносто первой? В Чеховском переулке? Я тоже там учился!

– Надо же! – выдохнул Гриша.

Его поразило не столько факт обучения соседа в девяносто первой школе, сколько то, что эта школа уже существовала в те древние времена, когда старичок Диметри был школьником.

– Подумать только! – сказал он. – В каком же году вы ее закончили?

– Ох, давно дело было, – сказал Диметри и почему-то захихикал. – В тысяча девятьсот пятьдесят третьем.

– Что?! – Гриша pokrылся ледяным потом. – Я... я тоже... в пятьдесят третьем.

– Что вы говорите! – удивился Диметри. – Никогда бы не подумал. Мне казалось, что вы старше меня. Оказывается, мы одноклассники. Кто у вас был классным руководителем?

– Ирина Николаевна Молчанова.

– Ну да! Ирина-круглозопка? Значит, мы в одном классе учились! Надо же! Кого вы помните?

– Вы знаете, – сказал Гриша, все еще приходя в себя от шока. – Я почти никого не помню. Ни лиц, ни имен. Я вообще был мальчик замкнутый, ни с кем не дружил. У меня в классе был единственный близкий друг – Митя Гольдберг. Не помните такого?

Тут серое лицо Гришиного соседа как-то ненатурально пожелтело, в глазах появилось выражение панического ужаса, и он сдавленно выговорил:

– Я – Митя Гольдберг. Гриша, это ты?

На этом месте, дорогой читатель, я предоставляю вам возможность пережить всю гамму ошеломительных чувств, нахлынувших на наших героев и представить себе беспорядочное проявление этих чувств, включая вскрикивания, всхлипывания, объятия и испуганное разглядывание друг друга. Густой туман прошедших лет постепенно рассеялся, перед ними, словно на проявляющейся фотографии поляроида, проступили знакомые с детства лица, и старики превратились в одноклассников Митьку и Гришку.

– Боже мой, Митька! – бормотал Гриша, сдерживая слезы. –

Митька, это же чудо! Ведь мы не виделись больше пятидесяти лет!

- Пятьдесят три, Гриша! Пятьдесят три! С тех пор, как мы отмечали пятилетие окончания школы. Помнишь?

- Еще бы! А ты помнишь, как тебя в девятом классе Ирина выгнала из класса и вызвала родителей за то, что ты на ее уроке надул презерватив и пустил его летать по классу?

- А как же! А ты помнишь, как мы вместе прогуляли целый день?

- Конечно, помню! Нас потом чуть не исключили из школы!

- А ты помнишь, Митька...

- А ты помнишь, Гриша...

- Господи, почти шестьдесят лет прошло, а мы все помним!

- Да, что-то, а уж на память нам жаловаться не приходится.

Тут, перенося их в реальный мир, скрипнула дверь, и в комнату вошел прыщавый подросток в рваных джинсах.

- *Grandpa, do we have potato chips?* - сказал он неспелым, ломающимся голосом, не здороваясь и не глядя на гостя.

- Это мой внук, - с гордостью сказал Гриша. - Стиви,

поздоровайся с господином Гольдбергом.

- *Hi*, - сказал Стиви, по-прежнему не глядя на Митю. - *Grandpa, do we have potato chips?*

- Стиви, представь себе, мы с мистером Гольдбергом учились в одном классе! - сказал Гриша с душевным подъемом. - Сидели на одной парте!

- *O, ya?* - сказал Стиви.

- Да, да! - с пафосом воскликнул Гриша. - На одной парте! Ты знаешь, как давно это было?

- *I know, I know*, - не проявляя эмоций, сказал Стиви. - *It was in Kiev over fifty years ago. You went to School number ninety-one on Chekhov Street. Your teacher, Irene-round-ass kicked Mr. Goldberg out of class because he blew up a condom. You both were almost expelled from the school for playing hooky.*

Гриша и Митя в изумлении переглянулись.

- Стиви, - сказал Гриша, испуганно заглядывая внуку в глаза. - Откуда ты все это знаешь? Мы сейчас говорили об этом, но... Ты что, подслушивал за дверью?

- *Come on, Grandpa!* - сказал Стиви с обидой. - *Of course not! Don't you remember? Mr. Goldberg was here last week, and the two of you were talking about your school years all day long. How about potato chips?*

Наступила тошнотворная пауза. Наконец, Митя выдавил:

- Ну вот, я не зря помню, что раньше видел эту картину.

- Да, - вздохнул Гриша. - На память нам жаловаться не приходится.

Иллюстрации Вальдемара Крюгера

Зоя Полевая – родилась в Киеве. Окончила Киевский институт инженеров гражданской авиации. Работала авиаинженером. Стихи писала с детства. В 90-е годы посещала поэтическую студию Леонида Вышеставского «Зеркальная гостиная» и двадцать лет была членом клуба «Экслибрис», руководимого Майей Марковной Потаповой, при Киевской городской библиотеке искусств. В 1999 году в Киеве вышел поэтический сборник «Отражение». С сентября 1999 года живет в США. Печатается в литературных журналах. В 2002 году, продолжая киевские традиции, организовала в Нью-Джерси литературный

клуб «Exlibris NJ», которым руководит и поныне. Мать двух сыновей.

Стихотворения

Милый мальчик, дорогое дитя,
Нежное, гуттаперчевое создание,
Ни о чем, ни о чем не говори шутя,
Ничего, ничего не обещавай заранее.
Не подавай враждебному благородной руки,
Не искушай судьбу, остановившись у края,
Следи лишь пристально за теченьем реки,
Лучшее из возможного выбирая.

* * *

Жизнь шьется набело,
И в ней лобой стежок,
Хоть служит целому,
Отдельно существует.
Но стоит вспомнить лишь
Про карточный должок –
Тут вексель и вручат,
Как почту полевую.
А дальше – выбирай
(Где можно выбирать),
Чем стоит дорожить,
Что нужно отдавать...

* * *

Празднуй детальность и неспешность,
Думай, разбирайся, а затем –
Не величину – ее погрешность
Рассмотри как важную из тем.

Узкую, неяркую тропинку,
Тайное прибежище души,
Оговорку, паузу, заминку
Разгляди, запомни, опиши.

* * *

Звезда горела и сторела,
 Лежит в космической пыли.
 Проходят мимо корабли,
 Земля вращается вдали...
 Все так же. До звезды – нет дела
 Ни на Земле, ни вне Земли.

* * *

И там, где небосвод
 Зардеется зарей,
 И там, где неба свод
 Затянется закатом,
 Мелькнет невнятный всплеск,
 Забрежит над тобой,
 Неузнанный теперь,
 Непознанный когда-то.
 Пока года в пути,
 Влекомые стихией,
 Не сетуй, не грусти,
 Не посвящай стихи Ей.

* * *

В этой келье из тени рождались стихи,
 Расцветали растенья, зиме вопреки,
 Там и ждали гостей, и не ждали.
 Был там рыцарь один, благородный душой.
 Был там дружбы и прошлого культ небольшой.
 Там хранили статьи и медали.
 Занавески на окнах, вдоль стен – зеркала.
 Там отнюдь не монашка монашкой жила.
 Размышляла, ждала, ворожила,
 Свой застенчивый мир сторожила.

* * *

Там сиянье лип осенних
 Возникало как спасенье,
 Там в сентябрьском раю
 Я встречала жизнь свою.
 Мама там немолодая
 Шла навстречу не спеша...
 Раскрывалась там душа
 Без усилий, не страдая.

* * *

Что останется, что отзовется,
 Опечалится ль сердце мое,
 Когда ветер в лицо рассмеется
 И заточит мороз острие?
 И придет ли на память строка мне
 На коротком крутом вираже:
 Время снова разбрасывать камни,
 Собирать слишком поздно уже.

* * *

Воздух свежий, горько-сладкий,
 Осень гостьей у дверей.
 Вот еще одна закладка
 В древней книге сентябрей.
 Листья льются золотой вереницею,
 Осыпаются над каждой страницей.

Что же книгу все листаю
 Да над прошлым ворожу?
 Вот смешаться бы со стаей
 И взлететь для куражу,
 Уступая искушенью видеть дали,
 Приходить без приглашенья,
 Знать, что ждали,
 Вдруг заплакать от смущения и смеха –
 Осень головокруженью не помеха...
 Прочитаем, улыбнемся: все бывает
 С тем, кто грустные уроки забывает.

* * *

В океанском пейзаже
 Ночь восходит со дна.
 На серебряном пляже
 Только ты да луна.
 Осторожен и нежен
 Шелковистый прибой,
 Возвращает тебе же,
 Что увлек за собой.
 За страницей страницу
 Там листает волна.
 Там душа не томится
 И тоской не больна.

* * *

Влечет за собою любое движенье
 Погрешность, неточность, разлад, напряженье.
 То ниже значенья, то выше значенья
 Слова и реакции, и ощущения.
 Но спорность решений, неточность ответа –
 Живого примета и жизни примета.

* * *

Когда только память туманит глаза
 И в прошлое тянется нить,
 Как часто язык наш бессилён сказать,
 Но волен легко исказить.
 Я думаю снова, все думаю снова,
 Какой осторожности требует слово.

* * *

Все ль размоют дожди
И развеют ветра
То, что будет сегодня
И было вчера?

* * *

Может быть, важнее прочего
В нашей жизни многоточие.
Расставаться нам не следует –
Продолжение последует...

Юрий Солодкин – родился и всю жизнь до отъезда в Америку прожил в Новосибирске. Прошел все ступени научного сотрудника – от аспиранта до доктора технических наук, профессора. В Америке с 1996 года. Работал в метрологической лаборатории в Ньюарке. Рифмованные строчки любил писать всегда, но только в Америке стал заниматься этим серьезно. В итоге в России вышло четыре поэтических сборника, книга прозы и шесть книжек стихов для детей. Кроме того, в интернет-журналах Берковича и в журнале «Время и Место» опубликованы очерки и эссе.

Варлен

1

С чего вдруг – Варлен? Откуда у мальчика, родившегося в конце февраля 1925 года посреди сибирской зимы в провинциальном Томске, это имя?

Отец Варлена Лейба Пейсахович Соскин, а в миру Лев Павлович, когда ему сообщили о рождении сына, готовил доклад, посвященный недавно введенному празднику – Дню Парижской Коммуны. В этот момент он читал про одного из героев французской революции по фамилии Варлен. Восприняв это как знак сверху, отец назвал сына Варленом.

Необходимо хотя бы коротко рассказать о родителях Варлена.

Отец, ровесник века, вырос в белорусском Бобруйске, где в 17 лет встретил Октябрьскую революцию. Он принял ее со всем энтузиазмом, стал одним из первых комсомольцев и возглавил бобруйскую комсомольскую организацию. В 21 год он уже во главе комсомола Белоруссии и в Минске знакомится с не менее активной комсомолкой Рахилью Файнштейн. Вместе с ней он переезжает в Москву, куда его призвали для работы в ЦК ВЛКСМ, сначала инструктором, а затем и завотделом. Рахиль в Москве начинает учиться на медицинском факультете.

В 1924 году Льву Соскину предлагают перейти с комсомольской на партийную работу, но не в Москве, а далеко от нее. Правда, «предлагают» означало «партия сказала, комсомол ответил – есть!» Единственно, о чем попросил Лев, – отправить его туда, где жена сможет продолжить обучение медицине. Так они оказались в Томске, где через год родили Варлена.

Томские партийные власти встретили московского назначенца без особой радости. Его определили инструктором губернского отдела народного образования, а позже чуть подняли до должности секретаря одного из райкомов по идеологии. Рахиль к этому времени закончила учебу и стала врачом-педиатром. А Лев, то ли поняв невозможность дальнейшего карьерного роста, то ли почувствовав неблагополучие однопартийной системы, оставляет партийную работу. Ему только 28 лет. Он поступает в ВУЗ и заканчивает его с дипломом инженера-химика.

Семья переезжает в Новосибирск, где Лев Соскин начинает работать в Научно-исследовательском институте (НИИ) и очень быстро становится начальником одной из лабораторий. Важно отметить, что, будучи и студентом и научным сотрудником, Лев Павлович, партийное прошлое которого никуда не исчезло из его биографии, избирался секретарем соответствующих парторганизаций.

Лаборатория Соскина успешно разрабатывала технологию получения из угля, которого было много, жидкого топлива, которого было мало. До открытия сибирской нефти оставалось еще много лет. А война была на пороге. Буквально через несколько дней после ее начала офицер запаса Лев Соскин был призван в армию и с эшелоном отправлен на фронт. Он погиб в октябре 1941-го в окружении под Вязьмой. Ему был 41 год. На стеле в память погибших новосибирцев можно прочесть «Л. П. Соскин».

А мама Варлена, Рахиль Соломоновна, более чем в два раза пережила мужа. Она стала известным и авторитетным врачом-педиатром, учила студентов в мединституте. Мне запомнилась ее непримиримость к тем, кто «себе на уме», ко всякого рода приспособленцам, которых заботит только личное благополучие. Для нее они всегда оставались «классово чуждыми». Никакая реальность не смогла поколебать ее веру в правильность идеи коммунизма.

2

Варлену было 16, когда он и мама с маленькой сестренкой на руках проводили отошедший от новосибирского вокзала эшелон, увозящий навсегда отца и мужа. Варлен старшеклассник, комсомолец, ни минуты не сомневающийся, что пролетарии всех стран соединятся и победят во всем мире, что партия и ее вождь

непогрешимы и всегда правы, что рождается новая общность – советский народ, в котором все вошедшие в него нации будут равны.

Равны-то равны, но когда это еще будет. А пока, хоть и не часто, но слышал обидное «жид». Отец пытался успокоить плачущего сына, объяснял, что антисемитизм имеет глубокие корни, и не так просто с ним покончить. Так сложилась история. Две тысячи лет евреи не имеют своей страны. Они повсюду пришельцы, и везде, куда пришли, своим умом, своим трудом достигли многого. И он должен быть умным и много трудиться. Евреи должны раствориться в других народах, это их предназначение (отец не пугал ребенка словом «ассимилировать»), и Советский Союз продемонстрирует всему миру конец антисемитизма. Он – наша Родина, и этим надо гордиться. А обидное обзывание – это отголоски прошлого, которые, к сожалению, быстро не исчезают. Вытри слезы, сынок. Хорошо учись, и все будет хорошо.

И Варлен хорошо учился. Больше других предметов любил физику и математику и мечтал стать инженером. Лето 41-го года было еще школьными каникулами перед выпускным классом.

Вспоминая через много лет свое довоенное детство, Варлен напишет:

«Нас долго и основательно воспитывали в духе интернационализма и антифашизма. И вдруг все перевернулось. После соглашения с Германией в 1939 (пакт Молотова – Риббентропа) произошла метаморфоза – враги стали друзьями. Последовало объяснение: разоблачены происки англо-французских империалистов, и мудрость Сталина нашла очередное подтверждение. И вот мы уже были готовы чуть ли не рукоплескать Гитлеру. Мы читали в газетах сводки с театра военных действий и, вчерашние антигитлеровцы, восхищались победами Вермахта, считая их чуть ли не нашими успехами. Как быстро мы переориентировались! Необычайная способность пропаганды влиять на неокрепшие души! Но не прошло и двух лет, как новый поворот – война с Германией».

Далее Варлен, далеко не первый, приходит к грустному заключению: «Потрясающая управляемость и податливость большинства народа, веками возвращаемого в несвободе и зависимости от власти. Состояние, которое я считаю возможным кратко характеризовать как безразличие к демократическим принципам и готовность к принятию “сильной руки”».

Возвращаемся к июню 1941 года. Варлен слышит отовсюду, что враг будет разбит, и война быстро закончится полной победой. Жаль только, что ему мало лет, и он не сможет принять в ней участие. Но отец почему-то говорит о тяжелых испытаниях и о том, что быстрой победы ждать не приходится. Варлен запомнил прощальные слова отца, стоящего на ступеньках вагона уходящего поезда: «Сынок, пора, как видно, изменить образ жизни. Придется оставить школу и начать трудовую жизнь: и матери надо помогать, и пользу Родине приносить». Этот наказ отца, признавался Варлен, определил его будущее.

Почти сразу Варлен устроился разнорабочим на мыловаренный завод, который находился рядом с их домом. Он и заколачивал ящики с мылом, оборачивая их тонкими железными лентами, и разгружал вагоны, и даже поработал землекопом, роя котлован под какое-то строительство. Но в сентябре мать настояла, чтобы сын вернулся в школу и закончил последний десятый класс.

Возвращение в школу оказалось непродолжительным. Какая может быть учеба, когда враг рвется к Москве. Ситуация критическая. Срочно формируются сибирские дивизии на помощь столице. В армию призывается все мужское боеспособное население. Старшеклассников привлекают к работе на оборонных заводах. Учеба может и подождать.

Варлен попадает на самолетостроительный завод им. Чкалова и начинает учиться на слесаря по ремонту станков. Он запомнил имя своего наставника – Костя Волков. При знакомстве Костя никак не мог понять его имя, пару раз назвал Валером, потом плюнул, и Варлен стал Айзиком. Очень даже подходящее имя для худого, невысокого роста пацана с явно семитской наружностью. Оно звучало менее оскорбительно, чем Абрам, и особых переживаний у Варлена по этому поводу не было. Трудился Варлен добросовестно и не раз, к своему удовольствию, слышал от Кости поощрительные слова. Через три месяца с гордостью доложил маме, что он уже не ученик и ему присвоили третий разряд.

Условия, в которых приходилось трудиться, запомнились Варлену на всю жизнь. Он вспоминает, как тяжело было привыкать к ежедневному изматывающему трудовому ритму. Очень скоро их перевели с 8-часового на 12-часовой рабочий день. Выходных дней не было. Раз в месяц полагался отгул, который весь уходил на то, чтобы

отоспаться. И все время хотелось есть. Рабочая карточка обеспечивала крайний минимум продуктов. В заводской столовой ежедневно кормили затирухой из воды и муки. Каким было счастьем, когда удалось обменять мешок вещей, среди которых были отцовские костюмы, на мешок картошки!

- До сих пор не устаю поражаться, - признается Варлен, - человеческой способности выживать в нечеловеческих условиях. Нормы труда, которые существовали во время войны, были за гранью допустимого, но они были, и без них мы вряд ли могли бы выстоять.

Так и работал бы Варлен на заводе до восемнадцати призывных лет, но вмешались учителя старших классов средней школы. Они забили тревогу, что после победы - кто бы в ней сомневался! - некому будет становиться инженерами и восстанавливать разрушенное войной хозяйство. Поэтому надо лучших учеников вернуть в школы. И отличник учебы Варлен Соскин весной 1942 года возвращается в школу, за два оставшихся до конца учебного года месяца полностью осваивает программу за десятый класс и успешно сдает выпускные экзамены. А дальше - для того он и вернулся в школу - поступает в самый престижный институт того времени в городе - НИВИТ (Новосибирский институт военных инженеров транспорта).

Учебный год начался только в октябре. А до этого студентов после зачисления отправили на сельхозработы. Как бывшего слесаря Варлена определили в мастерские по ремонту сельхозтехники. Это было удачей: и кормили лучше, и как-никак специалист, а не чернорабочий. О заработке не было и речи. А по окончании работ ему подарили большую связку подсушенных табачных листьев. Мать, узнав, что сын начал курить, не обрадовалась, но и ругать не стала. А Варлен мелко порубил листья и, получив настоящую сибирскую махорку, сам курил и друзей угощал.

4

В самом конце декабря 1942 года, за пару месяцев до восемнадцатилетия Варлен получил долгожданную - он же рвался скорее на фронт! - повестку из военкомата. Раньше, чем началась первая зимняя сессия в институте, студент Соскин был призван на службу. Но до фронта, как оказалось, было еще очень далеко.

Первый месяц или полтора, уже не помнит точно, он может сравнить только с пребыванием в аду. Новобранцев разместили в казарме, сделанной на скорую руку из бывшего наполовину в земле

овощехранилища. Стенки в одну доску и такая же крыша, и это в условиях сибирской зимы, когда морозы минус тридцать – обычное дело. Печки-буржуйки согревали только вблизи. Вдоль стен сплошные нары в три этажа. В казарме около двухсот человек. Спали в одежде, кто где придется, ботинки с обмотками оставляли внизу.

Рано утром, а зимой в Сибири это еще крошечная тьма, по команде «подъем!» они скатывались с нар, просыпаясь на ходу, впопыхах нередко совали ноги не в свои ботинки, на голову надевали буденовки за отсутствием зимних шапок и – бегом на плац делать зарядку. После зарядки умывание ледяной водой. Вместо полотенца белая тряпица, которая у каждого в кармане. Чуть отогревались у «буржук» и на завтрак. Ложка у каждого своя, а мисок на всех не хватает. Кто не успел, ждет, когда поест товарищ, берет у него миску, обшлагом рукава ее вытирает и к окну, где в нее бухнут полагающуюся порцию. После завтрака муштра на плацу до полного изнеможения. Занятия по стрелковому оружию и политинформации ожидалась как избавление от ниспосланных мук.

Поворотным в судьбе стал приказ отобрать из новобранцев бывших студентов и отправить их в Томское артиллерийское училище. В Томске жизнь тоже была не сахар, но с новосибирской не сравнить. И курсанты были другие, и готовились они стать офицерами-артиллеристами.

– В то же время, – вспоминает Варлен, – настоящей пыткой для нас был уход за лошадьми. Пушки были еще, в основном, на лошадиной тяге. Меня как отличника довольно быстро назначили командиром отделения и следом присвоили звание сержанта. Так я начал отвечать и за своих курсантов, и за лошадей, закрепленных за ними. Бывало, ночью будит дневальный: «Вставай, сержант, на конюшне твоя лошадь упала». Отощавшие от голода лошади не могли держаться на ногах. А оставлять упавшую лошадь до утра означало, что она примерзнет вместе с собственной мочой к полу и погибнет. Поднимаю свое отделение и бегом на конюшню. Там подводим под круп лошади брезентовый широкий «бинт», поднимаем общими усилиями и привязываем к боковым стойкам.

– Ночные вызовы еще куда ни шло, не такие частые, – продолжает Варлен, – а вот ежедневная, три раза в день, на морозе чистка отощавших до предела лошадей доставляла невероятные муки. Командиры наблюдают, чтоб не халтурили. Мы в шапках-ушанках, но уши у шапки опускать не разрешают. Хоть и мороз, но не такой сильный, не обморозите. Курсанты придумали залезать под

лошадь, вроде бы брюхо ей почистить, а на деле исчезнуть с глаз командиров и погреть уши, по очереди прижимая их к теплому лошадиному брюху.

5

– Лошадей, конечно, жаль. Тянут они наши пушки из последних сил и только жалобно ржут. Но кто бы обращал внимание на их жалобное ржание. У лошадей никаких прав, только обязанности. Нет сил – ложись и помирай. Другое дело – люди, – и Варлен вспоминает, как чуть было не попал в штрафную роту.

Среди младших командиров всегда находились такие, которым поизмываться над курсантами было одно удовольствие. Таким был помощник командира взвода старший сержант Спицын. Варлен и внешность его запомнил на всю жизнь: среднего роста, будто вырубленный из камня, широкоплечий, с бульдожьим лицом. Физически сильный, он позволял себе даже рукоприкладство, и жаловаться никому не приходило в голову. Его изуверской придумкой было – как добиться максимально быстрого построения взвода, когда курсанты находились в казарме. Редкий курсант стремился выскочить на мороз первым. И Спицын объявил, что тот, кто покинет казарму последним, будет получать наряд вне очереди. Это очень суровое наказание, и курсанты стали выскакивать из казармы, расталкивая друг друга. Драконовская мера оправдывает результат?

Летом 1943 года взвод вышел на тактические учения в поле вместе с пушками и лошадьми. Учение затянулось, и взвод опоздал к обеду. Это и раньше бывало, и обед сохранялся, даже подогревался, и проблем никаких не было. И на этот раз курсанты сели за стол. Хлеб нарезали с максимальной точностью, чтобы всем было поровну. Дежурные принесли из кухни бачок с гороховой кашей, а в бачке половина от положенной по норме. Курсанты зароптали. «Товарищ старший сержант, – обращаются к Спицыну, – надо бы проверить, почему нас обделили». Но Спицын отрубил: «Ешьте что дали!» Есть не начали, и ропот продолжался. Тогда Спицын командует: «Командир первого отделения Соскин, ешьте!» Соскин ответил, что он, как и все, есть не будет, и надо бы выяснить, почему мало горошницы. Спицын приказал есть двум другим командирам отделений, но получил тот же ответ.

По команде «Встать! Выходи строиться!» взвод, оставшийся голодным, вышел из столовой и направился к казарме. Командир

батареи, старший лейтенант Кислов, узнав о происшествии, приказал всех трех командиров отделений арестовать, а остальных отправить на каторжную работу – грузить известь на железнодорожной станции. С командиров сняли ремни, заставили разуться и забрали портянки, чтобы и на них не было соблазна повеситься, и под конвоем отправили на гауптвахту. Обвинение весьма серьезное: коллективное неподчинение командиру. Надежд на благополучный исход никаких. Варлену, как зачинщику, который первым из командиров отказался есть, подав пример всем остальным, светит штрафная рота с практически неминуемой гибелью.

И тут в училище через несколько дней после ареста сына появляется Рахиль Соломоновна. Бесстрашная большевичка, уверенная в конечной победе коммунизма и справедливости, она ни минуту не сомневалась в невинности сына. Получив от друга из Томска сообщение, что Варлен под судом (а друг узнал об этом от курсанта из отделения Варлена), мама тут же примчалась в Томск. Она добивается приема у командира дивизиона. Тот пробует объяснить, что ее сын по законам военного времени совершил тяжкое преступление – не подчинился командиру и подал дурной пример другим курсантам. Поэтому он должен быть осужден. В ответ Рахиль Соломоновна горячо и резко говорит, что ее муж уже погиб в бою, и сын думает лишь о том, чтобы отомстить за отца и скорее оказаться на фронте, а офицеры училища, отсиживаясь в тылу, демонстрируют бдительность не там, где нужно. «Могу я увидеть сына?» – попросила она и получила разрешение.

Варлена, обросшего щетиной, без ремня и в ботинках на босу ногу вывели под конвоем к плачущей матери. У матери сумка с едой, а сын уже неделю только на хлебе и воде. Ему другой еды не положено, но конвоиры отвернулись, и Варлен быстро поглотил принесенную пищу. Мать не переставала плакать и успокаивала сына, что все будет хорошо, что она будет рядом, у друзей в Томске, что есть кому вмешаться и не допустить произвол.

Через пару дней в училище приехал полковник, начальник политотдела, который в мирное время преподавал марксизм-ленинизм, был убежденным коммунистом, но главное, хорошо знал отца Варлена по работе в Томске. Полковник поговорил с курсантами, с командирами отделений, сидящими на гауптвахте. Его возмущение было искренним и гневным. В итоге последовало решение считать поведение Спицына провокационным, а отношение к случившемуся со стороны офицеров недомыслием.

Перед строем всего дивизиона был зачитан приказ. «За издевательство над курсантами», так звучало в приказе, Спицын был разжалован в рядовые. С него сорвали погоны и увели под конвоем. Временно исполняющим обязанности помкомвзвода был назначен командир отделения Варлен Соскин.

6

Учеба подходила к концу. Курсанты уже считали дни до отправки на фронт. Скорее бы принять участие в боевых действиях! Это был не показной героизм, а искреннее желание внести свой вклад в победу Родины. Но опять получилось не так быстро, как хотелось.

Перед захватом немцами Ростова-на-Дону Ростовское артиллерийское училище было эвакуировано в Челябинск. Командование училища прибыло на Урал, но нужны же еще и курсанты. Казалось бы, наберите из очередного призыва, но нет. Кому-то пришлось в голову взять почти готовых артиллеристов из Томска и доучить их ведению боя с танками. И два полностью укомплектованных и обученных дивизиона из Томского артиллерийского училища отправляются не на фронт, а в Челябинск.

Борьба с танками – особо опасный вид боя, но для артиллериста никакой сложности нет: стреляй прямой наводкой по цели, которую видишь, и все. Но курсантов из Томска не доучивают, а снова начинают учить по полной программе. Кого волнует, что они многое учат по второму разу! Опять откладывается отправка на фронт. Зато обстановку в училище не сравнить с томской. Никаких глупых придилок, не говоря уже про издевательства, не было и в помине. Они почувствовали себя не затюканными курсантами, а будущими офицерами. Хорошая учеба поощрялась, муштрой не мучили. В училище появились американские автомобили-тягачи, которые должны были таскать пушки, и курсантов обучали вождению. Зима прошла в Челябинске. А летом 1944 года, нет, они еще не отправились воевать, пришел приказ вернуть училище в Ростов-на-Дону. И опять не на фронт, а с училищем на новое место.

Перед выпуском из Ростовского артиллерийского училища Варлена Соскина как одного из лучших курсантов принимают кандидатом в члены ВКП(б). Он с гордостью сообщил об этом матери, и это для нее было не меньшим событием, чем для сына. А то, что сын закончил училище по первому разряду, что означало отлично по всем предметам, маму совсем не удивило. Разве могло

быть иначе?!

Курсантам, теперь уже младшим лейтенантам, выдали офицерское обмундирование, однако оно выглядело не совсем по-офицерски. Английские шинели были какие-то короткие даже для невысокого Варлена. Вместо фуражек – пилотки. Успокаивали: на фронте «переобмундируют». Даже положенные парадные погоны не выдали. Кто-то раздобыл одну пару, и они по очереди фотографировались в этих погонах, чтобы послать родным и друзьям. Варлен достал из шкафа альбом и показал мне эту фотографию. На ней молодой красавец: черные усики, массивный подбородок и темные, миндалевидные, умные глаза. На груди первая награда – значок «Отличник РККА» (Рабоче-Крестьянской Красной Армии). Всего два выпускника получили эту награду.

На сборы в дорогу было дано два дня.

7

Воевали уже на территории Польши. Он прибыл в штаб артиллерии Второй Ударной армии, расположенный на окраине небольшого городка под названием Острув-Маковецка, в нескольких десятках километров от линии фронта.

– Младший лейтенант Соскин явился в ваше распоряжение.

Полковник взял папку с документами, полистал.

– Ну, что, младшой, вижу, ты кругом отличник. Сколько знаешь артиллерийских систем?

Варлену и в голову не приходило считать и он назвал примерную цифру.

– Ты и загнул! Столько видов полевой артиллерии в нашей армии нет.

– Так у нас были трофейные немецкие пушки. Я их изучал. Вдруг на фронте пригодится.

– Орел! – не скрыл удивления полковник и написал на бумаге исходные данные. – Сделай расчет для стрельбы.

Варлен за две минуты в уме произвел расчет. Это было примерно в два раза быстрее, чем полагалось по норме. Полковник убедился в правильности ответа, дал еще несколько задачек и заключил:

– Вот что, младший лейтенант, ты, конечно, здорово подготовлен. Но воевать пойдешь в пехоту – командовать взводом 45-миллиметровых орудий. Таких, как ты, следовало бы направлять в

тяжелую артиллерию. Именно там требуются сложные выкладки для стрельбы с закрытых огневых позиций. Но в тяжелой артиллерии потери офицеров весьма невелики. Она располагается далеко от передовой. А с «сорокопятками» у нас постоянный некомплект. Командиры взводов, как правило, больше трех месяцев не воюют – убьют или ранят.

Фронтальная жизнь Варлена Соскина началась в 1064-м стрелковом полку 281-й стрелковой дивизии 98-го стрелкового корпуса. Он получил 1-й взвод, что автоматически делало его заместителем командира батареи. Задача артиллерии была одна: поддерживать пехоту, находиться на прямой наводке. Положение опаснее, чем у самой пехоты. Она в случае чего может укрыться в окопе или в воронке от снаряда, а артиллеристу куда пушку деть? Пока тащит в укрытие, и подстрелить могут.

Во взводе командир оказался моложе всех. Приняли его по-доброму и с любопытством – как-то он себя поведет? Командир повел себя правильно, строгость была умеренной, знания проявлял, но не кичился ими. В ответ получил авторитет и уважение. Боевая проверка была еще впереди, а пока командир учил солдат работать с приборами и тренировал на скорость подготовки орудий к бою.

Вскоре, однако, случилось непредвиденное. Фронт-то рядом, и ночью они попали под атаку немецких самолетов. Одна бомба угодила в их землянку, в которой, кроме Варлена, было еще два человека. Один погиб, а другой и командир были ранены и оказались засыпаны землей. Их откопали. У Варлена контузия, сильный ушиб ноги и вывих стопы. В результате он оказался в дивизионном медсанбате. Около недели его лечили, после чего он, прихрамывая, возвратился в батарею.

8

В декабре развернулась непосредственная подготовка к наступлению. Слово уже получившему вторую звездочку лейтенанту Варлену Соскину.

– Моему взводу приказано перейти на плацдарм. Другие два взвода остались в лесу, а мы заняли первую траншею, самую близкую к врагу, и должны рыть и маскировать артиллерийские позиции для прямой наводки всех шести орудий батареи. Работаем ночью, роем метрах в 10–15 перед первой траншеей. Враг не должен видеть нашей работы. До фрицев менее двухсот метров. В стереотрубу видны серые фигурки и каски немецких солдат, на мгновение

появляющиеся над брустверами своих окопов. Зима. Земля промерзла. Лопата ее не берет. Взорвали бы, да нельзя: немецкие наблюдатели засекут. По той же причине нельзя топить в блиндаже. Горячую пищу привозят в термосах раз в день, остальное время на сухом пайке. Одежду не снимаем, спим в шинелях и сапогах. Умываемся снегом, благо, его полно вокруг. И так несколько недель!

После того как позиции были подготовлены, мы каждую ночь сначала на лошадях, а потом на руках доставляли одно за другим орудия батареи на новые места. Зажигается над головой ракета – падаем на землю. Затем вперед до следующей ракеты. Рывками добираемся до первой траншеи.

Днем стараемся изучать оборону противника, ведем наблюдение, пытаемся выявить огневые точки. Несколько раз, пользуясь руслом какой-то маленькой речушки, пробираюсь на нейтральную полосу. Дело опасное: и на мину можно нарваться, и на колючую проволоку напороться. Одевался потеплее, на ногах валенки, и едва начинало светать – ползком поближе к немецким окопам. Целый день, прячась за кустом, наблюдаю, пытаюсь засечь огневые точки противника. А с наступлением темноты ползу обратно по своему же следу. Сваливаюсь в свой окоп. Встречают всем взводом – не ранен ли, что удалось увидеть, как самочувствие?

9

И вот 14 января 1945 года. В ночь перед атакой офицеров собрали в штабе полка, который передвинулся к первой траншее. Лично каждого познакомили с соседями по предстоящей атаке. Начало было назначено на 9 утра, но к этому времени все пространство плацдарма окутал невероятно густой туман. В нескольких шагах уже трудно было что-то увидеть. Как в таком тумане авиации прицельно сбрасывать бомбы, а артиллеристам вести прицельную стрельбу? Командарм 2-й Ударной, маршал Рокоссовский отложил атаку на один час.

Туман поредел, но не рассеялся. Ровно в десять небо с шипением прочертили реактивные снаряды «Катюш». Это сигнал для всех. Заговорила тяжелая артиллерия и войсковые пушки. Адский грохот.

Дальше продолжает Варлен.

– На одиннадцатой минуте, точно в соответствии с планом пехота выскакивает из траншеи и с криками «Ура!» бросается вперед, исчезая в тумане. Для нас это тоже сигнал «вперед». Заранее

изготовлены трапы из досок для перевозки орудий через траншеи. Чуть вперед посылаю одного бойца, чтобы указывал дорогу в тумане. Пушки, понятно, катим руками. Продвинулись по полю на несколько десятков метров, и вдруг вижу, глазам не верю, мимо меня в обратном направлении бегут пехотинцы. Запыхавшиеся, кто с окровавленным лицом, кто прихрамывая или поддерживая перебитую руку, они прыгают в траншею, из которой только что ринулись вперед. Командую, чтобы быстрее вернуть пушки на исходную позицию. У меня во взводе первые потери – один убит, двое ранены. Обстановка складывается хуже некуда.

Когда туман рассеялся, стало ясно, что убийственный огонь велся из водяной мельницы, сложенной из натурального камня. Ни прямое попадание артиллерийских снарядов, ни обстрел из тяжелых гвардейских минометов не смогли подавить эту огневую точку противника. В результате нескольких дневных атак удалось занять только первую траншею противника. Потери были огромные.

Спустя много лет Варлен узнал, что только за один день батальон, к которому была приписана его батарея, потерял убитыми и ранеными 245 человек, и это означало, что батальона, по сути, больше нет. А в это время соседи и слева и справа успешно прорвали оборону и с флангов обошли упорно сопротивлявшихся немцев. Испугавшись окружения, те отступили без боя.

Начался марш по дорогам Польши. Для взвода Варлена начало было трагическим. Почти сразу же за первой немецкой траншеей одна из его пушек налетела на противотанковую мину. Он шел впереди, ведя батареиную колонну, и вдруг услышал за своей спиной взрыв. Пушку разнесло на части и тяжело ранило двух бойцов. Одному оторвало обе ноги, другой был ранен в живот. От вида искалеченных людей, только что бодро шагавших в колонне, у Варлена, признается он, на какое-то время помутилось сознание. Столь страшные кровоточащие раны вплотную он видел впервые. Ранены были и обе лошади. Ему пришлось их пристрелить, чтобы избавиться от дальнейших мучений.

10

В буднях войны стирается острота впечатлений. Эту фразу я слышал от Варлена много раз, когда он рассказывал о трагедиях, очевидцем которых ему пришлось быть.

Вскоре после случая с подрывом на mine комбат послал его с донесением, он уже не помнит с каким, в штаб полка. Штаб остался

позади, и его расположение было Варлену хорошо известно. Варлен пошел через поле, прежде бывшее пахотным, а теперь усеянное воронками и лежавшими в разных позах телами погибших воинов. Здесь он увидел группу людей, которые стаскивали эти тела к краю большой воронки. Это была специальная похоронная команда, состоявшая из пожилых по виду солдат-нестроевиков. Они осматривали трупы, пытаясь найти документы в карманах или вещмешках, с которыми солдаты шли в атаку, а потом сбрасывали тела на дно воронки. Варлен не сразу понял, и ему объяснили, что воронку засыпят землей и поставят колышек: здесь солдатская могила. Ни имен, ни фамилий. Найденные документы сдадут в штаб, а оттуда уже уйдут похоронки родным.

Сколько же таких могил на всем огромном пространстве от Москвы до Берлина? А сколько погибших, чьи останки лежат не похороненными в лесах и болотах? Где-то под Вязьмой такая же могила его отца. Вспомнив про отца, Варлен с минуту молчит. Потом продолжает:

– Будь подобное в мирной жизни, сочли бы за варварство, за бесчеловечность. А на войне смерть своей массовостью и обыденностью быстро притупила естественные человеческие ощущения.

И неожиданно для меня Варлен цитирует строчки Иона Дегена:

Мой товарищ, в смертельной агонии
 Не зови понапрасну друзей.
 Дай-ка лучше согрею ладони я
 Над дымящейся кровью твоей.

– Жуткие строчки, страшные, – соглашаюсь я. – Ты же знаешь, как Иону за них досталось – садист, людоед, дикарь.

– Так досталось-то от кого? От тех, кто пороха не нюхал, кто о войне знает только по книгам, а правдивых книг о войне не так много. В книгах больше о геройстве. Геройство, конечно, было, и при том массовое, но стихийное, не осознаваемое теми, кто жертвовал собой. Очень сложно объяснить, что чувствует человек в момент, когда он рискует жизнью. Чаще всего он об этом не думает, а просто выполняет поставленную задачу. Есть приказ, это надо сделать, и все. А пуля, даст Бог, пролетит мимо.

11

Дальнейший путь через Польшу запомнился как непрерывный и изнуряющий марш. Шли и днем и ночью. Многие засыпали на ходу.

Когда раздавалась команда «привал!», солдаты моментально заворачивались в плащ-палатки и падали в придорожный снег. При команде «подъем!» приходилось основательно встряхивать заснувших, чтобы разбудить. Вторая Ударная армия поворачивала на север вдоль западной границы Восточной Пруссии, чтобы замкнуть окружение вражеских группировок и уничтожить их в громадном котле.

По ходу марша в бой вступать почти не приходилось. Чаще всего немцы отступали, уклоняясь от боев, а те бои, которые случались, были настолько несравнимы с битвой в середине января, что память их не сохранила. Но запомнились Варлену другие моменты, случившиеся на марше.

У моста через одну из многочисленных речек образовалась пробка. Комбат послал Варлена и еще одного лейтенанта узнать, в чем дело. Оказалось, что мост рухнул, когда по нему поехал тяжелый танк. Когда они вернулись, чтобы доложить о случившемся, батарее на месте не оказалось. Она в составе всего полка свернула на какую-то другую дорогу. Поиски своей части заняли более суток. Варлен и забыл бы об этом, если бы не один эпизод по дороге. С ними поравнялась санитарная машина. Они ее остановили в надежде, что она их подвезет, но места в машине не оказалось. Уже вернувшись в свою часть, они узнали, что эта санитарная машина той самой ночью попала в засаду. Фашисты зверски убили врачей и санитаров, а машину сожгли. Судьба!

Запомнилось польское село Яблуновка на границе с Восточной Пруссией. Когда они вошли в него, оно было абсолютно безлюдным, но чуть ли не в каждом дворе хрюкали свиньи, кудахтали куры, мычали коровы. Солдаты уставшие, голодные, и возникает идея: а не разрезать ли нам костер, командир, и не пожарить ли свеженького мяса? У тебя пистолет, давай, стреляй в свинью! «До сих пор стыдно, – признается Варлен, – что не убил с первого выстрела. И такой мы пир закатали. Оказалось, не только мы. И в других дворах происходило то же самое».

И тут из подвалов повылезали хозяева. Как выяснилось, немцы, занимавшие село, предупредили жителей, что будет бой, что они не сдадут село, а будут сражаться до конца. Жители попрятались по подвалам, а немцы оставили село без боя. Теперь, убедившись, что село целое и пострадала только скотина, жители, тем не менее, вместо благодарности освободителям решили на них пожаловаться. Наказания не последовало, но предупреждение не обижать мирных

жителей прозвучало. В дальнейшем таких проблем не возникало. В прусских селах хозяева бежали из своих домов, боясь возмездия, которым пугала их немецкая пропаганда. Во дворах мычали недоенные коровы, голодные свиньи визжали до боли в ушах, и вся прочая некормленная живность голосила что было сил. Свеженькое жаркое было прекрасным дополнением к солдатскому пайку.

До слез трогали встречи с людьми, угнанными в фашистскую неволю. Девушки и женщины, худые и оборванные, бросались на шею солдатам, обнимали и целовали и рассказывали о своей жизни в ненавистной неметчине. «Одна из освобожденных девушек, – вспоминает Варлен, – повела нас туда, где еще недавно было ее жилище. В дощатом сарае двухэтажные нары были застелены одной соломой. С немецкой аккуратностью на каждом месте были прибиты дощечки с именами, написанными по-немецки: Иван, Николай, Мария... – всего человек двадцать. Фамилий не было. Имена звучали, как клички. Люди содержались хуже скота».

12

В конце января дивизия вышла на окраины Эльбинга, города, который ныне не то в Польше, не то в Калининградской области. Немалая сила, около тридцати тысяч немецких солдат и офицеров составляли городской гарнизон. Ее надо было одолеть, чтобы выйти к морю и замкнуть котел вокруг Кенигсбергской группировки противника. Эта задача вдохновляла и командиров, и бойцов.

Штурм начался 5 февраля. Слово Варлену:

– Сражение велось за каждую улицу, за каждый дом. До этого таких боев нам вести не приходилось. Они были сложнее, чем в открытом поле. Были сформированы штормовые группы, в которые включались стрелки и полковая артиллерия. Возглавляли группы командиры стрелковых рот или взводов. Перед ними ставились конкретные задачи, и мы должны были их выполнять. Главная сложность состояла в том, что враг мог оказаться и впереди, и сзади. Пушки тащили только на руках. Заляжет пехота под пулеметным огнем – тут без «сорокапятки» не обойтись. Пушечки наши очень были к месту. Они прицельно били по окнам, подвалам, выковыривали, что называется, противника из щелей. Особенно крепким орешком оказался опорный пункт в старинном каменном здании. Вряд ли мы сами смогли бы его одолеть, если бы на помощь нам не подтянули тяжелую артиллерию, в том числе 203-миллиметровые гаубицы. Огонь этих орудий превратил здание с

обороняющимися в грудку щебня.

Шторм продолжался пять дней. После взятия города наша дивизия вместе с другими частями Второй Ударной армии вышла к Балтийскому морю, завершив окружение восточно-прусской группировки. Закончилось все взятием Кёнигсберга, и все участники операции были награждены медалью, которая так и называлась «За взятие Кёнигсберга».

Но Варлену увидеть море не довелось. В одном из боев при взятии Эльбинга немецкая пуля пробила ему бедро и вырвала кусок мышцы. Его привезли в ПМП (передвижной медицинский пункт). В большой комнате, бывшем школьном классе, пол был устлан соломой, и на ней сплошными рядами лежали раненые, которым оказывали первую помощь. Варлен был в сознании, но сильно ослабел от потери крови. Пришлось разрезать сапог, чтобы снять. После этого ногу перебинтовали и зафиксировали шиной.

Вечером в ПМП зашел командир полка с несколькими офицерами. Он поговорил с медиками, с некоторыми ранеными, подошел к Варлену. «Это тот самый лейтенант, товарищ полковник, который со своими пушками геройски и умело действовал в сражении», – подсказал один из офицеров. «Наградить надо лейтенанта. После окончания боев представить к ордену. А пока дам ему медаль “За отвагу”», – и он попросил адъютанта достать из полевой сумки наградной бланк и заполнить его. Бланк засунули под шинель в карман гимнастерки.

На следующий день Варлена вместе с другими ранеными доставили в дивизионный медсанбат, где ему была сделана операция. Рана была настолько глубокой, что хирург сделал большой разрез, чтобы рану легче было чистить. Антибиотики еще отсутствовали, а красный стрептоцид для дезинфекции был редким и ценным лекарством. Поскольку госпиталь армейский, ему надлежало перемещаться вслед за Второй Ударной в Восточную Померанию. Перед перемещением, как обычно, разбирались с ранеными. Близких к выздоровлению брали с собой, а остальных отправляли в тыл. У Варлена и кость еще не срослась, и рана открытая. Его вместе с другими погрузили в санитарный поезд и повезли долечиваться во фронтовой госпиталь в Белосток.

Ранение оказалось тяжелее, чем представлялось сначала. Полтора месяца ушло на лечение. Поначалу ходил на костылях, а потом было достаточно палки. Почувствовав себя снова боеспособным, Варлен захотел вернуться на фронт. Не просто

захотел, а возникло неодолимое желание. Война вот-вот закончится, и в этот момент как мечталось быть среди тех, кто поставит победную точку.

13

Вместе с капитаном-танкистом, соседом по палате, они решили бежать на фронт, не дожидаясь полного выздоровления. Но без документов о выписке далеко не убежишь. Пошли на хитрость, уговорили врача заранее подготовить документы, чтобы после выписки не потерять еще несколько дней. Капитану удалось договориться со знакомым летчиком транспортного самолета, что он подбросит их поближе к фронту. Это было большой удачей.

- Наш новый путь на фронт начался в середине апреля, - вспоминает Варлен. - Самолетом мы прилетели в Торунь. Дальше ловили «попутки». Относились к нам очень дружелюбно - боевые офицеры, да еще раненые. Но крупным везением оказалась большая санитарная машина, которая ехала в штаб 2-го Белорусского фронта, армии которого в это время выходили к Одере. Из штаба фронта без долгих разговоров меня отправили в родную 2-ю Ударную. В армейском штабе артиллерии моему появлению совсем не удивились, и просьба направить меня не в пехотную артиллерию, а в «настоящую» не вызвала никаких возражений. Моим новым местом службы стал 96-й артиллерийский полк 90-й Ропшинской стрелковой дивизии.

Моему попутчику капитану тоже определили место службы. Мы решили утром отправиться по новым назначениям, а вечером отметить свое возвращение на фронт. И еда у нас была, и выпить нашлось. Для прощального «банкета» облюбовали красивую двухэтажную виллу, стоявшую посреди сада. Дверь была не заперта. Мы вошли, включили свет. Электричество работало! Никаких следов беспорядка, спешного бегства. Ощущение, что хозяева ненадолго куда-то вышли. Забаррикадировали входную дверь и занавесили окна: мало ли кому еще надумается зайти, а то и пальнуть. Научила война осторожности.

Прежде чем выпивать и закусывать, мы с любопытством совершили экскурсию по дому. Небедно жили хозяева. Красивая мебель, кругом зеркала. В кабинете большой, массивный письменный стол, на нем несколько книг и на бумаге брошенная ручка. Удобные кресла и большой диван у стенки. Несколько спален с застеленными кроватями. В шкафу увидели несколько мундиров со

знаками различий и даже нацистской нарукавной повязкой. На стенах было много картин и семейных фотографий. Среди них разного возраста дети, такие симпатичные, улыбающиеся. На мгновение шевельнулось сочувствие, но сразу прошло. Не мы на них напали, пусть Гитлера проклинают. Расположились мы в просторной столовой за большим круглым столом. Выпили, закусили. Снова выпили и закусили. Тепло, красиво, и войны будто нет. Бухнулись, не раздеваясь, на широченную хозяйскую кровать и отрубались до утра. На память об этой ночи я взял лежащий на тумбочке возле кровати маленький будильник, который складывался, как кошелек.

14

Утром, распрощавшись с капитаном, Варлен без приключений добрался до артиллерийского полка, в который был назначен. «Товарищ подполковник, лейтенант Соскин прибыл для дальнейшего прохождения службы», – доложил он командиру полка. Подполковник поинтересовался его курсантским багажом и сделал вывод, что командиром огневого взвода его делать не стоит, а надо дать ему работу посложнее. Лейтенант Соскин был определен командиром взвода разведки штабной батареи. Задачи этой батареи состояли в разведке основных целей для всего полка, в обеспечении огневого взаимодействия дивизионов и батарей и в подготовке данных для штаба полка. Тут знания Варлена пригодились в полной мере.

Началась новая боевая жизнь. По сравнению с той, что досталась ему в пехоте, условия были совсем другие. Не было несчастных лошадок, с которыми немало хлопот и проблем. Передвигались на автомобилях, в основном на американских «доджах» и «студебекерах». В полку были 76-миллиметровые пушки и 122-миллиметровые гаубицы, которые еще в училище Варлен изучил до винтика. И вся оптика была ему хорошо знакома – бинокли, стереотрубы, буссоли, перископы. Но главное – все дышало воздухом Победы. Еще немного, еще чуть-чуть...

Серьезной операцией была переправа через Одер. Весенний разлив сделал Одер значительно шире, и огонь противника приходилось учитывать. Но тут им повезло. Соседняя 65-я армия успела успешно переправиться рядом, и их 2-я Ударная – зачем класть людей на своем участке – сместилась на юг, чтобы переправиться в том же месте. После переправы армия двинула по

направлению к Штетгину. Ночью вошли в оставленный немцами город. Были слышны редкие перестрелки. Приходилось опасаться выстрелов оставшихся в городе безумцев.

После короткого отдыха последовал приказ преследовать противника в направлении на Штральзунд, порт на берегу Балтийского моря. На этом пути серьезный бой произошел за город Анклам. Город удалось взять только после мощной артиллерийской подготовки, которую обеспечил его 96-й полк. Армия вышла к Штральзунду, и ей предстояла последняя операция – высадка на крупнейший остров Балтийского моря Рюген, военно-морскую базу Германии. По данным разведки на острове находилось до 20 тысяч солдат и офицеров Вермахта.

– Каково же было наше изумление, – вспоминает Варлен, – когда переправа через пролив, отделяющий Рюген от материка, прошла без единого выстрела. Мы продвинулись к северной оконечности острова, где находился порт Засниц и паромная переправа в Швецию. И снова изумление: в порту ни кораблей, ни немцев. Оказалось, что все немецкое воинство в страхе перед «русскими варварами» погрузилось на все плавучие средства, включая военные корабли, и отплыло в Швецию в надежде на миролюбие шведов. Но шведы отказались принимать непрошенных гостей. Вдруг за ними кинутся вдогонку, и тогда... Зачем им это надо?

И вот, как опять не изумиться, армада судов под белыми флагами движется по направлению к Рюгену. Осторожность не мешает. Нам приказано выдвинуть на берег пушки и быть готовыми к бою. Обошлось без боя. Корабли приставали к берегу, и по трапам длинными цепочками спускались на землю недобитые фашистские вояки. Все были с оружием, которое они бросали тут же в растущие на глазах кучи. Затем пленных, построив в колонны, повели под конвоем через весь остров. Этот момент для нас был завершением войны, актом капитуляции, случившимся на несколько дней раньше, чем такой акт был подписан в Берлине.

15

Ушла война, а с ней страхи, тревоги, постоянная готовность взяться за оружие. Плюс к этому еще и остров Рюген, известный европейский курорт, с пляжами, виллами, пансионатами. Любуясь красотами, наслаждайся трофейными продуктами и вином! Счастье было недолгим. На освобожденных от фашистов землях надо было помогать сознательным немцам устанавливать единственно верный

порядок – социалистический. Взвод лейтенанта Соскина в полном составе был отправлен в порт Штральзунд, находящийся по другую сторону пролива.

Помощь коменданту Штральзунда свелась к охране нескольких важных для города объектов и патрулированию улиц. Это было абсолютно не в тягость. Взвод занял первый этаж большого прибрежного дома, хозяин которого, активный нацист, бежал с семьей в английскую зону. В доме было все – и мебель, и постельное белье, и кухонная утварь. И командир и его подчиненные не могли скрыть удивления. Дом долго был без охраны, власть отсутствовала, и ни соседи, ни городская беднота не то что не разграбили, а просто ничего не тронули.

Патрулирование по городу оставило в памяти разные сцены. Город существовал со средних веков и сохранил старинные здания, которые они с интересом рассматривали. На улицах молчаливо трудились местные жители, пожилые мужчины, но больше женщины, ликвидирующие следы разрушений от бомбежек. Встречалось немало калек, уцелевших на войне. Однажды увидел несколько женщин, моющих щетками тротуар у дороги. Была бы одна, подумал, что сумасшедшая. В немецкой аккуратности приходилось убеждаться постоянно. Это касалось и ухоженных дворов и палисадников, и одежды, небогатой, но чистой и аккуратной. При общей нехватке продовольствия ему ни разу не встречались нищие, просящие милостыню. У бывшего пионера, комсомольца, а ныне члена партии в его 20 лет появлялись вопросы, на которые он не знал ответов.

Первоначальная неприязнь с обеих сторон потихоньку исчезала, чему очень способствовало умение симпатичного молодого лейтенанта на бытовом уровне говорить по-немецки. Сосед по дому, бывший фельдшер на военном корабле, успевший дезертировать накануне краха, по имени Ганс, когда у Варлена воспалилось горло, уговорил его обратиться к своему знакомому врачу, работающему в немецком военном госпитале, который наше командование решило не трогать. Там находились на лечении сотни раненных немецких солдат и офицеров. Варлен помнит, как они с Гансом шли по больничному коридору, а вчерашние герои Третьего рейха глазели на советского офицера в военной форме. На кроватях и спинках стульев висели немецкие мундиры, и Варлену стало немного не по себе. Вдруг кто-нибудь из «ходячих» надумает наброситься с кулаками? Обошлось. Врач посмотрел горло и дал лекарство, а

Варлен отблагодарил его бутылкой вина.

- Что еще сказать о Штральзундском житье-бытье? - Варлен смотрит на меня и улыбается. - Мало кого все это сегодня интересует. Ладно, давай еще расскажу сюжет, связанный с появлением в нашем солдатском коллективе женщин. Сначала я должен упомянуть моего помощника, старшего сержанта Корягина. Он был моим большим везением, строго следил за соблюдением внутреннего распорядка. Не без его участия в нашем солдатском коллективе появились две молодые немки Инга и Герда. Они должны были помогать по хозяйству и готовить еду. По вечерам девушки приглашали подруг. Под патефон и пластинки устраивались танцы. Дальше, понятно - дело молодое, но не безопасное. Корягин, во-первых, запретил под страхом наказания спиртные напитки, чтобы исключить агрессию, а во-вторых, исключил «конкуренцию», оставив выбор за девушками. Три месяца мы были в Штральзунде, и ни одной разборки, ни одного скандала.

- Трудно поверить. Столько написано про изнасилования несчастных немок!

- Может, и было, но я с этим не сталкивался. На передовой и мыслей об этом не возникало. Вот в тылу вполне могло быть.

16

Штральзунд они покидали с сожалением. Им предстояло со всей Второй Ударной армией передислоцироваться с побережья Балтики на юг, в глубь Померании. И вот они в районе демаркационной линии, по другую сторону которой находятся англичане. Взводу лейтенанта Соскина было поручено вести постоянное наблюдение за происходящим на стороне англичан. Под крышей одного из домов они сделали пункт наблюдения, поставили стереотрубу, завели дневник. Начальству регулярно докладывали, что союзники ничего опасного не затевают. Вот только приходилось завидовать соседям. На поляне среди белого дня они играли в футбол, свободно гуляли с немецкими девушками, а тут не расслабились: строгая дисциплина, круглосуточное дежурство.

Летом 1946 года Варлен получил долгожданный отпуск. Проехал Белоруссию, Украину, побывал в Киеве у друзей и - в Новосибирск к маме. Победившая страна еще только начинала залечивать раны. По дороге сплошь и рядом разрушенные города, сожженные деревни. Но особенно тяжело было смотреть на инвалидов, идущих вдоль вагонов и просящих помощи. Кто на костылях, а кто и на деревянных

тележках с шарикоподшипниками вместо колес. Их, безногих, окрестили самоварами. Поют надрывными голосами, слезу вышибают. При их виде и без песни плакать хочется. Как же так? Где ты, благодарная Родина?

Эйфория от победы понемногу затихала. На скромных застольях в честь победителя все больше были жалобы на трудную жизнь, на проблемы с жильем и питанием. Газеты и радио призывали к героизму на трудовом фронте. Опять фронт! А когда же нормальная мирная жизнь?

Варлен признается, что вернулся в Германию с облегчением. Все предопределено, никаких проблем ни с жильем, ни с питанием. К моменту его возвращения родную дивизию расформировали. Многих отправили на Родину, а остальных распределили по другим частям. Новое место службы лейтенанта Соскина – город Шверин, столица земли Мекленбург. Должность, как и прежде, – командир взвода разведки, а работа – ежедневные учебные занятия со своим взводом. На одном из занятий побывал генерал, командир их артиллерийской бригады. Генерал предложил явно толковому молодому офицеру пойти к нему в адъютанты. Это было лестное предложение, сулившее дальнейшую военную карьеру. Но у Варлена были уже другие планы на будущее.

В офицерском коллективе он не чувствовал себя своим. Вечерние пьянки на частных квартирах, картежные игры, болтовня на сексуальные темы с обилием низкопробных анекдотов – все это было не его. Приходилось терпеть насмешки, но подстроиться он не мог. На его счастье, в Шверине при Доме офицеров открыли вечерний университет марксизма-ленинизма, и он сразу записался в число слушателей. Отныне по вечерам он мог не сидеть в своей комнате, а слушать лекции.

Следующим шагом было преподавание в средней школе. В Германию из СССР стали приезжать на постоянное жительство жены офицеров с детьми. Для таких детей и была открыта в Шверине школа. Один из его товарищей по университету был учителем в этой школе и предложил заняться этим же Варлену. После некоторых разборок и согласований лейтенанта Соскина переводят в военную часть, за которой числится школа. Это уже по существу не армия, а «гражданка».

Весной 1947 года Варлен окончательно демобилизуется и едет на Родину начинать новую жизнь.

Спустя год после отпуска Варлен снова в Новосибирске, но не в гостях, а насовсем. Зародившийся еще в Германии интерес к мироустройству настраивал на философский лад. Казалось, что познать мир во всех его проявлениях может только или философ, или историк. Это означало, что надо получать гуманитарное образование. В Новосибирске был один такой ВУЗ – педагогический институт.

Ректор пединститута, знакомый с родителями Варлена с комсомольской юности, предложил ему за оставшиеся пару месяцев до конца учебного года сдать все экзамены за первый курс. С невероятной жадностью, с утра до позднего вечера Варлен просиживал за книжками и учебниками, сдал все экзамены на «отлично» и был зачислен сразу на второй курс.

На втором курсе снова все «отлично» плюс активное участие в общественной работе. Студент Варлен Соскин стал одним из лучших на историческом факультете. Учили их по предписанным идеологическим стандартам. Главной книгой и ориентиром во всех вопросах был «Краткий курс истории ВКП(б)». Годы войны дали Варлену огромный жизненный опыт, вызвали много вопросов, но не изменили его жизненную ориентацию. Вера в правоту советского строя и величие вождя оставалась незыблемой.

Вместе с Варленом училась симпатичная девушка Аня, ленинградка, пережившая блокаду и эвакуированная в Новосибирск. После второго курса она вернулась в родной город и перевелась в Пединститут им. Герцена. А почему бы ему не доучиться в Питере, который – сама история и в котором есть знаменитый университет? Университет, тем более ленинградский, даст больше шансов после окончания заняться научной работой, а не преподаванием истории в школе. И Варлен едет в Ленинград, чтобы продолжить учебу.

Перевод в ЛГУ оказался не таким простым делом. Казалось бы, фронтовик, член партии, круглый отличник и... Почти два месяца обивает Варлен пороги ректората. Ему – у вас не хватает таких-то документов, он их получает и приносит, ему – мы не сможем дать вам общежитие, он – вот адрес, по которому я буду жить, ему – нужны медицинские справки, он идет по врачам и приносит справки, ему – перевод возможен с потерей года и досдачей ряда предметов за первый курс, он согласен и на это. Варлену и в голову не приходит,

что на дворе 1948 год и начинается борьба с космополитами, а он-то и есть этот самый космополит.

Варлена охватывает отчаяние и злость, а вместе с ними приходит решимость. Он в офицерской форме (как и многие фронтовики, Варлен донашивал то, в чем вернулся с войны), на этот раз прикрепив лейтенантские погоны, является в приемную проректора, отодвигает вставшую перед дверью секретаршу и врывается в кабинет. От явно испуганного проректора он требует или написать приказ о зачислении, или в письменном виде дать ответ, почему ему отказано. Подрагивающей рукой проректор пишет: «Принять условно, без стипендии и общежития, с досдачей предметов».

Варлен, как одержимый, погрузился в учебу. Он или в аудитории, или в читальном зале библиотеки – читает, конспектирует, готовится к семинарам. Занятия проходят активно, преподаватели дают возможность свободно высказаться, но свобода особая, «в пределах марксизма-ленинизма». На деле эта свобода означала, что не может быть споров, сомнений и возражений по поводу трудов Маркса, Ленина и, в еще большей степени, Сталина. Заучивание сталинских цитат оценивалось как высшая доблесть. Стоило Варлену на одном из семинаров усомниться в каком-то ленинском тезисе, на него так набросились! Как посмел?!

Начиная с третьего курса студентам предлагалось выбрать узкую специализацию. Варлен настроился на новейшую немецкую историю, что совсем не удивительно. Но без всякого учета желаний была сформирована группа для изучения истории партии, в которую включили всех членов партии, фронтовиков и комсомольских активистов. Из них должны были подготовить преподавателей марксизма-ленинизма, обязательного предмета во всех вузах страны. Это звучало как поощрение, за которое надо говорить «большое спасибо».

Дальше была, как и прежде, учеба со всеми «отлично». Изменилось только то, что на третьем курсе Варлен женился на той самой Ане, с которой начал учиться вместе в Новосибирске. Варлен с улыбкой и не без грусти вспоминает, как на свадебном застолье в декабре 1950-го, совпавшим с днем Сталинской конституции, когда кто-то из гостей предложил выпить за молодоженов, он встал и торжественно произнес: «Нет, есть более важный повод, и есть великий герой, за здоровье которого я предлагаю первый тост», – и почти пропел строчки одной из самых популярных песен, – «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем!»

1952-й, последний год студенческой жизни. Блестящая дипломная работа, диплом с отличием, героическое прошлое – кто бы сомневался, включая его самого, что его оставят в аспирантуре. Не судьба! Ему объясняют, что он уже сложившийся профессионал, что его нечему больше учить, что он готов для успешной самостоятельной работы. По-русски это определяется так: сс*ть в глаза и говорить – божья роса!

Незадолго до распределения у Варлена состоялся разговор с секретарем парткома факультета, сравнительно молодым преподавателем новейшей истории. Варлен был членом парткома, и у них сложились дружеские отношения. Не называя вещи своими именами, парторг пытается объяснить ситуацию Варлену, никак не желающему понять, что происходит.

Еще не зная, но догадываясь, что может случиться на распределении, он предлагает Варлену самому поискать место работы, а от себя обещает помощь, если удастся найти.

Варлен ходит по многим учреждениям. Везде впечатляются его рассказом о себе, но с сожалением разводят руками – нет свободных вакансий. Запомнилась попытка устроиться в Артиллерийский музей. В отделе кадров бывшего офицера-артиллериста, члена партии, а ныне историка, заканчивающего университет, приняли на «ура». «Это же подарок нашему музею! Берем. Немедленно оформляйтесь». Внешне Варлен был больше похож на кавказца, за которого его часто принимали, но в паспорте «пятый пункт» не оставлял сомнения, кто он есть. На следующее утро перед ним извинились за ошибку – в отделе кадров забыли, что вакансия уже занята.

И вот распределение.

– Что мы можем вам предложить? – ослабившись, спрашивает сам себя председатель комиссии по распределению. – Есть, например, работа учителем в Псковской, Новгородской и других областях.

Ошарашенный Варлен, а он от парткома факультета входит в комиссию по распределению (бывает же такое!), пытается возражать, но председатель разводит руками: других мест у него не осталось. Решение переносится. Доброжелатели из членов той же комиссии подсказали Варлену, что есть место в Эстонии, в Тарту преподавать в техникуме. Варлен приготовился согласиться – близко к Ленинграду

и возможность плодотворного общения. На следующий день выясняется, что место уже занято. Его отдали очень средней студентке, поскольку, объяснил председатель, студентка пловчиха, а в Тарту есть бассейн. То ли смеяться, то ли плакать. Второй день закончился ничем.

Ситуация накалилась до предела. Тот же секретарь парткома придумал многоходовую комбинацию. Он предложил Варлену попросить отправить его в родную Сибирь, где у него мама. А ему он подготовит сопроводительное письмо, где даст характеристику, отражающую все его заслуги. Эту характеристику надо будет предъявить не в ОблОНО (Областной отдел народного образования), который отправит, куда послали, а в Обкоме партии, который в силе изменить направление и найти более достойное место.

На третий день распределения, к удивлению председателя комиссии, Варлен без возражений принял направление в Кузбасс, в поселок Трудармейск учителем в школу.

19

Были собраны немногочисленные пожитки. Варлен завез жену к маме в Новосибирск, а сам поехал в Кемерово, главный город Кузбасса. С рекомендательным письмом, как и было задумано, он явился на прием к заму секретаря обкома по идеологии. Зам прочитал письмо, попросил зайти на следующий день, а сам тут же позвонил заведующему кафедрой марксизма-ленинизма в Учительском институте и спросил, не хочет ли он укрепить кафедру бывшим офицером, а ныне историком, одним из лучших выпускников ленинградского университета. Расчет сработал.

Учительский институт в отличие от педагогического давал среднее специальное образование, готовил учителей начальных классов. Студентами были, в основном, девушки и юноши из окрестных сел и деревень. У Варлена и со студентами и с коллегами сложились добрые отношения. Он не кичился своей образованностью, своими знаниями, а получал удовольствие от того, что он ими делится. Продолжая, как всегда, много работать, он подготовил курс лекций по истории КПСС, начал сдавать кандидатские экзамены, хотя кандидатской диссертации не было видно даже на горизонте. Но надежда-то оставалась!

Жуткие бытовые условия не то, чтобы не омрачали жизнь, но были вторичными. Им дали комнату в брусчатом доме без удобств с сортиром во дворе. Из Новосибирска привезли шкаф и стол, а

кроватю служил матрац, уложенный на два бревна. А к этому еще и шок при сравнении северной столицы с грязным и угрюмым шахтерским городом. Чем не ссылка? Но ссылка не за политическую деятельность, не за преступление, а только за принадлежность к нации. Они были евреями только «по паспорту». Ни языка, ни образа жизни, ни традиций еврейского народа они не знали, но несогласие и обиду оставляли при себе, уповая не на то, что изменится власть, а на удачу в рамках системы.

Удачи пришлось ждать целый год. А пока ситуация только ухудшалась. В январе 1953-го под аршинными заголовками всех газет появилось сообщение о «врачах-убийцах». Волны антисемитизма захлестнули всю страну. Покаянное письмо известных всей стране евреев, призывающее весь народ искупить грех героическим трудом там, куда его отправят, подлило масла в огонь. У Варлена, признается он, не было страха перед возможными преследованиями. «Дальше не сошлют», – успокаивал он Аню, которая уже начала преподавать в одной из кемеровских школ. «Есть еще Биробиджан, да и Север остается бескрайним», – с улыбкой возражала Аня. Грустная шутка. А что делать, если не шутить?

Не прошло и двух месяцев, как в начале марта 1953-го умер Сталин. А следом выяснилось, что «дело врачей» было сфабриковано, и врачи ни в чем не виноваты. Страсти утихли, лишний раз подтвердив, что доверие народа советской пропаганде абсолютное, что бы от нее ни исходило. Жизнь продолжается, а с ней и мечты об аспирантуре и научной работе.

Неожиданно мечты становятся реальностью. В Новосибирском пединституте продолжают работать друзья его отца, с которыми по-прежнему дружит его мама. Она рассказывает им о сыне, и Варлен получает приглашение поступить в очную аспирантуру. Он успешно сдает вступительные экзамены, и семья переезжает в Новосибирск. Поселяются в небольшой квартирке Рахиль Соломоновны. Но одно дело гости, другое – постоянное совместное проживание. Оставшаяся на всю жизнь комсомолкой свекровь никак не могла смириться с «мелкобуржуазностью» невестки, купеческой внучки. К счастью, это продолжалось недолго. Аня начала работать в авиационном техникуме, и ей дали комнату в полуподвале многоэтажного дома. Варлен вспоминает: когда он в этой комнате писал первые статьи, то, поднимая голову, видел в окне только ноги прохожих.

В отличие от стандартной ситуации, когда аспирантам давали

тому их научные руководители, Варлену было предложено выбрать тему самому. Он понимал ответственность выбора. Тема должна касаться не только истории, но и быть актуальной сегодня. Много было перечитано-передумано. И вот он обратил внимание, что в последних работах Ленина, а это очень важная отправная точка, много говорится о необходимости решительно взяться за преодоление культурной отсталости деревни, осуществить «культурную революцию». Город должен помочь деревне, взять шефство над ней. И Ленин ссылается на уже «имеющийся опыт Западной Сибири». Ура! Ленин, родная Западная Сибирь и до сих пор отсталая деревня. Выбор сделан!

Варлен с утра до вечера проводит время в архивах, причем не только в городских, но и в районных. Он чувствует себя первооткрывателем. К концу аспирантуры диссертация почти закончена, осталось подождать выхода нескольких публикаций и на защиту. Но это уже 1956-й, 20-й съезд КПСС, доклад Хрущева о культе личности Сталина. А диссертация только начинается с Ленина, а дальше Сталин, Сталин, Сталин. Аспирантура окончена, защита откладывается, а Варлен начинает работать ассистентом кафедры марксизма-ленинизма в Сибстрине, Сибирском строительном институте. Полная педагогическая нагрузка, необходимость первоначальной подготовки отнимали почти все время. На «прополку» в диссертации имени Сталина, на переписывание некоторых страниц с учетом нового времени ушел почти год. Наконец защита состоялась, и первый научный барьер был взят. Варлен получил степень кандидата исторических наук. Ему чуть больше тридцати, достижение приятное, но не в его правилах останавливаться на достигнутом. И тут ему представилась возможность проявить себя в полной мере.

20

Под Новосибирском, на берегу Обского моря рос Академгородок, Сибирское отделение Академии наук СССР. Гуманитарных институтов в отделении не предполагалось. Желая все-таки хоть как-то отдать должное гуманитарным наукам, Президиум Сибирского отделения постановил создать при Институте экономики, посчитав, видимо, что экономика наиболее к ним близка, Постоянную комиссию по общественным наукам. Комиссию предложили возглавить доктору философии, заведующему кафедрой, на которой работал Варлен, а тот, в свою очередь, предложил кандидата исторических наук В.Л.Соскина в

качестве секретаря комиссии. Работа была на общественных началах без отрыва от преподавания в Сибстрине. Очень быстро секретарь проявил организаторские способности, показал себя активным, инициативным, к тому же легким в общении. И в феврале 1959-го секретаря комиссии зачисляют в штат Института экономики старшим научным сотрудником. Началась долгая и плодотворная работа Варлена Львовича Соскина в Академгородке.

Он среди организаторов и зачинателей большой гуманитарной науки в Сибири. Не утомляя перечнем организационных достижений, перечислю только основные этапы: Постоянная комиссия по общественным наукам, Отдел гуманитарных исследований, Институт истории, филологии и философии и, наконец, самостоятельный Институт истории в Сибирском отделении Российской академии наук. В Новосибирском университете открывается гуманитарный факультет, на котором доктор исторических наук профессор Варлен Соскин читает лекции студентам и руководит аспирантами. В Институте он заведующий сектором истории советской культуры, главный научный сотрудник. У него более трехсот научных публикаций. Он признанный авторитет по вопросам социальной истории советской культуры и интеллигенции. Ему присвоены звания Заслуженного деятеля науки и Заслуженного работника высшей школы.

Научные работы Варлена Соскина относятся к новейшей истории, примыкающей к сегодняшней реальности. А новейшей историей трудно заниматься без компромисса с текущей политикой. Активная научная работа Варлена пришлась на последние сорок лет прошлого столетия. Это были годы бурных перемен. Когда я его спросил, почему для своей докторской работы по истории советской культуры он выбрал период 1917–1927, он честно признался – почти не надо было врать. Это было в конце 60-х. Примерно в это же время я обратился к Варлену за советом.

Меня и моего друга – мы оба были младшими научными сотрудниками, недавно ставшими кандидатами технических наук, – вызвал секретарь парткома нашего Института. В это время в Сибирском отделении сложилась ситуация, когда основную часть членов КПСС составляли рабочие мастерских и технические сотрудники, и райком партии дал команду привлечь в партию молодых ученых. Мы, активные комсомольцы, по возрасту уже не могли оставаться в комсомоле и вполне годились для пополнения рядов партии. Секретарь парткома намекнул на то, что это будет

способствовать нашему карьерному росту. А кто бы этого не хотел?

Прежде чем согласиться, я рассказал об этом Варлену. Неожиданно для себя я услышал, что на моем месте он бы этого не делал. Ему, коммунисту, не пристало давать такие советы, но... Варлен сделал паузу: «Ты сам знаешь, почему “но”, иначе бы не спрашивал». Мой друг стал членом партии и быстро поднялся по служебной лестнице. Я остался беспартийным, карьера была не такой крутой, но всю жизнь я благодарен Варлену за совет.

24 февраля 2021 года Варлену исполнилось 96 лет. Накануне его поздравили с Днем защитника Отечества. Он единственный в Академгородке оставшийся в живых участник Великой Отечественной войны, и не просто участник, а боевой офицер, реально проливший кровь в сражении на фронте. Ему принесли цветы и подарки от Института истории и от Университета. К нему пришли бывшие ученики, давно ставшие докторами и профессорами. Рядом с ним дочь с мужем, внуки и правнуки.

Я звоню ему в Академгородок из Нью-Джерси. Он выслушивает мои поздравительные слова и восторги по поводу его долголетия и хорошей формы, прерывает на полуслове: «Ладно, хватит. У вас там второй месяц новый президент. Чего ждать?»

Апрель, 2021 г.

Эльвира Фагель - родилась в Ленинграде. Всю сознательную жизнь до отъезда в США (1993 г.) прожила в Москве. Диплом инженера получила в МВТУ им. Баумана. Проработала во ВНИИМЕТМАШе 20 лет. Оказавшись в отказе после подачи заявления на постоянное место жительства в Израиль, была с работы уволена, но повезло: была принята в редакцию еврейского журнала "Советиш Геимланд" (после перестройки - «Еврейская Улица»), где работала 10 лет, вплоть до отъезда в США. По опубликованным в журнале работам была принята в Союз журналистов СССР.

Поводырь

Наверное, это самое что ни на есть высшее счастье - идти рядом, между Моими, не опережая и не отставая ни на сантиметр, в одном ряду, в одном темпе. Они идут шаг в шаг, я, конечно, таким шагом идти не могу, просто, что называется, трушу мелкой рысцой, но из ряда не выбиваюсь. Оба они высокие и красивые, я горжусь ими и горжусь тем, что они принадлежат мне, и вместе мы - семья. Сегодня самый хороший день недели, потому что они не уехали на работу, а, значит, будут все время со мной, и можно будет немного поиграть с Папой в прятки, притаиваясь то за сервантом в столовой, то за плитой посреди кухни, да мало ли есть закоулков в доме, и немножко покапризничать с едой, чтобы Мама поуготоваривала своим ласковым, теплым голосом: «Ну поешь, пожалуйста, хороший мой!», и тогда еда доставит особое удовольствие. Но это потом, после прогулки, а сейчас я наслаждаюсь солнечным днем, когда попеременно желтые, коричневые, красные, зеленые листья и фиолетовые цветы еще греются под солнышком, а от земли уже тянет легким морозцем, оставленным дню прошедшей ночью.

Время от времени встречаются знакомые или просто приветливые соседи, улыбаются нам или говорят что-нибудь приятное, тогда Мама и Папа прерывают свой разговор и отвечают им в такой же приятной манере. Я тоже улыбаюсь и радуюсь всем. Особенно я рад встрече со своим приятелем Ричем. Это от него я научился ходить так плотно рядом с Папой, а по выходным между Папой и Мамой, словно мой бок приклеен к его ноге. Отлучаюсь я очень редко и ненадолго, по необходимым делам, как, например, сейчас, завидя Рича, чтобы пройтись с ним рядом несколько метров и перекинуться новостями. Рич немногословен, деловит и держится все время начеку. Он «приклеен» боком к ноге немолодого грузного

джентльмена. В одной руке джентльмена палка, в другой – кольцо, прикрепленное очень коротким поводком к ошейнику Рича. Рич говорит, в семье он – главный, потому как его хозяину ну никак нельзя жить без Рича, просто не выжить. И называет он себя странным словом – «поводырь». Он, Рич, поводырь, должен постоянно отслеживать каждое движение пожилого джентльмена. Почему? Я не знаю, и вряд ли знает сам Рич. Просто так надо, и все. Ну, пока, Рич, надо догонять Маму и Папу...

Вечером, как всегда, мы смотрим телевизор, они сидят рядышком в низких смешных креслах, вытянув ноги, я – между ними. Я лежу, правда, хвостом к телевизору, может, это и не самый лучший способ смотреть фильмы, зато им удобно дотронуться до моего уха или носа или погладить. Особенно я люблю ощущать Мамину руку на голове, она такая легкая и мягкая, от нее идет спокойное тепло, и меня заливают нежность и любовь и вытесняют из души все остальные желания и мысли – только вот так лежать и ни о чем не думать.

Потом кончается вечер, Мама и Папа говорят мне: «Спокойной ночи», целуют в нос, я пытаюсь в ответ лизнуть их губы, иногда это удается, и мы расходимся по своим постелям до нового дня.

Я и не предполагал, что такое отлаженное и беззаботное существование моей семьи может вдруг круто измениться. То есть не могу сказать, что совсем уж не заметил никаких изменений в поведении Мама и Папы, но связать эти мелкие отклонения с переменой всего образа жизни в нашем доме никак не мог. Просто Мама стала чаще задумываться о чем-то, улыбаться, не Папе и не мне, а как-то мягче и отстраненнее, словно своим мыслям, нас к которым не допускала. Зато по вечерам мы чаще стали гулять втроем, и рука ее на моем лбу стала еще легче, теплее и мягче.

Однажды Мама исчезла. Ее не было вечером, Папа ужинал один, и один уселся перед телевизором. Я подождал по привычке, пока он скажет: «Позови Маму», и тогда я побегу ее искать и, найдя, легонько потяну за штанину и приведу в гостиную. Но тут же вспомнил, что Мама нет в доме. Я, конечно, лег рядом, как всегда, но оба мы, похоже, не интересовались, что там происходит, даже звук Папа убрал, будто боялся пропустить Мамины шаги, так, по крайней мере, казалось мне. Я изо всех сил прислушивался, не откроются ли ворота гаража. Мама не было ночью – впервые в нашей жизни, не было и на следующий вечер и на третий не было тоже. Наши вечерние прогулки стали короткими и молчаливыми. Иногда Папа что-то рассказывал, но из того, что он говорил, я понимал только «наша

Мама», а куда она пропала, Папа объяснить не мог.

Так прошло четыре дня, а на пятый Папа вернулся домой не один. За дверью послышался звук въехавшей в гараж машины, затем закрываемых ворот, и я услышал веселые голоса Мамы и Папы! В восторге я был готов подпрыгнуть и лизнуть лицо входящей в дверь Мамы, но она закричала: «Уйди, уйди!», и даже оттолкнула, упершись руками мне в грудь. Это было так неожиданно и необычно, что я растерялся и отскочил, только хвостом смог показать свою радость. А Папа внес какой-то сверток, но не так, как он вносил сумки с продуктами или коробки с чем-то еще, а очень неудобно держа «Это» перед своим лицом почти на вытянутых руках.

Вот с этого момента наша жизнь и изменилась во всем. Прежде всего появился запрет входить в их спальню, и каждый раз, когда я пытался проскользнуть туда вслед за Мамой, она очень твердо командовала: «Не смей!». Прекратились прогулки втроем и вечерние часы перед телевизором. Мама, правда, никуда не уезжала, но все ее общение со мной начиналось и кончалось словом «нет» у дверей спальни. Из нее она выходила редко, шла в кухню поесть и поскорей возвращалась, не обращая на меня никакого внимания. Время от времени из спальни слышался плач, иногда очень горький, и Мамин растерянный, уговаривающий ласковый голос. Я понял – это новое живое существо управляло ее сердцем и заставляло переживать. Постепенно плач стал раздаваться реже и не такой горестный, скорее требовательный, что Маму, как ни странно, очень радовало.

Наконец, однажды она вынесла это новое живое Существо, уложила в коляску и сказала, обернувшись ко мне: «Пошли!». О, это было замечательно! Мы шли втроем – я, «приклеенный» к Маминой ноге, Мама и Существо в коляске. Мама улыбалась и говорила что-то ласковое, сначала – в коляску, потом мне. Я был счастлив и горд: я нужен Маме, а значит, и этому маленькому живому Существу. С тех пор мы гуляли так почти каждый день. Когда по нашим кривым улочкам мимо нас проезжала машина, Мама нервничала и толкала неповоротливую и, видимо, тяжелую коляску к обочине, хотя машины и сами старались обогнуть нас подальше.

Я очень хотел поближе познакомиться с новым членом нашей семьи, потому как стало ясно, что он уже никогда не уйдет из нашего дома. Папа был не против и предлагал: «Посмотри, Лаки, это – Лия». Но Мама злилась на Папу и отгоняла меня: «Не смей!». Это было обидно, но я не умел сердиться на Маму.

Теперь я подхожу к воспоминанию о самом страшном дне,

изменившим опять всю мою жизнь, и теперь уже навсегда.

День не был ясным, но не было и ветра, и Мама решила, что можно погулять. Она долго упаковывала маленькое Существо, приговаривая нараспев: «Чтобы ножки не замерзли, чтобы ручки не замерзли, чтобы было нам тепло». В самом деле, на улице было прохладно, снежинки падали на мерзлую землю, я не прочь был побегать, чтоб хорошо разогреться, но, как всегда, шел рядом с Мамой. Я услышал звук приближающейся из-за поворота машины еще издали и предостерегающе посмотрел на Маму. Она тоже в конце концов услышала и стала торопливо толкать коляску вбок, но было слишком поздно. Завизжали тормоза, машину несло прямо на нас. На раздумье времени не было. Позже, много позже я спрашивал себя, правильный ли я сделал выбор? Может, надо было покрепче ухватить Мамин рукав и рвануть ее в сторону? Но что-то говорит мне, что нельзя было сделать иначе, чем сделал я. Я прыгнул грудью на коляску, оттолкнувшись от обледенелого асфальта изо всех сил, не чувствуя никакой боли, и она стала заваливаться на обочину. Последнее, что я видел – искаженное Мамино лицо с широко открытым ртом. Еще долю мгновения я летел в молчаливую черную бездну, и это, видимо, была смерть.

Но, наверное, не совсем, один раз среди черноты возник монотонный слабый звон, и сквозь него я услышал детский шепот: «Бедный песик, бедный, бедный песик», потом, опять сквозь звон и черноту, я почувствовал, как меня отрывают от земли и, покачиваясь, я словно плыву. Потом опять пришла смерть.

Я думаю, я вернулся в жизнь. Не сразу, конечно – много раз я слышал голоса, чувствовал, как меня трогают, вливают сквозь стиснутые зубы что-то теплое, незнакомое на вкус, вытаскивают из-под меня коврик, во что-то укутывают голову. В промежутках я проваливался в черноту. И чаще всего я слышал тот самый голос – «бедный песик» и чувствовал на себе маленькие ладони. Этот ребенок почти все время был возле меня. Я мог поблагодарить его только покачиванием хвоста, даже язык не мог высунуть, чтобы поцеловать. Но все же я вернулся в жизнь. Правда, почему-то была все время ночь, хотя вокруг меня, в доме, где я лежал у дверей, слышны были шаги, незнакомые голоса и обычные дневные звуки.

Как-то я собрался с силами и встал на ноги. Не очень-то они слушались меня, захотелось тут же опять лечь, но я услышал радостное: «Иди сюда, песик, давай, давай, двигай ко мне!», и я пошел на этот голос и уткнулся носом в колени, и на голову легла

знакомая маленькая ладонь. Я замер от нежности к этому мальчику – я уже понял, что это самая настоящая любовь.

На следующий день мы вышли с ним во двор. Свежий ветер ударил мне в нос множеством уличных запахов, но и здесь была ночь. Теперь всюду и всегда была ночь...

День за днем наши прогулки становились все длиннее и дальше. Однажды я услышал Мамин голос и знакомое шуршанье по асфальту колес коляски. Я задрожал от радостного волнения, я ждал, что Мама скажет: «Привет, Лаки», поцелует в нос, и я отвечу ей тем же. Но Мама не обратила на меня никакого внимания, заговорила с Мальчиком спокойным и ровным голосом, я понял, что речь идет обо мне, удивился знакомому слову «усыпить» – я слышал его не раз, когда Мама просила Папу уложить спать маленькое живое Существо, – на что Мальчик ответил необычно твердо и громко: «Ни за что!». И Мама покатила коляску, а мы ушли в другую сторону. Я шел, «приклеенный» к ноге моего нового друга, а он держал в руке кольцо, прикрепленное к ошейнику таким коротким поводком, что я почти ощущал его пальцы на своей шее.

И кто-то, проходя мимо, негромко сказал: «Поводырь».

Владимир Шнейдер - искусствовед, историк архитектуры. Закончил Санкт-Петербургский технологический институт, а затем - искусствоведческое отделение Санкт-Петербургского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина при Российской академии художеств. До переезда в США работал экскурсоводом в Санкт-Петербурге. В Америке с 1995 года. Занимается антикварным бизнесом. Женат. Живет в Нью-Йорке.

Иисус Христос - Человек

Размышляя над страницами романа «Мастер и Маргарита»

Я хочу предложить вашему вниманию один, представляющийся мне важным, аспект этого произведения в ракурсе, который, насколько мне известно, еще не становился предметом специального осмысления.

Выбор темы обусловлен чисто литературными соображениями, ибо роман Булгакова можно увидеть как завершение более чем столетней традиции в истории европейской литературы.

С начала XIX века сюжет Иисуса Христа - человека постепенно присваивают себе светские направления в европейской литературе, живописи, скульптуре, а позже и в кинематографии, особенно современной.

К теме Христа - человека обращались в русской дореволюционной живописи Крамской, Ге, Polenov, Куинджи, Репин, Врубель, в скульптуре - Антокольский. Все они подчеркивают обыденность образа Христа, как бы вводя его в круг близких им самим простых людей.

Булгаков с детства хорошо знал светскую живописную иконографию Христа, поскольку друг и сослуживец его отца по Киевской духовной академии, Василий Ильич Экземплярский, всю жизнь собирал коллекцию репродукций произведений искусства, изображающих Христа, в ней насчитывалось около двух тысяч фотоснимков. Сейчас часть этой коллекции находится в музее Булгакова в Киеве. В «Мастере и Маргарите» чувствуется знакомство писателя с этой коллекцией. Именно Экземплярского отец писателя Афанасий Иванович перед смертью попросил позаботиться о его

детях.

Но поскольку мы говорим о традиции европейской литературы, то здесь основополагающими служат сочинения «Жизнь Иисуса Христа» Фредерика Фаррара и «Жизнь Иисуса» Эрнеста Ренана, которые были знакомы Булгакову с детства, ибо находились в их домашней библиотеке.

Иисус Христос становится привычным героем секулярной европейской исторической беллетристики. Образ Христа, освобожденный от сакрального ореола, переживается в его страдающей человечности и потому становится для либеральной общественности, в том числе и русской, одним из ее идеалов, воплощением жертвенной любви к страдающим и угнетенным.

Именно так Христа видит Белинский, когда в своем известном письме к Гоголю в 1847 году пишет:

«Он (Христос) первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения».

И, конечно, совсем не случайно поэт Александр Блок, захваченный стихией русской революции и разделявший, наряду с большинством интеллигенции, все эти либерально-демократические идеалы, прозрел Иисуса Христа впереди революционного отряда двенадцати ночных громил. И булгаковский Иешуа – этот трогательный чудак, попавший под колеса трусливой и безжалостной римской оккупационной машины, – продолжает все тот же, ставший традиционным, образ страдающего за правду человека, возвещающего наступление грядущего царства истины и справедливости, где не будет надобности ни в какой власти. В этом ракурсе роман Булгакова можно увидеть как итог всей так называемой «ренановской» эпохи.

Среди главных героев романа «Мастер и Маргарита» есть лишь одно лицо, которое является бесспорной исторической фигурой. Это Понтий Пилат, пятый прокуратор Иудеи, представлявший в начале I века нашей эры римскую оккупационную администрацию времени правления императоров Тиберия и Калигулы. Известно, что вплетенные в ткань повествования так называемые псевдоевангельские главы романа, по воле автора названы еще «Романом о Понтии Пилате».

Википедия сообщает, что Понтий Пилат – Римский префект Иудеи с 26-го по 36 год, из всаднического сословия. Корнелий Тацит

называет его прокуратором Иудеи, Иосиф Флавий – игемоном. (Именно так – игемоном – булгаковский Марк Крысобой учит с помощью кнута подследственного Иешуа из Галилеи величать Пилата.) Правление Пилата ознаменовалось массовым насилием и казнями. Налоговый и политический гнет, провокационные действия Понтия Пилата, оскорблявшие религиозные верования и обычаи иудеев, вызывали массовые народные выступления, беспощадно подавлявшиеся римлянами. Современник Пилата философ Филон Александрийский характеризует его как жестокого и продажного самодура, виновного в многочисленных казнях, совершенных без всякого суда.

Вряд ли на основании только этих весьма нелицеприятных исторических свидетельств можно понять, почему Понтию Пилату принадлежит столь исключительное место в истории, – в истории, прежде всего, западного, христианского, по своим культурным корням, мира. Его имя хорошо известно каждому образованному человеку. Помните сцену осмотра поэта Ивана Бездомного доктором Стравинским в клинике для душевнобольных:

«Так слушайте же: вчера вечером я на Патриарших прудах встретился с таинственной личностью, иностранцем не иностранцем, который заранее знал о смерти Берлиоза и лично видел Понтия Пилата.

– Пилата? Пилат, это – который жил при Иисусе Христе? – шурясь на Ивана, спросил Стравинский.

– Тот самый».

В вопросе доктора Стравинского акценты расставлены совершенно верно: в европейском культурном сознании Пилат не существует как самостоятельная личность, достойная исторической памяти, – его имя всегда прикладывается к чему-то несоизмеримо большему, чем он, и имеет единственное значение и единственный смысл – как отнесенное к Иисусу Христу. Более того, имя Понтия Пилата произносится вот уже более полутора тысяч лет ежедневно на каждой литургической службе, ибо оно присутствует в христианском «Символе веры»:

Crucifixus etiam pro nobis sub Pontio Pilato...

He was crucified for us under Pontius Pilate...

Распятого же за ны при Понтийстем Пилате...

Этим именем, этой конкретной исторической фигурой ежедневно, снова и снова, подтверждается, что тот Иисус Христос, в

которого христиане верят, – не мифическое существо, подобное языческим богам, обитавшим в каком-то мифическом мире, где-то и когда-то. Для христианства важна эта связь с земной человеческой историей, подчеркнутое настаивание на этой связи. Откровение совершилось – «при Понтийском Пилате», и это значит – в определенный момент исторического времени, в определенном месте, при определенных обстоятельствах.

В 1961 году группа итальянских археологов обнаружила в Кесарии, бывшей резиденции царя Ирода, осколок мраморной стелы с надписью, в которой содержалось имя Понтия Пилата. Надпись сообщала о том, что префект Понтий Пилат посвящает перестройку театра в Кесарии императору Тиберию!

Эта находка подтвердила свидетельства историков, не оставив сомнения в том, что Понтий Пилат – это бесспорная историческая фигура. Однако совсем иначе обстоит дело с самим Иисусом Христом, историчность которого начиная с конца XVIII века становится предметом споров.

В эпоху французской революции, свершившейся, как известно, под знаком антихристианского радикализма, появляются первые публикации, в которых высказывается сомнение в историчности Иисуса Христа. На протяжении XIX века и в Европе, и в Америке появляется еще ряд работ, авторы которых утверждали, что Иисус Христос – легендарная фигура.

Своеобразным итогом этих попыток отрицания историчности Иисуса Христа стала книга основоположника немецкого неоязычества и нацистского мистицизма Артура Дрекса «Миф о Христе», опубликованная в 1909 году. В дореволюционной России книга Дрекса не издавалась по цензурным соображениям. Однако с приходом к власти большевиков она неоднократно переиздавалась, причем по прямому распоряжению Ленина, исключительно высокое ее ценившего, и стала основным источником формирования советской мифологической теории происхождения христианства.

С начала 1960-х годов в советских вузах в качестве обязательного предмета преподавали «Основы научного атеизма». Одним из основополагающих, фундаментальных положений этого атеизма было утверждение мифичности Иисуса Христа.

Державший нос по ветру главный пролетарский поэт Ефим Придворов, более известный как Демьян Бедный (который в действительности пролетарием никогда не был), в одном из своих антирелигиозныхopusов писал:

Вот краткая повесть о Новом Завете –
 Иисуса Христа не было на свете,
 Так что некому было страдать и умирать
 И не о ком было Евангелие писать.

Не секрет, что советский официоз с первых лет своего существования с особой агрессивностью насаждал отрицание «историчности» Иисуса Христа, то есть именно Его человеческого естества. Исключительная, иррациональная нервозность большевистской идеологии как раз в этом пункте хорошо известна и в своем роде симптоматична. Тут есть над чем задуматься. Казалось бы, атеист, изначально отрицающий бытие Бога и основные положения христианского вероучения, не имеет серьезных причин придавать значение тому, вправду ли не жил на земле или все-таки жил некий галилейский странствующий учитель-рабби по имени Иешуа. Но какое там! Именно человеческого естества этого рабби советское воинствующее безбожие почему-то боялось больше всего на свете.

В чем же тут дело? Откуда этот судорожный, мистический страх перед человеком, жившим 2000 лет назад, – человеком, сам факт существования которого с такой беспашашной, воистину большевистской удалью отрицается.

Сталину приписывают известное изречение: «Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы».

Но здесь мы имеем случай, когда нет человека, а проблема есть!

Так в чем же, собственно, проблема? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, потребуются прояснить саму сущностную природу русской революционной катастрофы, природу того демонического режима, который в результате этой катастрофы водворился в России и, увы, по сей день еще правит бал, невзирая на все свои постсоветские мутации, ибо все проблемы столетней давности остаются неразрешенными в России до сих пор – следовательно, русская революция продолжается.

И здесь мы в первую очередь должны назвать имя Федора Михайловича Достоевского, который еще в конце XIX века в своем романе «Бесы» пророчески указал, что русская революционность есть феномен метафизический и религиозный, а не политический или социальный.

В самом деле, ну в какой еще другой стране подкладывали бомбу под икону? Достоевский гениально предугадал, что русская революция, в сущности, будет решать только один вопрос – вопрос о

Боге: есть Он или нет – со всеми вытекающими из вердикта последствиями, даже такими знаменательными, как переименование городов, изначально носивших имена святых, на имена демонов (Санкт-Петербург – Ленинград; Спасск – Беднодемьяновск и т. д.).

Отрицание существования Бога, открытая война со всеми формами религиозного поклонения, агрессивно навязываемая государством атеистическая пропаганда, по сути, становятся основной социальной и политической доктриной большевистского строя. Этой доктрине всеми силами придается характер некоей научной «передовитости», в основе которой лежит убежденность в якобы само собой разумеющейся несовместимости религиозного взгляда на мир с научными представлениями.

При этом большевистский официоз решительно игнорирует тот очевидный факт, что его главный тезис о саморазвитии материи до уровня сознания есть не что иное, как религиозный в своей сущности постулат, принимаемый исключительно на веру и принципиально никакой наукой недоказуемый, – точно так же недоказуемый, как и утверждение, что «вначале Бог сотворил небо и землю...»

Мы давно уже оставили попытки искать логику во всем, что имеет отношение к России. Увы, никакой логики и здесь искать не приходится – как, впрочем, и в том удивительном факте, что и сам Михаил Афанасьевич Булгаков именно на этом весьма неблагоприятном для выбранной темы фоне пишет свой загадочный «закатный» роман «Мастер и Маргарита», в котором вручает собственный жребий своему герою Мастеру, написавшему, в свою очередь, роман о Понтии Пилате, вызвавший у критиков уверенность в том, что перед ними не что иное, как «апология Иисуса Христа», по выражению одного рецензента, некоего Аримана.

При этом Булгаков умалчивает о том, какие внутренние побуждения привели и его самого, и его героя к созданию в подобных условиях подобного произведения – произведения, в основу которого недвусмысленно положен евангельский сюжет.

И хотя нам точно не известно, почему Булгаков обратился именно к этой несвоевременной теме, мы не можем сомневаться, что сделал он это не случайно.

Заметим также, что если непрошенный роман неизвестно откуда взявшегося Мастера о Понтии Пилате вызвал недоумение и был встречен критикой в штыки, то заказанная Берлиозом своему в доску молодому пролетарскому поэту Ивану Бездомному антирелигиозная поэма о Христе подверглась сравнительно легкой

корректировке с добродушно-снисходительным указанием на главную ошибку автора – что поэму необходимо переписать заново, сделав основной упор на том, что Иисуса на самом деле никогда не было на свете.

Как мы помним, роман начинается беседой двух литераторов. Один из них, Михаил Берлиоз, – глава столичного МАССОЛИТа, он же редактор «художественного журнала» (в ранних редакциях романа – журнала «Богоборец»). Другой – поэт Иван Бездомный, написавший по заказу Берлиоза антирелигиозную поэму. О чем же они говорят?

«Речь эта, как впоследствии узнали, шла об Иисусе Христе. Дело в том, что редактор заказал поэту для очередной книжки журнала большую антирелигиозную поэму. Эту поэму Иван Николаевич сочинил, и в очень короткий срок, но, к сожалению, ею редактора несколько не удовлетворил. Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками, и тем не менее всю поэму приходилось, по мнению редактора, писать заново. И вот теперь редактор читал поэту нечто вроде лекции об Иисусе, с тем чтобы подчеркнуть основную ошибку поэта... – Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж. Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф».

В этом отрывке, которым Булгаков начинает свой роман, сразу же вводится уже встречавшийся в его творчестве ранее мотив «несуществующей» исторической личности. Впервые этот мотив был воплощен в «Белой гвардии» – в мифе о «несуществующем Наполеоне – Петлюре». В пьесе «Александр Пушкин», где были представлены все главные действующие лица, кроме самого Пушкина, мы встречаем другой похожий прием – «отсутствующий» главный герой.

На протяжении всего романа евангельский Иисус – тоже «отсутствующая» или «несуществующая» историческая личность, но постоянно осязаемая, словно просвечивающаяся с разных точек зрения, начиная уже с поэмы Ивана Бездомного, где Иисус получился «...ну, совершенно, как живой». Затем Воланд, в поддержку своего утверждения о том, что исторический Иисус существовал, пересказывает Берлиозу и Бездомному начальную

главу романа Мастера о Понтии Пилате, в котором, как выясняется, речь идет совсем не о евангельском Иисусе, факт существования которого как будто бы доказывается, а о некоем его альтер эго – Иешуа Га-Ноцри, но образ исторического Иисуса все время невольно как бы присутствует.

О подтекстах булгаковского романа, насыщенного сложным сплетением смысловых, пародийных и ассоциативных планов, существует безбрежное море литературы. Исследователи давно заметили, что при создании псевдоевангельских глав Булгаков пользовался не только каноническими, но и апокрифическими христианскими источниками, текстами новых и древних историков, сочинениями христианских гностиков, древних и новых философов – в частности, он штудировал Ницше, о чем мы узнаем из дневников и воспоминаний сестры писателя, Надежды Афанасьевны Булгаковой-Земской.

Надежда дежурила у постели умирающего брата. Она вспоминает: «Однажды, подняв на меня глаза и сжимая от головной боли брови, он сказал: если жизнь тебе не удастся, помни – тебе удастся смерть. Это сказал Ницше, кажется, в “Заратустре”. – Обрати внимание – какая надменная чепуха! Дурак Ницше!».

Красноречив сам факт, что слова Ницше оспариваются смертельно больным писателем. Слова «кажется, в Заратустре» подразумевают знание других произведений Ницше.

Хорошо известно, что отец Булгакова, Афанасий Иванович, был ординарным профессором Киевской духовной академии по кафедре древней гражданской истории. Любопытно отметить, что его сыну – писателю – для создания такого уникального произведения, каким является роман «Мастер и Маргарита», понадобилось прочесть, переосмыслить по-своему все те же источники, которыми пользовался в своих лекциях его отец.

Надо также помнить и понимать, что в случае Булгакова мы имеем дело с писателем, сознательно почти не оставившим указаний для интерпретаций собственного творчества вне его произведений, и каждый раз пытаясь обнаружить те или иные рефлексии или подтексты, мы вступаем в область предположений и допущений, которые, однако, невольно провоцируются, когда мы читаем такой насыщенный ассоциациями текст, как «Мастер и Маргарита».

Возвращаясь к тексту романа, заметим, что Берлиоз в своем поучении поэту Бездомному прибегает к помощи так называемых «доказательств». В своем последующем диспуте с Воландом он также

требует от него «доказательств» его утверждений. Берлиоз убежден, что вопрос о существовании Иисуса решается исключительно при помощи «доказательств». Но это, как говорится, его дело, это его «доказательства», его искренняя вера, в чем мы не вправе сомневаться. Но мы можем и вправе усомниться в другом. В чем же?

Берлиоз спотыкается ровно на том же месте, на котором споткнулся пушкинский Герман из «Пиковой дамы», когда неожиданно для самого себя, в самый решающий момент, непроизвольно «обдернулся» при выборе карты. И дело здесь совсем не в вере или неверии в Бога или же неверии в историзм Иисуса Христа. Булгаков улыбается над кичливым самодовольством человеческого рассудка, который абсолютно уверен в рациональности устройства всего в мире и потому не верит даже в то, что ему может помешать, подставить коварную подножку его величество случай.

Булгаков в своем известном письме к Сталину сам назвал себя мистическим писателем. В чем же заключается эта мистика? Нам представляется, что Булгаков, как человек, размышляющий над историей, верит, прежде всего, в мистику исторического процесса, в неожиданность, в непредсказуемость его хода. Автор великой эпопеи «Белая гвардия» был убежден, что важнейшие события человеческой истории всегда случались помимо воли людей, хотя люди уверены, что способны распоряжаться всем самолично.

Несчастный Берлиоз, абсолютно точно знавший, что он будет делать сегодня вечером, через несколько минут гибнет под колесами трамвая. И Воланд отнюдь не причина гибели Берлиоза, а всего лишь орудие провидения, подобно ведьмам-прорицательницам в шекспировском «Макбете».

Как здесь не вспомнить пушкинское: «...провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оногo глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая – мощного, мгновенного орудия провидения...»

Здесь любопытно еще и то, что Булгаков позволяет внимательному читателю заметить, что сам он с известной долей иронии относится как к «доказательствам» Берлиоза, так и к его «широким познаниям» в области истории христианства.

Об этом говорят следующие авторские реплики:

«...редактор был человеком начитанным и очень умело указывал в своей речи на древних историков, например, на знаменитого Филона Александрийского, на блестяще образованного Иосифа Флавия, по его словам, – никогда ни словом не упоминая о существовании Иисуса. Сообщает поэту, между прочим, и о том, что то место в 15-й книге, в главе 44-й знаменитых Тацитовых “Анналов”, где говорится о казни Иисуса, есть не что иное, как позднейшая поддельная вставка».

В другом месте: «Обнаруживая солидную эрудицию, Михаил Александрович...», или: «...возразил образованный редактор...», или: «...красноречивый до ужаса Берлиоз».

«Нет ни одной восточной религии, – говорил Берлиоз, – в которой, как правило, непорочная дева не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых. Вот на это-то и нужно сделать главный упор...»

«Поэт, для которого все, сообщаемое редактором, являлось новостью, внимательно слушал Михаила Александровича, уставив на него свои бойкие зеленые глаза, и лишь изредка икал, шепотом ругая абрикосовую воду... Михаил Александрович забирался в дебри, в которые может забираться, не рискуя свернуть себе шею, лишь очень образованный человек, поэт узнавал все больше и больше интересного и полезного и про египетского Озириса, благостного бога и сына Неба и Земли, и про финикийского бога Фаммуза, и про Мардука, и даже про менее известного грозного бога Вищипуцли, которого весьма почитали некогда ацтеки в Мексике. И вот как раз в то время, когда Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вищипуцли, в аллее показался первый человек».

Заметим также, что Булгаков весьма деликатно вкладывает в уста Берлиоза заведомо ошибочные, приблизительные или спорные суждения, недопустимые в серьезном разговоре, тем более если твой оппонент – такой нешуточный персонаж, каким является мессир Воланд.

Во-первых, у Иосифа Флавия есть целых два упоминания об Иисусе Христе, хотя, справедливости ради заметим, что споры об их аутентичности продолжаются по сей день, по меньшей мере в отношении одного из них.

Во-вторых, что касается «Анналов» Тацита, то достоверность упоминания о казни Христа никогда не вызывала у историков

сомнения, хотя Христос там не назван по имени. И совсем уж некстати звучит ссылка на Филона Александрийского, который был философом и теологом, а не историком, и никогда ничего не писал об Иисусе Христе, хотя и был некогда назван Энгельсом «отцом христианства», исходя из его теологического учения о Логосе как посреднике между Богом и людьми.

То есть, в действительности познания «красноречивого до ужаса» Берлиоза явно поверхностны, и его «доказательства» основаны либо на просто неверных, либо на искаженных до неузнаваемости фактах, которые грубо подгоняются под желаемый результат.

Заметим, кстати, что и Воланд относится к «обширным» познаниям Берлиоза не без сарказма. Чего стоит, например, его замечание – в ответ на реплику «образованного» Берлиоза: «Ваш рассказ чрезвычайно интересен, профессор, хотя он и совершенно не совпадает с евангельскими рассказами» Воланд с усмешкой парирует: «Помилуйте... уж кто-кто, а вы-то должны знать, что ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда...»

Но, спрашивается, откуда, из каких источников Берлиоз должен это достоверно знать? Саркастическая реплика Воланда двусмысленна: цитируя рассуждения самого Берлиоза, Воланд одновременно и подтверждает, и разрушает убеждение в ложности евангельских событий ссылкой на Берлиозов авторитет как на «бесспорный», ибо явно иронически относится к познаниям Берлиоза и знает им цену.

Итак, всегда было очевидно, что агрессивные попытки отрицания историчности Христа предпринимались не ради науки, а ради идеологии. Настоящая наука, та, которая объединяет в своей «объективности» равно и верующих, и неверующих, никогда не ставила под сомнение факт существования Иисуса Христа в истории, хотя это, разумеется, и не значит, что все ученые разделяют и принимают христианское, религиозное истолкование событий.

Подчеркну, мы не говорим об Иисусе Христе в рамках доктрин христианской догматики, как о Богочеловеке или Лице Пресвятой Троицы. Мы говорим об Иисусе Христе только как о человеке, именно таком, каким предстает перед читателями булгаковский Иешуа Га-Ноцри. Христианство настаивает на боговоплощении, на том, что Бог, сотворивший небо и землю, стал человеком. Причем не каким-то особенным, сверхъестественным, суперменом или только с виду человеком, – а самым обыкновенным человеком, таким же, как

и каждый из нас.

В этом – весь смысл христианства; его единственность по отношению ко всем другим религиям – в том, что в человеке Иешуа – Иисусе – оно видит явление Бога на земле, во времени, во всей конкретности видимого, осязаемого нами исторического мира. И христианство, как бы парадоксально это, особенно для современного уха, ни звучало, все время настаивает на этой конкретности, историчности, всецелой человечности Христа.

И в этом смысле роман «Мастер и Маргарита» – в условиях места и времени, в которых он создавался, – своего рода великая провокация, явно нацеленная на разрушение величайшей утопии в истории человечества.

5 января 1925 года Булгаков записал в своем дневнике: «Сегодня специально ходил в редакцию “Безбожника”. Был с Мишей Стоновым, и он очаровал меня с первых же шагов. – Что, вам стекла не бьют? – спросил он у первой же барышни, сидящей за столом. – То есть как это? (растерянно). Нет, не бьют (зловеще). – Жаль. – Хотел поцеловать его в его еврейский нос... Тираж, оказывается, 70 000, и весь расходится. В редакции сидит невероятная сволочь, выходит, приходит; маленькая сцена, какие-то занавесы, декорации... На столе, на сцене, лежит какая-то священная книга, возможно, Библия, над ней склонились какие-то две головы. “Как в синагоге”, – сказал Миша, выходя со мной... Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера “Безбожника”, был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне... Соль в идее: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены».

Замечательно, что эта дневниковая запись сохранилась, что она до нас дошла. Это очень важное свидетельство особого интереса Булгакова к проблеме воинствующего атеизма, которая его настолько интересует, что он лично идет в редакцию «Безбожника», берет там номера журналов и дома их прочитывает

Нам представляется, что исторический Иисус Христос был именно таким, каким предстает перед читателем булгаковский Иешуа Га-Ноцри, – человеком, полным человеческого. Таким Он казался и толпе. И с этой точки зрения роман Булгакова скромно указывает на видимую, внешнюю, неприятную сторону того величайшего события нашей реальной человеческой истории – события, от которого оно ведет свое историческое летоисчисление.

В булгаковском варианте романа о Понтии Пилате, сочиненного то ли Мастером, то ли самим Воландом – не совсем ясно, – именно Пилат, а не Иешуа, выступает как главная фигура повествования. Булгаков намеренно меняет их местами, как бы приглушая фигуру Иешуа – ставя его в тень Пилата. Булгаков был далеко не единственным писателем, построившим очередную пилатоудицею. О Пилате писали Анатолий Франс, Анна Берне, Джек Лондон, Карел Чапек, великий князь Константин Романов (КР), а после Булгакова – еще Чингиз Айтматов. Общим для всех них является тенденция оправдания Пилата в утверждении смертного приговора синедриона Иисусу Христу.

Здесь Булгаков далеко не оригинален. Он – так же, как и его литературные предшественники – очеловечивает, облагораживает Пилата, наделяет его качествами, не имеющими оснований в истории. Ему, например, свойственны угрызения совести; он сострадает, сочувствует Иешуа, хочет его освободить, упрекает себя в трусости, малодушии. Булгаковский Пилат хорошо образован, начитан («У меня в Кесарии есть большая библиотека, я очень богат...»); помимо латыни, свободно говорит на арамейском и на греческом.

Для чего Булгаков это делает? Почему его Пилат и Иешуа так не похожи на свои евангельские прототипы? Это очень важный и глубокий вопрос. Я уверен – только для того, чтобы выделить, подчеркнуть в своем герое Иешуа земное начало; он лишен у Булгакова, как и ранее у Ренана, божественных черт. Это обыкновенный человек, бродячий философ, оторванный от жизни мечтатель, желающий всем добра и считающий всех людей добрыми, мечтающий о наступлении царства истины и справедливости, проповедующий непротивление злу насилием, любовь, всеобщее братство, всепрощение. Этаким сплав толстовства и донкихотства. Булгаковский Иешуа явно слаб, боится боли, смерти, совсем не желает добровольно принять на себя страдания.

Следует заметить, что проблемы с человеком Иисусом были не только у булгаковского председателя МАССОЛИТа Берлиоза. Они – разумеется, в ином плане – всегда были, да и по сей день остаются, и у самих христиан, у которых, разумеется, нет проблем с божественной ипостасью Иисуса Христа, но зато есть проблемы с его человечностью. Аффекты культового благоговения плохо уживаются с тайной вочеловечения. Сложилась благочестивая опаска думать о Христе как о человеке.

Христианские миссионеры в Африке рассказывали, что сильные охотники, ходившие с палкой на носорога, падали в обморок, когда им объясняли тайну вочеловечения. Это не умещалась в их голове. Раньше они шли к деревенскому колдуну, несли ему петуха, чтобы тот попросил местного духа, к которому они не смели даже помыслить напрямую обратиться, об успешной охоте. Теперь же они были обязаны в своей молитве обращаться непосредственно к человеку, такому же человеку, как и они сами, подразумевая под ним Бога, сотворившего небо и землю.

Внутри самого исторического христианства не раз возникали протесты против такого понимания порядка вещей. В сущности, и иконоборчество в VIII–IX веках в Византии, запрещавшее поклонение иконам, живописным изображениям и статуям Христа как святыням, отрицало – под предлогом отстаивания божественной трансцендентности – человеческий лик Иисуса.

В искусстве средневековья и ренессанса – как на Западе, так и на Востоке, – помимо наиболее распространенных сюжетов Благовещения и Рождества, художники еще любили фантазировать на тему страшного суда, представляя Иисуса восседающим на судейском троне в раззолоченных облачениях. Великий Микеланджело на фресках потолка Сикстинской капеллы навязал нам свои фантазии на эту тему. Вспомним изображение, где рука Христа поднята в угрожающем жесте в сторону безбожников. А безбожники, в свою очередь, подняли руки, словно уклоняясь от ударов. Грозный, безжалостный судья выносит окончательные вердикты. Что говорить, тайна вочеловечения всегда была и остается серьезной проблемой для рационального ума – как, впрочем, и для любого другого.

Все это помогает нам если не понять, то хотя бы ощутить невероятную парадоксальность христианской веры, почувствовать ее, как говорится, болевой ожог. Тертуллиану приписывают известные слова: *Credo qui absurdum*.

Булгаков обнажает всю парадоксальную глубину этого выбора. Он, в сущности, написал книгу о Христе, о Христе – человеке, и в этом, собственно, все дело. Булгаков ясно отдавал себе отчет, что главное – не то, как Христос представлен и что о Христе говорят, а важно, что о Нем вообще говорят, – говорят в это время, в этом месте; далее Христос начинает говорить сам за себя.

Композиционная структура романа в основе своей имеет гностическую, манихейскую, или, упрощенно говоря,

дуалистическую схему противостояния двух ведомств: света и тьмы, Иешуа и Воланда. Причем, если о характере ведомства Воланда мы узнаем из повествования в многочисленных, не лишенных занимательности, подробностях – собственно, об этом чуть ли не весь роман, – то о ведомстве Иешуа мы не знаем ничего, кроме внезапно обнаружившегося в конце романа самого факта его существования (что изумительно, – уже за пределами романа о Понтии Пилате), возможности и права вмешиваться в ход реально описываемых событий и даже отдавать поручения самому Воланду.

Здесь уместно вспомнить, как евангельский Иисус говорил, что «Царство Его не от мира сего». Поэтому о царстве или ведомстве Иешуа невозможно говорить в категориях мира сего, и Булгаков благочестиво воздерживается от фантазий на эту тему.

Именно по причине всего выше сказанного совершенно особенное, необъяснимо иррациональное психологическое воздействие на читающую публику в тотально безбожном Советском Союзе оказал этот роман, опубликованный через 26 лет после смерти его создателя и прочитанный уже совсем другими людьми – людьми, которые Евангелия никогда не читали. (А где им было его взять, чтобы прочесть.) И о Христе они впервые узнали, услышали именно от Булгакова. В этом смысле публикацию «Мастера и Маргариты» в 1966 году в 11-м номере журнала «Москва» иначе как чудом не назовешь.

Известно, что после опубликования романа сонм профессионалов от христианства – главным образом, православных попов и иже с ними диаконов – дружно набросился с критикой на «Мастера и Маргариту», радостно обнаружив многочисленные разночтения в истории булгаковского Иешуа Га-Ноцри с евангельским повествованием. «Евангелие от сатаны» – таков был общий приговор. Дескать, евангельский Иисус никогда никого не называл «добрым человеком» и т. д. Редкий служитель алтаря отказал себе в удовольствии публично порассуждать на тему романа. Как говорится, *noblesse oblige*.

Однако нам – в контексте заявленной темы – хочется подчеркнуть как раз то, в чем Иешуа Булгакова схож с образом Иисуса Христа у евангелистов. Схож не по букве, а по духу. Кажется, этого никто никогда не делал: все искали только разночтения.

Роман о Понтии Пилате описывает только один – последний – день земной жизни Иешуа – Иисуса, день, который особенно отмечается в церковных календарях как на Западе, так и на Востоке.

Последовательность событий и их смысл – тот же, что и у евангелистов. Этот день называется *Good Friday* на Западе, или Великая пятница – на Востоке, – день, когда состоялся суд Пилата, осуждение на казнь, распятие, смерть Иисуса и его погребение. Здесь внешняя событийная канва одна и та же.

Чрезвычайно важно в контексте нашей мысли о пронизывающем весь роман мотиве «несуществующей или отсутствующей исторической личности» заметить, что Булгаков – точно так же, как и все евангелисты, – решительно воздерживается от характеристического портретирования своего героя Иешуа. Нам абсолютно ничего не известно о том, как он выглядел, какого он был роста, какого цвета у него были глаза и волосы. И это очень важно. Во Христе было явлено откровение о личности человека, а личность, в отличие от индивидуальности, не может быть сведена к явно узнаваемому типу.

Личное – это отражение Образа и Подобия Бога в человеке, это то, что Бог видит, когда смотрит на человека, – видит не красоту или уродство, не молодость или старость, не добродетели или пороки, не чины или награды, а другое – сияние Своего Образа или отсутствие такового.

Именно поэтому невозможно признать приемлемыми многочисленные опыты портретирования Иисуса в современной литературе, живописи, скульптуре и особенно в кинематографии. И дело здесь вовсе не в соображениях художественного вкуса или в особенностях веры либо в отсутствия таковой, а совсем в другом – в том, о чем сказано выше.

Напротив, Воланду и компании дается очень подробный, детальный характеристический портрет. Мы узнаем даже, какого цвета был один и другой глаз у Воланда, и т.д.

Булгаковский Иешуа не произносит ни единого слова из того, что говорит евангельский Иисус. И это сделано намеренно. Для Булгакова важна не внешняя канва, он ищет иного: внутреннего сходства.

Его Иешуа, как и евангельский Иисус, не произносит никаких банальностей, общеизвестных трюизмов или пропагандистских клише: он так же прост, бесхитроуен, так же загадочен, непредсказуем, так же свободен. Поэтому он с видимой легкостью делает Пилата заложником, пленником собственной совести, когда осмеливается поставить под сомнение земное право римского наместника распоряжаться жизнью других людей: «...согласись, что

перерезать волосок уж наверное может лишь тот, кто его подвесил». Казалось бы, мы читаем историю о том, как Пилат решает судьбу Иешуа, но, по сути, мы имеем историю, где Иешуа решает судьбу Пилата.

Да, в истории булгаковского Иешуа мы встречаем многое, что на самом деле внешне, намеренно внешне, не похоже на евангельские эпизоды, но по духу они очень схожи.

Еретична ли булгаковская концепция Иисуса, просвечивающегося через призму Иешуа-человека? Если, конечно, судить о ней с точки зрения положений христианской догматики, выраженных в Символе веры, то по букве – бесспорно, да. И вообще, трудно себе представить художественный текст, где каноническая новозаветная традиция получила бы вполне адекватное выражение. В таком случае писателю пришлось бы просто дословно переписать текст Евангелия.

Любая художественная версия Евангелия еретична. И в этом, собственно, состоит характер светского, а не церковного искусства. И все же, пока оно существует, писатели, живописцы берутся за воплощение евангельской темы в своих произведениях. Слово «ересь» в применении к художественному произведению вообще звучит дико. Роман или портрет не нуждается в оправдании и извинении своего существования. Достаточно тех художественных критериев, которые существуют для их понимания. Это другая шкала оценки.

Разумеется, роман Булгакова – всего лишь художественное произведение, причем созданное сравнительно недавно. Заметим, что сами евангельские повествования, хотя и насчитывают весьма почтенный, почти двухтысячелетний возраст, однако как первоисточники, рассказывающие о событиях земной жизни Иисуса Христа, не имеют того несомненного, авторитетного значения исторического документа, которое имел бы, скажем, написанный самим Христом и сохранившийся до наших дней текст или запись его слов по диктовку. Пример такого текста существует – это Коран. Но у христиан такого текста нет.

Важно подчеркнуть, что христианство относится к своему Священному Писанию – Евангелию в принципе не так, как иудаизм или ислам – к своему. Для иудаизма и ислама Священное Писание – как текст, как совокупность буквенных начертаний, звуков священного языка, – это самая последняя реальность откровения, реальность надмирная, предшествовавшая мирозданию. Отсюда –

величайшее недоверие к самой идее перевода Священного Писания на другие языки. Именно буква писания воспринимается как наивысшая полнота присутствия божественного начала в нашем мире.

В христианстве с самого начала все принципиально по-другому. Слово Божие в христианстве – это живой Логос, воплощенный в Иисусе Христе, – Логос личный, который стал плотью и жил с людьми, приняв человеческое естество. То есть высшее откровение дается не в тексте, который – лишь вспомогательное средство для закрепления всего, что известно о земной жизни Иисуса. Высшее откровение – это Сам Иисус Христос, Его жизнь, Его смерть, Его воскресение, Его устная речь. Проповедь Иисуса Христа была от начала до конца только устной. Евангелия явились сразу как перевод.

Мы все, по воле жизненных обстоятельств вовлеченные в двуязычную стихию мысли и слова, хорошо понимаем, что значит перевод, что значит передвижение из одной языковой сферы в другую, из одного понятийного мира в другой, и какая, в сущности, непреодолимая пропасть лежит между этими мирами. Христос, как известно, говорил на арамейском языке, и ни одно Его слово не дошло до нас в его арамейском оригинале. Евангелия явились многие десятилетия спустя уже как переводы на греческий. Очевидно, у самого Иисуса Христа были причины, по которым Он не пожелал оставить письменного учения.

Еще раз отметим, что главное здесь – в феноменальном воздействии этого произведения на читательскую публику в Советском Союзе. Безбожники, воспитанные в атеистическом духе, тем не менее обладали пусть искаженным, но все же глубоким мистическим чувством, позволявшим им понять, что если души людей, даже в таком неоригинальном изображении, встретятся с Иешуа – всего лишь человеком, то для безверия все будет кончено.

В заключение позволю себе сделать отступление. Известно, что Булгаков по своему происхождению принадлежал ко второму, духовному, сословию. Оба его деда, как с отцовской, так и с материнской стороны, были православными священниками.

И тем не менее, сам Булгаков с юношеских лет открыто позиционировал себя неверующим. Для России ничего нового и необычного в этом нет. Из поповичей происходили также другие известные писатели: Белинский, Чернышевский, Помяловский, Никитин. Сыном священника был убежденный атеист Варлам Тихонович Шаламов. Почему так было – это большая, отдельная

тема, обращение к которой может увести нас далеко в сторону.

Великому современнику Булгакова поэту Осипу Эмильевичу Мандельштаму принадлежат известные слова, сказанные о времени, в котором им обоим пришлось жить: «теперь всякий культурный человек – христианин». Полагаю, что эта формула и есть ключ к пониманию романа. Ведь он был написан в эпоху тоталитаризма, в эпоху разнузданного, ничем не ограниченного торжества экзистенциального зла, – зла, если можно так сказать, в чистом виде, когда выразителем его был не какой-то нехороший человек, преступник или даже серийный убийца-маньяк, типичный герой какого-нибудь детектива, а всесильное преступное государство.

Живя в эпоху глумливого хуления Христа и христианства, Булгаков в своем последнем, главном романе рассказал историю об осужденном на казнь, праведном чудаче по имени Иешуа, о мучимом раскаянием всесильном прокураторе Иудеи Понтии Пилате, о заслуживших покой влюбленных Мастере и Маргарите, о князе тьмы – мессире Воланде, который, впрочем, только тем и занимается в романе, что постоянно выходит за границы своего ведомства и творит заявленное в эпитафии добро: наказывает растленных негодяев, соединяет влюбленных и даже чудотворным образом вмешивается ради них в решение казалось бы неразрешимого в Советском Союзе квартирному вопросу.

Конечно, из нашего безопасного и благополучного далека легко упрекнуть Булгакова в ложности упований, наивности оценок, неловкой попытке выстроить очередную несбыточную утопию. Но эти же самые упреки Булгаков делит с величайшими умами человечества (например, с Пушкиным, Сервантесом), которые постоянно и регулярно оборонялись всяческими иллюзиями против мрачайшей повседневности. Вспомните хотя бы пушкинскую «Капитанскую дочку», которую Марина Ивановна Цветаева относила к жанру сказки, или его же поэму «Анджело».

Но именно этот способ самосохранения творческой личности давал силы продолжать жить и даже благословлять жизнь – такую, какая она есть; позволял пребывать не только в состоянии некоего душевного равновесия, но и давал силы для дерзновенных пророчеств.

Не приведи Бог, чтобы опыт, выпавший на долю поколения, к которому принадлежал Булгаков, повторился. Но если на это посмотреть с другой стороны, с некоей высшей точки, – то такое безграничное торжество зла позволяет человеку – человеку, во всех

отношениях беззащитному, уязвимому, – понять, что в нашей единственной жизни есть самое ценное, ясно отделить главное от второстепенного, что так нелегко сделать в наше смутное политкорректное время.

Отнюдь не строгий христианин, Булгаков дорожит прежде всего нравственным содержанием христианских заповедей, глубоко усвоенных европейской гуманистической культурой. В разгар неистового богоборчества Булгаков предложил свою версию Христа, написал свое Евангелие, адресованное отвернувшемуся от традиционной церкви атеистическому миру – миру, в котором он жил сам и который он хорошо знал.

Булгаков обратился к образу человека Христа не только как к символу отвержения, одиночества, беззащитности, страдания, невинного осуждения на казнь и мучительную смерть, но еще и как к символу надежды на торжество добра и любви в мире, символу победы над смертью.

Роман Булгакова воплотил христианскую по духу концепцию: Иешуа изображен носителем Божественного закона милосердия, который противостоит закону справедливого воздаяния. Справедливость – это по ведомству мессира Воланда.

Да, разумеется, история знает только человека Иисуса, и только вера узнает в Нем Бога. Так кратко можно выразить главную сущность христианства, которую так глубоко понимал великий русский писатель Михаил Афанасьевич Булгаков.

К столетию гибели России

Русский народ отдал себя в жертву, чтобы показать миру, как социализм ведет к безобразной карикатуре, пропасти и небытию.

Бердяев

Настоящая публикация служит итогом развития тех мыслей, которые я впервые изложил в своем выступлении на 49-й сессии Миллбурнского литературного клуба в 2016 году «К 100-летию “русской смуты”», а также продолжением темы, затронутой в нескольких других статьях, опубликованных в 7-м выпуске «Страниц Миллбурнского клуба» в подборке «К столетию социалистического переворота в России».

Я не думаю, что эту тему сегодня или в ближайшем будущем можно полностью исчерпать, ибо для человека, размышляющего о судьбе России, о собственной судьбе, о судьбе русской эмиграции, совершенно очевидно, что фоном всех этих размышлений является русская революционная катастрофа, тот внезапный обрыв русской истории, который произошел сто с небольшим лет назад и вызвал к жизни все те обстоятельства, в которых с тех пор живут люди и внутри современной России, и за ее пределами. И поскольку этот фон остается, и русская трагедия продолжается, вписывая все новые и новые страницы в историю, мы не можем уклониться от этой темы, сделать вид, что раз мы уехали, то это нас больше не касается. И потому, что за всем этим стоит не что иное, как наша собственная судьба, эта тема будет волновать и будоражить наше сознание еще долгое время. Разумеется, это все уже не так актуально для наших детей и тем более для внуков, живущих здесь, в Америке, в своей стране, и это вполне понятно, и слава Богу, что это так. Но для нас самих, увы, эта тема, наверное, никогда не закончится.

Помнится, где-то я прочел, что Иосиф Бродский в предисловии к американскому изданию «Котлована» Андрея Платонова, рассуждая о духе утопии, скрытом в языке этого произведения, в заключение вывел парадоксальную формулу, написав что-то вроде: горе тому народу, на чей язык можно такое адекватно перевести. Так что, пусть эта, к счастью, не заразная болезнь, уйдет вместе с нами. А пока, через призму более чем столетия, я предлагаю свои мысли о

русской революционной катастрофе.

Сто лет назад с исторической Россией, Российским государством, случилась непоправимая катастрофа. Страна вдруг, неожиданно для многих, прекратила свое существование. Я не знаю в истории другого подобного примера столь внезапного и мгновенного обрыва, крушения, безвозвратной гибели и полного исчезновения огромного, отнюдь не только в географическом смысле, многослойного, веками созидавшегося русского мира. С тех пор на месте прежней России утвердился тоталитарный большевистский режим, вся история которого свелась, в сущности, к непрерывному террору по отношению к подвластному населению, независимо от тех благих намерений, которыми новые самозваные правители России руководствовались в начале захвата власти и применения своей политической системы. Не удивительно, что в итоге многих десятилетий непрерывного большевистского беснования прекратил свое историческое существование и русский народ.

В русской революции, особенно после большевистского переворота, присутствовал неистовый пафос разрушения, решительного отказа от всего предшествующего прошлого. Следует отдать им должное: разрушили они все весьма успешно, как поется в их известной песне, «до основания». Вот только что они построили взамен? Тоталитарный режим, который при малейшем ослаблении вожжей начинал тут же трещать по швам; крайне неэффективную и неконкурентоспособную экономику, где превалировал военный сектор, для создания которого были принесены немыслимые человеческие жертвы. Этот режим рухнул так же неожиданно, как и возник. Что же в остатке: недоуменная растерянность? попытка понять, что случилось? утопические метания в поисках мифических скреп?

В настоящее время географическое место старой, добольшевистской России занимает уже другая страна – населенная другими людьми, но, по злостному недоразумению, вновь именуемая Россией и говорящая на русском языке. Страна, как и ее прародитель СССР, опять, после короткой горбачевско-ельцинской передышки, превратившаяся в мировое пугало, кошмарный *Jurassic Park*, где, казалось навсегда вымершие, чудовища-динозавры вновь правят бал, угрожая миру ядерной катастрофой.

Неудивительно, что эта агрессивная, циничная и презираемая в мире Россия, отражающая ущербное самочувствие, в сущности,

очень небольшой группы людей, а возможно – всего лишь одного, но наделенного абсолютной властью человека, – человека с ядерной кнопкой под рукой, имеет устойчивую репутацию страны-изгоя. Эта страна поставляет миру моральные ценности воровской малины, базар по фене в качестве официального языка, агрессию, военную угрозу, коррумпированных олигархов, плебейскую зависть, презрение и ненависть к людям, исповедующим иные человеческие ценности, а между делом – еще и сырую нефть, природный газ, автоматы Калашникова, девиц легкого поведения, а временами еще и международный спортивный *entertainment*.

Я не представляю, что должно произойти, чтобы такое мнение о России могло измениться в обозримом будущем. Надо признать, что Советский Союз, хотя, по существу, был таким же бесноватым чудовищем, все же был государством, пусть в высшей степени и карикатурным, но все же идеологически мотивированным, не столь откровенно циничным, как сменившая его самозванная Россия. Его призрачность и карикатурность не были для всех в равной степени очевидны. СССР был чуть поумнее и заботился о своей международной репутации – как страны, якобы устремленной в светлое будущее, – тем самым дурача всяческих леваков и социалистов по всему миру.

Было бы ошибкой считать, что современная Россия, на словах отказавшись от большевизма, совсем лишена идеологии. Эта новая идеология – онтологический, звериный антиамериканизм, самое изумительное свойство которого – абсолютная независимость от того, какую политику в отношении России на деле проводят Соединенные Штаты Америки.

Нет сомнения, что нынешний, более четко оформившийся после аннексии Крыма 2014 года российский режим, равно как и предшествующий ему советский, – это режим большевистского типа, то есть режим, по сути своей внеисторический, утопический, который способен существовать в совершенной изоляции от остального мира и жить по собственному календарю. Такой режим не терпит соприкосновения с ненавистными ему ценностями нового европейского мира. Он лишается своего смысла, когда прекращается возможность милитаристской истерии и агитации против наседающих со всех сторон внутренних и внешних врагов. Поэтому онтологический антиамериканизм – не случайная, а хорошо продуманная идеология, смысл которой – сохранение режима большевистского типа, то есть режима под колпаком наподобие

северокорейского.

Но как можно сегодня, в эпоху интернета, глобализации и открытости границ, изолироваться от остального мира, проводить в подвластных режиму средствах массовой информации компанию тотальной лжи и дезинформации, нагнетать милитаристский психоз? Как можно изолироваться в условиях очевидной отсталости и экономической зависимости от экспорта необходимых для сохранения режима промышленных и сельскохозяйственных товаров? Дело в том, что, в сущности, этот режим представляет государство, опирающееся, пусть только на словах, не на отличную от остального мира идеологию, как было в случае СССР, а на кучку преступных олигархов, напрочь лишенных каких-либо высоких принципов и потому готовых на все ради сохранения своего режима.

Я не исключаю, что когда-нибудь в далеком будущем новая, другая Россия сбросит гнет диктатуры, найдет в себе силы переродиться и превратиться в страну, уважаемую и своими гражданами, и мировым сообществом. Пока же мы этого не видим.

Таким образом, неоспоримым итогом столетия является то, что как сама Россия, так и ее историческое имя были осквернены, оболганы, изуродованы до неузнаваемости и превращены в презираемое всеми посмешище. И уже почти некому постоять за поруганную и обесчещенную Россию, за ее человеческое и историческое достоинство.

Важно заметить: когда мы говорим о русской катастрофе, о прекращении исторического существования российской государственности, то это несчастье – или проклятие, если хотите – не обязательно распространяется на другие народы, некогда входившие в состав дореволюционной России и ныне благоденствующие в своих национальных государствах – от Польши и Финляндии до Армении или Грузии. Погибла только страна русского народа – Россия. Мне думается, что это исчезновение России, гибель исторического русского мира еще не до конца осознаны и прошли почти незамеченными.

Тут есть над чем задуматься. Разумеется, хочется поискать смысл всему случившемуся, и сто лет – весьма удобный для этого повод. То есть, повод для подведения итогов, для суммирования исторического опыта – опыта уникального, единственного и извне мало понятного. Но вся беда в том, что опыт этот еще не закончился. Тяжелый обвал российской государственности, начавшийся сто лет назад,

продолжается, и все мы, сегодня размышляющие об этом, все еще находимся, так сказать, внутри падающего с горы снежного кома, откуда невозможно что-либо отчетливо видеть, тем более понимать.

В этом смысле так называемая путинская стабильность, точно так же, как и брежневский застой, – лишь пауза перед очередным срывом, очередным крахом. Каков будет этот срыв, этот крах, – вегетарианским, как в случае развала СССР, или каким-нибудь иным – жестким и кровавым, – одному Богу известно. Жалко, очень жалко людей, которые там живут: и тех, кто все понимает, и тех, кто ничего не понимает.

Слабым утешением может служить надежда на то, что этот опыт – все уже произошедшее и продолжающееся происходить, и даже, на первый взгляд, самое ужасное и бессмысленное, – наверняка имеет под собой какой-то смысл и является для нас лишь зримым знаком того, что происходит на большой, пока еще недоступной для нашего понимания глубине.

Итак, итог столетия – это бесспорный факт невозвратной гибели старой, добольшевистской, исторической России – России Рюриковичей и Романовых; России демократической – эпохи подготовки и созыва Учредительного собрания; России допетровской и послепетровской; России московской и петербургской, провинциальной и великосветской, имперской и великодержавной, европейской и азиатской; России, одержимой идеей непрерывного расширения своих пределов, хищнической и коварной; России неумеренного национального бахвальства и презрения к другим народам; России смиренных праведников и святых подвижников, так называемой Святой Руси; России сословной, мужицкой, мещанской, старообрядческой, хлыстовской и нищенской; России еврейских погромов и военных поселений; России великих ученых, писателей, художников и композиторов; России, которую мы сегодня знаем из фактов истории и литературы – из новгородских берестяных грамот, «Летописи временных лет», «Слова о полку Игореве», «Хождения за три моря», «Жития протопопа Аввакума», из великой русской литературы XIX века – от Пушкина до Толстого и Чехова, – этой России больше нет.

Хороша ли она была для одних, плоха ли для других, ненавистна ли для третьих, но все дело в том, что ее больше нет. Она вдруг, для очень многих неожиданно, прекратила свое историческое существование. И вместе с нею умер целый мир – русский мир.

Разумеется, осталась великая русская культура, а внутри нее – чудо из чудес – великая русская литература XIX века, литература, каждый раз зримо воскрешающая этот безвозвратно погибший русский мир.

Конечно, на свете все не вечно, все со временем меняется, все когда-нибудь кончится. Уже давно нет империи Александра Македонского, нет Карфагена и Римской империи, империи Чингисхана. После Первой мировой войны прекратили свое существование еще четыре империи: Оттоманская, Австро-Венгерская, Германская и Российская. В трех первых случаях это, однако, не привело к прекращению исторического существования турецкого, австрийского и германского государств и народов Турции, Австрии и Германии.

Итак, Россия прекратила свое историческое существование. И дело не только в том, что после революции страна утратила свое историческое имя, прежние государственные и национальные символы, а в том, что ее просто вдруг, в одно мгновение, не стало.

Чтобы быть лучше понятым, обращусь к книге воспоминаний кн. Сергея Евгеньевича Трубецкого «Минувшее», где содержится не лишенный занимательности эпизод, относящийся к началу 1920-х годов, когда автор, приговоренный к расстрелу за участие в антибольшевистском заговоре, сидел в московской Бутырской тюрьме в ожидании исполнения приговора:

«Появился у нас в камере и француз, ни слова не говоривший по-русски. Как он был рад встретить во мне человека, говорящего на его языке! Француз говорил: “Я коммерсант, я не занимаюсь политикой. Я приехал в Архангельск заниматься торговлей, как они говорят – “товарообменом”... Они у меня всё отобрали... и вот я тут! и, Боже мой, в каких условиях”. Бедный француз очень мучился: “Без моей бутылки бордо я ничего не могу проглотить”, – а тут не было не только бордо, но и многого другого, гораздо более существенного. Бедный Л. признался мне, что он, конечно, “как образованный человек”, в Бога не верит, но тут, в России, ему так плохо, что... “иногда я читаю молитву. Это мне во всяком случае не может повредить, и потом... кто знает? Я, видите ли, воспитывался в католической семье... Но есть все же вещи, которых я не понимаю. Например, как вы – образованные и богатые – могли жить в этой стране, когда существовала... Франция!”».

Разумеется, для этого француз сам факт исторического существования Франции представлялся непреложной, вечной данностью, чем-то само собой разумеющимся: источником абсолютного, ни с чем ни сравнимого счастья – такого счастья, о

котором просто не задумываются, как не задумываются обо всем, что дано как естественное и необходимое условие человеческого существования и без чего жизнь не представляется возможной.

Можно лишь вообразить себе степень отчаяния этого несчастного француза, если бы ему, в довершение всех бед, еще сообщили о том, что и самой-то Франции больше нет. Есть, дескать, территория, которая, по какой-то иронии, все еще именуется Францией, на этой территории есть население, которое говорит на французском языке; но вот жить там уже совершенно невозможно, потому что ничего французского там давным-давно уже нет, а всех французов, помнящих старую Францию и желающих жить по старинке, там просто физически уничтожают, чтобы даже и духу старой Франции не осталось.

К счастью, всего этого с Францией не случилось. Случилось с Россией. Жалко, очень жалко Россию. Чем она заслужила такую участь? Требуется усилие, чтобы понять весь трагизм, всю глубину русской государственной, но также и антропологической катастрофы, чтобы хоть как-то во всем этом разобраться.

Мне думается, что старая Россия, если и была для кого-то плоха, то все же не настолько, чтобы заслужить такую участь. Да и русская монархия в лице своих представителей была не такой уж страшной, как ее впоследствии малевали. А в смысле политических свобод предреволюционная Россия мало кому в мире уступала. И все же с Россией случилась страшная беда. Такая беда, что и врагу не пожелаешь. Она была подменена, осквернена, обесчещена, взята в обладание нечистой силой. Я не верю, что на момент революции Россия совершенно изжила себя политически, экономически, управленчески и что существовали такие объективные причины, что ей не оставалось ничего другого, как провалиться в пропасть – такую, откуда уже невозможно выбраться. Все это большевистская брехня.

Поразительно то, что все случившееся с Россией в 1917 году было с абсолютной достоверностью предсказано Федором Михайловичем Достоевским в его знаменитом романе «Бесы», где вся эта дьявольская свистопляска гениально запечатлена во всех мельчайших подробностях и национальных особенностях. Как после всех этих указаний, разоблачений и предупреждений можно было угодить в ту же самую яму, оказаться в когтях тех же бесов – вот вопрос!

У другого русского писателя, Николая Васильевича Гоголя, в

повести «Вий» есть кошмарный, наполненный жутким магизмом эпизод, когда некий человек по имени Хома Брут должен был в церкви ночью читать псалмы над телом умершей молодой ведьмы-колдуньи. На третью ночь бесовская сила победила молитвы и иконы, и храм оказался настолько оскверненным, что священник, заглянув туда утром, запер навсегда дверь, сказав, что восстановить прежнюю святость уже невозможно.

Именно это, по моему глубокому убеждению, произошло с Россией. Ее захватили, подменили, осквернили и обесчестили, ею овладела нечистая, бесовская сила. Оставались еще в недоумении, оцепенении и растерянности миллионы русских как внутри страны, так и за ее пределами, а вот России больше не было. Русские пережили Россию. Теперь они почти все – как оказавшиеся в эмиграции и десятилетиями ожидавшие падения большевистского режима, так и оставшиеся, – все, почти все, уже умерли.

Конечно, за старую, добольшевистскую Россию, еще в самом начале, когда все только-только полетело к черту, пытались побороться, была гражданская война, было явлено много героизма и самопожертвования. Но вот только за какую Россию сражались на Дону, в Сибири, на Урале, в Крыму и в степях Украины стихийно образовавшиеся добровольческие армии генералов Колчака, Юденича, Деникина и Врангеля, самим добровольцам было не вполне ясно. Народ, уставший от мировой войны, не хотел участвовать в гражданской войне и был равнодушен к идеям как большевиков, так и добровольцев, и в результате белое движение потерпело крах, белые армии эвакуировались и сотни тысяч русских оказались на чужбине, уже оттуда, из-за границы, ожидая падения большевиков.

На Западе плохо понимают всю трагическую глубину русской национальной и государственной катастрофы, мало ею интересуются и, в сущности, равнодушны к ней. Многие просто не различают старую и современную Россию. Говорят – дескать, *relax, take it easy*, – неужели вы не видите, что она просто изменилась, как меняется все на этом свете: исторические наименования, стили одежды и причесок, марки машин, архитектура и т. д.

Менее всего на Западе склонны замечать катастрофу человеческую, антропологическую. Этому есть причины. Слишком мало достоверной информации о масштабах террора просачивалось на Запад. А тем немногим уцелевшим свидетелям, которые

оказывались на Западе, отказывались верить – как по причине чудовищности сообщаемых фактов, так и по причине засилья всяческих явных и тайных коммунистов в интеллектуальных университетских кругах и средствах массовой информации.

Почему это случилось именно с Россией, а не с кем-либо другим, почему именно в России не нашлось противоядия самоубийственному бесу саморазрушения, – вот вопрос!

В результате невообразимого, длившегося десятилетиями террора и массового уничтожения людей, когда война и все ее многомиллионные жертвы были лишь еще одним трагическим следствием этого террора, после смерти Сталина осталась страна, словно опустошенная ядерной войной. Такого длительного и непрерывного мучительства, затронувшего жизни трех поколений, не знала история. В итоге большевистского людоедского эксперимента была выведена новая порода людей – людей, травмированных террором и парализованных страхом, утративших способность мыслить самостоятельно и лишенных инициативы.

Произошла самая настоящая и непоправимая катастрофа – не только физическая, но и моральная и интеллектуальная. Слабые и лукавые попытки исправить «ошибки прошлого» при Хрущеве были лишь уловками, и никаких действительных перемен, соизмеримых с масштабами чудовищных преступлений, не произошло. В результате страна впала в стагнацию и продолжала катиться в пропасть до тех пор, пока стала окончательно нежизнеспособной. Неудача попыток развернуть страну в 1990-е годы и противостоять путинской диктатуре в 2000-е есть лишь печальное свидетельство необратимости случившегося.

Основная причина катастрофы, на мой взгляд, – иррациональная, нечеловеческая, не лежащая на поверхности. Если же обратиться к тому, что рационально, имманентно, что можно понять, осмыслить, то, разумеется, можно обнаружить множество причин обрушения русской государственности. Над этим не раз в течение минувшего столетия задумывались лучшие умы – как в эмиграции, так и внутри России.

Диапазон мнений здесь достаточно велик и свидетельствует скорее о степени отчаяния, чем понимания: от рокового и бессмысленного отречения царя от престола (Мосолов), коварного инородческого заговора (Солженицын) до неспособности верхов и низов жить по-старому (Ленин).

Большая вина лежит и на русской православной церкви, в самый важный, трагический момент всей русской истории оказавшейся как бы не у дел, неспособной хоть как-то изменить ход событий, повлиять на них в нравственном, христианском смысле, не допустить, чтобы русские люди, веками церковью окормляемые, в один миг, вдруг, забыли все, чему их учила церковь, и из благочестивых христиан, якобы непрерывно пребывающих в мифической Святой Руси, превратились в диких зверей, с остервенением и ненавистью набросившихся сначала на ту же церковь, а потом и друг на друга, брат на брата.

Если все же поискать какую-нибудь одну, главную из рациональных причин катастрофы, полагаю, что таковой явилось одно-единственное лицо – император Николай Второй. Так думали многие избежавшие гибели и жившие в иммиграции Романовы. Если бы не бездарное по своей нелепости отречение его от престола, то никакой бы большевистской революции не было. Какой бы слабой, безвольной ни была русская монархия, сам факт ее существования служил той единственной, как сейчас любят говорить, скрепой, на которой держалась вся русская государственность. (Во всяком случае, никакого другого, альтернативного монархии, некровавого, ненасильственного, человеческого или, как говорится, демократического, способа передачи власти в России за минувшее столетие мы так и не увидели.) Увы, этой очень простой и очевидной вещи ни сам император, ни его ближайшее окружение не поняли. Сразу после отречения начался чудовищный обвал всего громоздкого, веками созидавшегося здания русской государственности, такой обвал, который оказалось невозможно остановить, так что он еще не закончился и продолжается по сей день.

Если честно и рационально поискать не только отрицательный, но и положительный смысл случившегося за прошедшее столетие, то нельзя не согласиться с мнением философа Николая Бердяева, что через ужасную большевистскую революцию, сопровождавшуюся невероятными вандализмом и злодеяниями, пробудились к исторической активности огромные массы русского народа, которые не были охвачены петровскими реформами, застрявшие где-то в XVIII веке и на момент революции все еще находившиеся во тьме, безграмотности и пассивности, веками ведя почти животное существование. Этих людей – а они составляли подавляющее большинство населения – даже и за людей не считали, о них просто

не думали, их не замечали, – старая имперская Россия была очень виновата перед ними и, по сути, ничего не сделала для изменения их положения, хотя такие попытки сверху предпринимались. Для этих людей революция открыла новый смысл жизни, и возвращаться назад к животному состоянию они уже не желали.

То же самое можно, в известной степени, отнести и к жившему в черте оседлости, большей частью в беспросветной нищете, еврейскому населению западных губерний России, которое по причине вероисповедания было ограничено в правах, а к тому же из-за погромов не было способно в такой степени оценить всю своеобразную прелесть уклада старой русской дореволюционной жизни, чтобы потом по нему горевать.

Неудивительно, что такое большое число грамотных, ассимилированных, профетически настроенных и зараженных бесом марксизма евреев, позабыв о своем еврействе, увидели в русской революции не только освобождение от царского гнета, но и невиданные до того возможности для самореализации на пути построения нового общества – общества «светлого будущего» не только для России, но для всего человечества.

Русская пословица учит: «Нет худа без добра». В эпоху хрущевской оттепели и далее, вплоть до самообрушения режима, в Советском Союзе сформировалось и существовало уникальное, не имеющие никаких аналогов в истории, человеческое содружество: общество людей, объединенных чувством равенства в беде, общество, которое определяло себя различными формами активного и пассивного сопротивления, противостояния построенной на лжи системе. Появилось очень четко очерченное понятие – «мы» и «они». Разумеется, все это относилось не ко всему населению страны, а преимущественно к так называемой советской интеллигенции, студенчеству, людям, получившим высшее техническое или гуманитарное образование, людям, стремившимся, как это позже точно сформулировал Александр Солженицын, жить не по лжи.

Одной из важнейших функций этого общества была функция памяти, сохранения связи и преемственности по отношению к дореволюционному прошлому, которое тогда, для людей, родившихся в советскую эпоху, воспринималось как некая безвозвратно канувшая в Лету чуть ли не античность. Молодые, тогда 20-летние, ленинградские поэты, родившиеся в предвоенные годы, вдруг с изумлением обнаружили, что еще жива Анна Ахматова

– одна из героинь русского предреволюционного Серебряного века. Возникла жгучая до рези «тоска по мировой культуре» на советский лад: «Мешает жить Париж...» и т.д., тяга к огромному манящему неведомому миру, начинающемуся прямо за «колочей проволокой», тоска по старой, теперь уже идеализированной, дореволюционной русской жизни.

Именно отсюда возникла так называемая «неофициальная культура», культура «андеграунда», охватившая интеллигенцию Москвы, Ленинграда и других крупных городов страны. Бульдозерные выставки, Тартуско-московская семиотическая школа Ю.М.Лотмана, неофициальные чемпионаты страны по бриджу, домашние неподцензурные литературные, философские и религиозные семинары, правозащитная и диссидентская деятельность и т.д. Одной из форм пассивного сопротивления было коллекционерство, которое помимо функции сохранения исторической памяти еще было способом духовного выживания, глотком свежего воздуха в удушающей атмосфере официального зловонья, восстановлением смысла жизни, порядка вещей. Люди вдруг начали интенсивно собирать все старое: книги, иконы, картины, монеты, марки, – все, что напоминало о «прекрасном» дореволюционном прошлом.

Это общество прекратило свое существование вместе с крушением системы. Многие люди до сих пор с ностальгией вспоминают те времена. Конечно, такое общество могло существовать только в условиях несвободы, то есть в этом, собственно, и заключалась его уникальность, и самим фактом своего существования оно было обьязано советской тоталитарной системе, как бы кощунственно это ни звучало. Когда в конце 1980-х годов прекратился политический террор и все запрещенное опубликовали, да к тому же всем разрешили ездить за границу, то это общество просто перестало существовать. Взамен в стране появилось «посюстороннее» настоящее – эклектическая мешанина всего и вся, лишенная пока что очертаний и общего стиля. Прошло еще слишком мало времени, чтобы видеть что-нибудь отчетливо и подводить новые итоги.

В заключение замечу, что у меня нет никаких утешительных прогнозов относительно того, что будет дальше. Я не вижу света в конце туннеля. На мой взгляд, разница между тем, что можно видеть сейчас, и тем, что будет видно после, – чисто количественная, разница в масштабах катастрофы – катастрофы, пока еще

именуемой русской, но как ее назовут потом, я не знаю. Возможно, что внутри страны, внутри нынешней России, существуют люди, которые считают себя русскими, осознают всю трагедию краха русской государственности, все хорошо понимают, полны сил и когда-нибудь в будущем, смогут освободиться от рока и окажутся способными взять на себя ответственность за все случившееся и через покаяние и очищение вернуться к созиданию чего-то нового и человеческого.

Аркадий Шпильский -

родился в 1949 году в Киеве. Еще подростком начал сочинять стихи. С 1963 года посещал киевский литературный клуб старшекласников «Джерело» («Родник»), закрытый в 1965 году партийными органами. В 1972 году окончил Киевский политехнический институт по специальности «теплофизика». Там же в 1980 году получил второе высшее образование по теории информации и прикладной статистике. Работал в Киеве и Ленинграде. В 1992 году эмигрировал в США, где специализировался в области

биостатистики. Работал в научно-исследовательских институтах при Пенсильванском университете и в фармацевтической промышленности (*Pfizer, Sanofi, Novartis*). Пишет малую прозу, стихи, стихотворные переводы и пародии. Опубликовал более 100 переводов из украинской поэзии в журналах и альманахах «Слово/*Word*», «Этажи», «Интерпоэзия», «Эмигрантская лира», «Семь искусств», «Зеркало», «Связь времен», «Новый Свет», «Чайка», «Вестник Пушкинского общества Америки» и «Страницы Миллбурнского клуба».

Из лирики Сергея Жадана*

Переводы с украинского

Что это истекает кровью?

Это антенна.

Удобный случай снять посмертную маску.

На площади стоит сбитая из досок сцена.

Апостолы третий день домашнее обмывают фиаско.

Антенна поворачивается подсолнухом к свету,

чутко улавливает в небе утренние сигналы.

Ловит сигналы для тех, кому была беззаветной,

покуда они ее радостно распинали.

Ветры в апреле лютуют, как бешеный цербер.

Сатана разжигает свои черные мартены.

В воздухе тихо, как в обворованной церкви.

И неизвестно, на чем держится

чувствительность антенны.

---

* Сергей Жадан - украинский поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Родился в 1974 году. Кандидат филологических наук. Автор романов «Депеш мод», «Ворошиловград», «Месопотамия», поэтических сборников «Цитатник», «Эфиопия» и др. Литературные произведения Сергея Жадана получили многочисленные национальные и международные награды, были переведены на тринадцать языков, сделав автора одним из самых известных украинских писателей. В 2015 году за книгу «Месопотамия» награжден ежегодной премией «Ангелус», которая вручается лучшему автору из Центральной Европы. Живет и работает в Харькове.

Тучи сейчас над городом, будто химеры.
Мертвенно сейчас в небе, будто на бойне.
Антенна третий день вылавливает из атмосферы
сигналы любви, невидимо и спокойно.

Но завеса мира – как пурпур наместника –
спадает в реки, звездами сгоревшими мерцая,
и эти сигналы ее – словно речь арамейская:
ее понимают разве что ласточки со скворцами.

И огонь охватывает города, как гнезда птички,
и стража вырывает из могил ценные металлы,
и сатана засыпает наутро, спрятав свое обличье,
но не переключает,
не переключает каналы.

* * *

Я хотел бы упасть когда-нибудь в этот снег,
чтобы он сбивал с дыхания мой бег,
чтобы он лежал в просторе ночном –
глубокий, будто псалом.

Я хотел бы закутаться в эти поля,
чтобы черная земля, злая земля,
стала частью меня, заполняя, творя,
как превращаются дожди в моря.

И когда бы она просыпалась в ночи,
вслушиваясь, как мир за окном молчит,
всматриваясь, как свет излучает вода, –
я любил бы ее и тогда.

Тайных речей шелест у берегов.
У нас с ней было столько всего,
что я охотно отдал бы меньше свое
тому, кто любит ее.

Я хотел бы учуять начало конца
в настороженных чертах ее лица,
во тьме, скрывающей ее уход,
в снегу, что меня изведет.

* * *

Я покидаю загадочный город,
город прощенных и прокаженных,
что держит – уверенно и гордо –
рабочие руки в карманах бездонных.
Где никогда не спят работяги,
куда прибывают ночные экспрессы,
где об успехах и передрыгах
вычитываешь из утренней прессы.

Я забываю ту мастерицу
непостижимой игры в молчанку,
словно неоконченную страницу
начинаю опять читать сначала.
Будто опять, на потеху ребятам,
письму обучаюсь усердно, натужно,
зная, что всем моим адресатам
давно ничего от меня не нужно.

Пусть же предместья рассветом мгlistым
за мной отзовутся фабричным шумом,
пусть я, подобно опавшим листьям,
останусь чьей-то печальной думой.
Пусть суждено не оставить и следа,
пусть обрывается эта кривая, –
я из него по-любому уеду,
вот я его уже покидаю.

И женщина эта пусть учится жизни,
так, будто рядом я с нею не был,
пусть не ломаются лета пружины,
разогревая зеленое небо,
пусть продолжается служба в конторах,
пусть не опаздывают трамваи,
пусть будут открытыми коридоры,
в которых она меня забывает.

Мне остается забыть его реки,
я буду еще прищуривать веки,
я буду вчитываться в афиши,
ждать и надеяться, что бы ни вышло.
Что ж, пусть забудется все – и точка.
В письмах ее треволнений столько,
столько любви и столько отравы...
Попробуй забыть ее – боже мой, правый.

* * *

Полжизни прожить в гостиницах и на колесах.
Смотреть, как луна висит на цирковых тросах.
Слушать, как дав выпасаться своим химерам,
во сне разговаривают миссионеры.

Ветер из ночи – терпкий, холодком колет.
Жить с простой просьбой не беспокоить.
Женщины не спеша идут к утренней мессе.
Как-нибудь напиши мне туда, где были вместе.

Сходятся на центральной площади пути господние.
В ночи в гостинице просыпаются самые безродные,
самые влюбленные и самые темнолицые.
Женщины от дождя прячутся в темной каплице.

И одна говорит другой, тихо, как при аресте:
наверное, в этом году все кончится наконец-то.

Наверное, – отвечает другая, – все кончится, ясно...
 Напиши мне о том, что было все не напрасно.

Напиши мне о том, что все равно позабудут.
 Напиши, как летом вылечиваться от простуды.
 И еще напиши о тех, у кого напасть неизбывная.
 Ночью в гостинице плачут преданные и забытые.

Смех уборщиц взрывает тишь утром ранним.
 И ты бросаешь сладкое яблоко в ранец.
 Мучаются от бессонницы воздушные акробаты.
 Чтобы написать об этом – полжизни не хватит.

* * *

Снег заносит на железке перегоны,
 месяц светит всем замерзшим пилигримам.
 Надвигаются на Киев батальоны
 добровольческих частей непобедимых.

Диспозиция предельно всем понятна:
 применив свою отвагу и сметливость,
 кровь пустить такой же голи перекатной,
 чтобы снова воцарилась справедливость.

Потерявшие в боях и бездорожье,
 выставляя под мостами охраненье,
 собираться будут все на службу божью
 неизменно ранним утром в воскресенье.

Будет имя им Христово, словно выдох,
 голос пыток и принятия страданий,
 будут согнутых от страха посполитых
 волочить в комендатуру для дознаний.

У костра подобно кучке беспризорных
 задремавшим вдруг пожарище приснится.
 Будут лаять пулеметы у дозорных,
 высекая из бульжников зарницы.

И когда разбудит ночь сигнальный выстрел,
 без надежды на сомнительные вести,
 надо будет прорываться или быстро
 схорониться по слободкам и предместьям.

Рожь несобранная будет в поле стьлом
 очевидцем этой бойни и позора.
 Нам с тобою необычно подфартило –
 отвоевывать пустоты у просторов

и на свет идти из темного пространства,
 зимовать под этой звездной глубиной.
 Ничего нам не осталось, кроме страсти.
 Ничего.
 Одна любовь у нас с тобою.

* * *

Целый месяц они стояли при этой реке.
Целый месяц река была недвижима и близка.
Нельзя было жечь огонь, забыли о табаке.
И с той стороны войска,
и с этой – тоже стояли войска.

Черная река,
течет себе черная река.
Кажется бесконечным этот дозор.
Вязкая она в августе и так глубока.
Какой она будет, когда впадет в Азов?

Слышно было – во тьме работают сердца.
Никто не знал, что будет в конце, – не мудрецы.
И течением с севера им принесло мертвеца –
неторопливого, как все мертвецы.

Будто его сюда принесла давняя беда
и вот теперь выделявала с ним круги.
В пробитых легких его стояла вода –
черная сладкая вода степной реки.

Иди, мужик, отсюда – господи, пронеси, –
забирай с собой свою смерть и страх,
здесь и нам, живым, не хватает сил,
что уж мертвому делать на таких берегах?

Забирай свою смерть с собой, забирай ее,
забирай ее подальше от этой реки,
забирай из темных вод это все свое,
забирай отсюда мертвые свои кулаки.

Течение прорезалось в теплой руде.
Лисьи глаза светились в лунных лучах.
А он лежал, раскинув руки, на августовской воде,
тяжелый, как крест на мужских плечах.

И куда-то влекло его течением на Восток,
и день все никак не подходил к концу,
и мужчины оцепенело смотрели на этот поток
и плакали по мертвецу,
по еще одному мертвецу.

Земля напуганных рыб и степных птиц.
Земля золотых пшениц и паленых трав –
кто-то напишет когда-то на много страниц
историю этих русел, берегов, переправ.

Кто-то впишет в историю все имена,
имена острых акаций и зеленых крапив.
Правый берег, о который бьется луна.
Левый берег – откуда никто не отступил.

* * *

Луна – приманка, лимонная корка.
Ночь – как внутренности корабля.
Спать и стеречь до утренней зорьки
снов ее подсолнечные поля.

Стеречь ее раздрай сердечный,
страхи ее оберегать.
Течения холодная вечность
будет подтачивать берега.

Еще деревьям гореть и желтеться,
и осень – рана под ниткой шва.
Слушать, как у нее под сердцем
растет тревога, будто трава.

Еще почтальоны приносят почту.
Еще переполнен тьмой небосвод.
Первый снег ложится на площадь,
как мужская рука на женский живот.

* * *

– Что ты имел в виду, мой боже?
Творил без сомнений, дилемм?
Все, созданное тобой, подытожа,
можно сказать – без проблем.

Но это вот сердце, что только и может
во мне все ныть и ныть.
Что в нем божьего, ну вправду, боже?
Так – печали одни.

Носишься с этим, – ни спрятать, ни вынуть.
Скрываешь неровный ход.
Хоть мог, заведя его, как турбину,
продумать все наперед.

– Просто все сводится к паре диковин:
к предвидениям и чудесам,
смысла нет в большинстве штуквин,
что создал для тебя я сам.

Сердце как сердце – шумит, немое,
большое, теплее огня.
А то, что оно у тебя ноет, –
так такое же у меня.

Бен-Эф (Ёся Коган) – родился и всю жизнь прожил в Москве, пока в 1992 году не переехал в Штаты. По образованию математик, кончил мехмат МГУ и позже защитил кандидатскую диссертацию. Приехав в Нью-Йорк, читал вводные курсы лекций по статистике в Курантовском институте, потом работал в Чикагском и Иллинойском университетах, а затем – статистиком в фармацевтических компаниях. Участвовал в семи сборниках «Страницы Миллбурнского клуба».

Стратегия нац. безопасности

Кавказский пленник

Отхамили Хамовники, отсмолили Смоленки,
Ту протоку в Проточном проглотила труба,
Сшив шубейку на Шубинке, не доху – до коленки,
Пирожки Пироговки Зубовкою дробя.

Полковой Голова с головой не расстался,
Мимо казней стрелецких ее пронесло.
Царских почестей Зуб у Петра не дождался –
Топором колокольную не снесло.

Сколько их ни руби, не прорубишь окошка
Из Москвы деревянной в Европу Петра,
И Царица – сестрица не подставит подножку.
Петербург – в каждом слоге удар топора!

Что березы, что ели, что сосны, что головы:
Топором их руби – не прорубишь окна
Из Москвы приордынной в Европу гольдштвовую,
И болото родное не осушишь до дна.

Ни лесов, ни голов, – голо русское поле, –
Песню путьки поют, возвратившись в Москву.
Цифровую Лубянкою царская воля
Половинкой Петра нагоняет тоску.

...По Варгухиной горке членовозы проехали.
Снова Крымской анафемой лавровый МИД
Всем мазепам грозит – и торгуют орехами
На Арбате в «Консервах». Плющиха плющит

До Девички, где девочек отдавали когда-то
В Золотую Орду. Там в рубахе простой,
Отлученный от церкви, сидит бородатый,
Серой глыбой своей зазеркальный Толстой,

Повернувшись спиной к возвратившимся девочкам,
 Посмуглевшим слегка, натянувшим чадру,
 Рядом с глыбой гуляющим, лузгая семечки,
 На «Кавказского пленника» сплюнув ЕдРу.

Русский вальс

Русский вальс – он был всегда военным:
 офицеры приглашают дам, –
 стал в 37 году расстрельным,
 птичек-троек вальс НКВДам.

До середины Днепра?.. Долетят,
 Ник-Василич, и дальше. От Москвы
 до самых до окраин, как котят,
 утопят всех в крови.

*Там, где Амур свои волны несет,
 Снова багряное солнце встает,
 Просит добавить в расход ЧК –
 Полузмахом смычка
 Счетовод-дирижер подтвердит разнарядку
 (Всех врагов и «друзей» по порядку).
 Он же кондуктор паровоза-оркестра,
 Летящего, раздувая пары,
 В коммуны под именем «Тартарары».
 Какие еще вам противовесы?*

*Все перемелется, будет мука,
 И за тобою придут, профессор.
 Рыцарям славным не будет отказа ни в чем,
 Скоро самим отправляться им тем же путем...
 Ветер сибирский прощальную песню сплет:*

*Ходит пенная волна, пенная волна
 Плещет, величава и вольна.
 Плачет, плачет мать родная,
 Бьется в слезах молодая жена –
 Только надежда у них пустая,
 Им не ответит никто никогда.
 Нету могил, нету крестов
 Ни у мужей, ни у сынов:
 Пули припрятал железный Ежов.*

*Если не хватит амурской луды,
 Мы зачерпнем из Дуная воды.
 Кто защитит заповедный наш край?
 Сталина нету – и полный раздрай!
 Нового, Господи, выстругай дай!*

*Где мы развяжем новые войны –
 Серебрятся волны, серебрятся волны,
 Славой Родины горды!*

*«Гений сумбура», из старых военных,
Вальс изумительный, новый расстрельный,
Вслед за «Измайловой» сочинил,
Горцу кремлевскому подарил
С новой гармонией – и
...позабыл.*

*(...Маршал – красавец,
Не бегай как заяц,
Не бомби поросят –
Никогда не простят.
Артиллерией не корми ты коз,
Не утюжь коров,
Не гони в колхоз.
Наломашь дров
На Крошштадтском льду;
На Тамбовском лугу,
На зеленой траве
Хлором не трави.
Сам красавец-скрипач,
Как придут, так не плачь.
Всех ты выдашь
И всех продашь,
Не сторгуешься баи на баи,
Не спасешь лисьей шкуры,
Засмеют тебя куры –
Главный Генпаук
Подмахнет – и... каюк!)*

*Пулемет опять по своим строчит,
Наш матросик – настух
Неживой лежит
И расстрельный вальс над Россией кружит –
Повальсируй со мной, потанцуй...*

*Русский вальс ослепительный льется
Из «глаз, захлопнутых широко».
Демис Руссос сейчас отзовется,
А за ним Андре Рьё позовет –
Повальсируй со мной, потанцуй.
Как они нам открыли родной русский вальс,
Почему мы его, как всегда, прозевали?
А что было – в подвалах ЧК расстреляли
Или грохнули в море.*

*Вальс-каприз,
Словно жизнь,
Оборвется внезапно
С красным ансамблем.
Волнам вторя
Черного моря
Вальсом-капризом,
Повальсируй со мной, потанцуй,
Доктор Лиза!*

*Серебрятся волны, серебрятся волны,
Славой Русскою горды!
Золотой той орды...*

Жена моя – Родина

О, Русь моя! Жена моя!
Александр Блок

У Гуревича Родины нет –
Только Сара, одна только Сара:
Он не Блок, он не русский поэт –
Ему Сарочка Родиной стала,
Темной ночью – в окошке свет.

Русь, не трусь, на тебя не залезет.
Со *своею* он Родиной спит:
Весь в нее поэгический лепет,
Хоть не Блок он, а просто жид.

Пусть не знает: она – его Родина,
Веселее Гуревичу с ней:
Королева, а не уродина
Нарождает ему детей.

Ни к чему ему ямбы – хорей,
Не рифмует любовь он и кровь.
Не подцепит она гонореи,
Покрывает когда на Покров.

Все еврейские праздники празднует
Местечковый, пархатый жмот,
Не слышавший о Даме Прекрасной,
Эта Дама его только ждет.

У Гуревича нету Родины.
У Гуревича – только жена.
Слаще меда, кислее смородины,
И, как Родина, – только одна.

Учитель логики

Учитель толстый был как бочка,
ему он хода не давал,
поставить в диссертэйшн точку,
пока был жив, не позволял:

«Куда спешить? Жратвы так много...
Сходи по бабам – время есть!...»
Ему он был заместо Бога, –
за парту рядом с ним не сесть

ни в Логике, ни там, на семинаре,
который длится пятый год:
«... Что в прошлый раз вы “доказали”?..

Что вы бубните-то под нос?
С таким подходом, друг упрямый,
Защиту ставлю под вопрос...»

Когда работать? Только ночью!
Под утро – волчий аппетит:
Борщ разогрел, свиные почки.
Нажрался! – Логика простит.

«Ну, что опять ты?.. С “кандидаткой”?
И так ведь вроде мэ-нэ-эс...
Статеек накатай двадцатку...
Такой худой... – Прибавь мне вес!»

Святые профессии

Учитель – мой мучитель,
а врач мой был портач,
души моей губитель
и радостей палач.

Профессии святые,
о, как я вас люблю –
глаза ваши пустые,
инструкцию на лбу.

Такие симпатичные,
без вас бы как я жил?
Скажите, безразличные,
кто больше загубил?

...Чему меня учили –
я так и не узнал,
а чем меня лечили –
все в унитаэ спускал!

Кто виноват?

Ленинско-еврейская революция
перед тобою, как чай на блюде,
только смотри им не обожгись,
бывший Товарищ, став *Mr & Mrs.*

Батюшка-царь наш совсем был не сахар –
чай свой вприкуску не стал бы с ним пить,
Ленин Володька послал его нах*р –
Яшку Свердлова теперь не отмывать!

Красная Площадь. Полощутся флаги,
на Мавзолее торчат наши Члены –
знамя борьбы за рабочее дело –
кто же их поднял так гордо и смело?

Чем подпереть их, подернутых тленом?
Под «Варшавянку» ЧК их отпела,
скоро войдут все в Кремлевскую стену.

Верной дорогой идете, товарищи!
В сердце у нас польхает пожарище –
в рваных карманах торчат одни фиги.

...Чай оказался «жидок» на поверку.
Где твоя козочка – пионерка?
Ленина ставили к ней в этажерку,
да проломили нечаяно фанерку...

Поздно закатывать, милый, истерику,
с внуком комбрига сбежала в Америку.
...За пролетарское дело борцы –
всем бы обрезать второй раз концы!

Тело партии

Тело партии – члены партии:
Миллионы – на всех одна.
Партбилета в кармане хартия,
Членам партия – как жена!

Член за членом: жена, невеста?
Свадьба сучья – она навсегда!
Потому как святое место
Не бывает пустым никогда!

Тело партии – партия членов,
Миллионов спрессованный жмых.
В тело это войдут почленно,
В мавзолее их Ленин – жених.

До сих пор по ночам им снится
Свадьба эта собачья. Жена –
Тело партии: можно не мыться,
Потому как святая она.

Члены партии в партии тело
Не генсеки – генсики торчат.
А под ними партийные цели
Не как яйца, – как звезды горят!

